

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Пензенский государственный университет»

На правах рукописи

Видинеева Наталья Юрьевна

ИМПЛИЦИТНОСТЬ В ЖАНРЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО БЛОГА

Специальность 10.02.19 – Теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент Т.В. Дубровская

Пенза – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ	
ИМПЛИЦИТНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ БЛОГАХ	13
1.1. Концепции анализа имплицитности	13
1.2. Типология имплицитности	22
1.3. Интернет-коммуникация и ее жанры	28
1.3.1. Понятие и характеристики интернет-коммуникации	28
1.3.2. Интернет-жанры и место блога в интернет-коммуникации	34
1.3.3. Политические блоги в современной исследовательской парадигме	40
1.4. Методология исследования имплицитности в жанре политического блога	43
Выводы по Главе 1	45
ГЛАВА 2. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ	
ИМПЛИЦИТНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ БЛОГАХ	47
2.1. Языковые средства представления имплицитности	47
2.2. Лингвистический контекст как средство реализации имплицитности	70
Выводы по Главе 2	92
ГЛАВА 3. ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИМПЛИЦИТНОСТИ В	
ПОЛИТИЧЕСКИХ БЛОГАХ	94
3.1. Идеологическая ориентация блогерской платформы как источник имплицитной информации	94
3.2. Роль фоновых знаний в реализации имплицитности	98
3.3. Реализация имплицитной информации об авторе	105
3.3.1. Имплицитная манифестация принадлежности к социальной группе: лексические, стилистические, графические средства	107
3.3.2. Имплицитная актуализация оценочного отношения через идиомы и иронию.....	113

3.3.3. ИмPLICITная реализация оценок посредством креолизованных текстов.....	117
3.3.4. ИмPLICITная реализация ценностных установок с помощью бессубъектных предикатов и вводных конструкций.....	124
3.3.5. ИмPLICITная идентификация ценностей через хэштеги и визуальные элементы.....	128
3.4. Реализация имPLICITной информации об адресате	133
3.4.1. Инклюзивное «мы» и местоименные прилагательные	133
3.4.2. Обобщенно-личные предложения и риторические вопросы	140
3.5. Специфика имPLICITности политического блога.....	142
Выводы по Главе 3	146
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	153
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	157
СПИСОК ИССЛЕДОВАННЫХ МАТЕРИАЛОВ	175

ВВЕДЕНИЕ

Изучение механизмов и природы имплицитности является востребованным направлением исследований современной лингвистики. Внимание ученых привлекает имплицитность в разных типах текстов, в том числе в текстах интернет-коммуникации.

Степень разработанности проблемы. Имплицитность в языке и речи исследуется с позиций разных направлений: *психологического* (Е.В. Ермакова [Ермакова 2010], Л.А. Сергеева [Сергеева 2016], А.И. Барышева [Барышева 2015]), *психолого-лингвистического* (С.О. Гуляйкина [Гуляйкина 2011]), *логико-лингвистического* (П. Грайс [Grice 1989], Дж. Лайонз [Lyons 1977], Дж. Юл [Yule 1996], Л. Хорн [Horn 2006], Д. Шумска [Szumska 2012], С. Стати [Stati 2013]), а также *лингвистического* (Н.Г. Брагина [Брагина 1999], Е.Г. Борисова [Борисова 1999а], [Борисова 1999б], [Борисова 1999в], В.В. Дементьев [Дементьев 2000], Т.В. Дубровская [Дубровская 2020], Е.В. Ермакова [Ермакова 2009], [Ермакова 2010], Ю.С. Мартемьянов [Мартемьянов 1999а], [Мартемьянов 1999б], Е.В. Милосердова [Милосердова 2011], И.Л. Муханов [Муханов 1999а], [Муханов 1999б], О.С. Сыщиков [Сыщиков 2000], М.Ю. Федосюк [Федосюк 2012], И.А. Шаронов [Шаронов 1999]). Несмотря на разнонаправленность исследований, у ученых существует общее понятие об имплицитности как о невыраженном прямо компоненте высказывания. Существует также устоявшееся мнение относительно интерпретации имплицитного содержания высказывания. Для успешной дешифровки имплицитного смысла реципиенту необходимо применять знания об экстралингвистическом контексте высказывания, а также подключать фоновые знания.

На основании включенности фоновых знаний и пресуппозиций в процесс извлечения имплицитных смыслов исследователи выделяют системно-языковую и ситуативную имплицитность (А.Н. Баранов [Баранов 2007], А.В. Бондарко [Бондарко 2006], И.Л. Муханов [Муханов 1999а], А.И. Приходько [Приходько 2007]). На основании наличия у коммуникантов в социальных сетях общего

бэкграунда М. Теркурафи выделяет случайную и стратегическую имплицитность [Terkourafi 2019].

Проблема имплицитности в интернет-коммуникации, в том числе политически ориентированной, до настоящего момента не получила широкой теоретической разработки. Имплицитное диктумное и модусное содержание в политической интернет-коммуникации исследует Т.В. Дубровская [Дубровская 2020а]. И.В. Привалова анализирует явление деиндивидуализации и ее типы в рамках блогосферы [Привалова 2020]. Г.О. Петросян изучает мотивы имплицитной коммуникации в социальных сетях и блогах [Петросян 2021].

Однако имплицитность в текстах политической блогосферы, принципы ее функционирования и языковые способы актуализации изучены недостаточно. По этой причине исследование имплицитности в жанре политического блога представляется нам актуальным.

Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, необходимостью выявления и описания языковых механизмов функционирования имплицитности в политическом блоге. Эта необходимость объясняется возросшим влиянием неинституциональных средств коммуникации на политические процессы. С другой стороны, актуальность работы обусловлена недостаточной исследованностью типов языковых и мультимодальных средств актуализации имплицитности в политической интернет-коммуникации, в частности, в жанре блогов. Актуальность исследования обусловлена также и социальными факторами. Жанр блога востребован в современной политической коммуникации. Официальные политические акторы имеют собственные блоги, в которых осуществляется общение с электоратом, а также ведение политической борьбы с оппонентами. Оппозиционные силы аккумулируют единомышленников на блоговых платформах с целью противостояния действующей власти. Рядовые пользователи заводят блоги, в которых делятся идеями о политическом устройстве общества, выражают мнения о политиках, их словах и действиях, о событиях общественной жизни. Неоднозначность обсуждаемых тем, а также личные коммуникативные намерения авторов блогов нередко вынуждают их

выражать мысли в имплицитной форме. Подобная социальная обусловленность появления имплицитности в политических блогах также объясняет актуальность исследования.

Объектом настоящего диссертационного исследования является имплицитность, реализуемая в жанре политического блога.

Предметом исследования являются принципы функционирования языковых и мультимодальных средств выражения имплицитных смыслов в политическом блоге и зависимости данных средств от ряда прагматических факторов. В число таких факторов включены тип автора блога, его коммуникативные намерения, идеологические установки, ценностные ориентиры, а также тип блогговой платформы.

Цель исследования – построение лингвопрагматической модели имплицитности в жанре политического блога.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- 1) обобщить выводы теоретических исследований о природе имплицитности, ее типологии и характеристиках, способах ее анализа, а также об особенностях жанра блога как одного из жанров интернет-коммуникации;
- 2) выявить и систематизировать контексты, в которых информация представлена в имплицитной форме;
- 3) определить и систематизировать языковые средства, используемые для презентации имплицитности, характерные для политических блогов;
- 4) установить принципы, в соответствии с которыми средства языка реализуют имплицитность;
- 5) определить основные параметры модели имплицитности в политическом блоге;
- 6) выявить зависимость функционирования языковых средств выражения имплицитности от прагматических факторов применительно к каждому компоненту модели;

7) продемонстрировать особенности функционирования мультимодальных средств, реализующих имплицитность, применительно к каждому компоненту модели.

Материалом исследования послужили блогговые записи и комментарии к ним, размещенные на следующих платформах: livejournal.com, twitter.com, reddit.com, zen.yandex.ru, tumblr.com, order-order.com, scienceblogs.com, а также блоги, размещенные на площадках некоторых СМИ («Сноб», «Дождь», признанный Минюстом РФ иностранным агентом, «Царьград-ТВ»). Материал отбирался посредством сплошной выборки по меткам «политика», «общество и политика», «politics», «brexit», «we are british», «US politics», «presidential race memes». Также источником материала послужили блоги некоторых системных и несистемных политических деятелей России, Великобритании и США, например, блоги Д. Медведева, С. Собянина, М. Светова, Д. Байдена, Б. Сандерса, Д. Трампа, Б. Джонсона, Н. Фаража. Начало периода, за который отбирался материал, совпадает с началом работы над исследованием (2017 год). Окончание периода было обусловлено достижением максимальной степени насыщенности материала (2020 год). Были проанализированы записи 25 блогов известных общественных и политических деятелей. Общий объем проанализированного материала составляет 241 блогговую запись и 558 комментариев, содержащих 1842 контекста имплицитности. При анализе материала мы не придерживаемся никакой политической позиции и подходим к материалу с научной точки зрения.

Методология исследования основана на достижениях теории речевых жанров и прагматического жанроведения. Прагматическое жанроведение позволяет рассматривать блоги как продукт социальных изменений, как инструмент конструирования отношений в обществе. Кроме того, прагматическое жанроведение позволяет анализировать фактор автора и фактор адресата как равнозначные компоненты модели жанра.

В ходе исследования применялись общенаучные методы наблюдения, описания, классификации, интерпретации. Кроме этого, применялись методики контекстуального анализа, мультимодального анализа, дефиниционного анализа.

Методика анализа включала следующие шаги. Был собран корпус записей политических блогов на русском и английском языках. Результатом первичного изучения текстов блогов стало вычленение основных параметров модели, в рамках которой реализуется имплицитность: характер блогерской платформы, статус автора, его групповая идентичность, ценностные установки, коммуникативные цели, коммуникативные цели комментаторов, а также их идеологические и политические установки.

С помощью методов наблюдения и описания были выделены специфические языковые средства представления имплицитности, которые были расклассифицированы в соответствии с принятыми постулатами системного языкознания. Также были выявлены мультимодальные средства, имеющие импликационный потенциал. Были проинтерпретированы механизмы, по которым описанные средства реализуют имплицитность в политическом блоге.

Теоретической базой настоящего исследования стали работы по теории имплицитности и семантике (А.В. Бондарко, Е.Г. Борисова, П. Грайс, В.В. Дементьев, В.З. Демьянков, Е.В. Ермакова, Ю.С. Мартемьянов, И.Л. Муханов, Е.В. Падучева, М. Теркурафи, М.Ю. Федосюк, И.А. Шалудько, Д. Шумска, Дж. Юл и др.), теории интернет-коммуникации (Е.И. Горошко, Т.В. Дубровская, А.Г. Кириллов, Т.Н. Колокольцева, Д. Кристал, Г.В. Лукьянова, И.В. Привалова, А.С. Титлова, С. Херринг, Ю.В. Щурина и др.), политической интернет-коммуникации (Я. Блуммерт, Л.В. Иванова, О.С. Кудимова, М.В. Милованова, Л.Н. Ребрина, Х. Санчез-Виллар, Е.В. Терентьева), теории речевых жанров и моделирования речевых жанров (М.М. Бахтин, В.В. Дементьев, Т.В. Дубровская, В.И. Карасик, К.Ф. Седов, К.М. Шилихина, Т.В. Шмелева и др.), теории конструирования адресата (Н.Д. Арутюнова, И.В. Бакланова, Т.В. Дубровская, Т.Л. Каминская и др.), теории текста (И.Р. Гальперин), стилистике (И.В. Арнольд, О.С. Ахманова, Дж. Каддон, Б. Нерлих), теории оценки и аксиологии (Е.М. Вольф, Н.С. Данкова, Т.В. Дубровская, Л.А. Закс) и др.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Специфика имплицитности в политическом блоге обусловлена прагматическими факторами. Цифровой формат жанра определяет специфику имплицитной трансляции политической позиции и убеждений через политическую ориентацию блоговых платформ, а также применение мультимодальных средств выражения имплицитных смыслов (эмотиконы, лайки, гиперссылки, инструменты репоста). Политическая ориентация коммуникации ведет к выражению потенциально противоречивых смыслов в имплицитной форме для избежания ответственности за сказанное, а также для смягчения категоричности выражаемых оценок.

2. Модель имплицитности политического блога определяется следующими прагматическими параметрами жанра: институциональный статус автора; коммуникативные цели автора; аксиологические установки автора; идеологическая ориентация блоговой платформы; групповая идентичность автора; коммуникативные цели комментатора; политическая и идеологическая позиция комментатора. Все эти параметры актуализируются в значительной степени через имплицитно выраженные смыслы.

3. Имплицитное выражение коммуникативных целей, которые коррелируют с институциональным статусом автора и включают борьбу за власть, улучшение имиджа, удержание электората, интеграцию лояльной аудитории в блог и выражение оценочного отношения к политическим лицам или событиям, осуществляется при помощи лексических средств (инклюзивного «мы», местоименных прилагательных, идиоматических выражений), средств синтаксиса (безличных предложений, обобщенно-личных предложений, риторических вопросов), лингвистического контекста, а также мультимодальных средств.

4. Имплицитная манифестация утилитарных ценностей осуществляется через визуальное оформление блога и свойственна несистемным политикам и журналистам. Имплицитная манифестация неутилитарных ценностей (свободы, самоидентификации, единения, жизни, патриотизма) происходит с помощью вводных конструкций, направленных на оценку пропозитивного содержания высказывания, а также с помощью безличных предложений, хэштегов в форме

лозунга или призыва, фоновых изображений блога, отсылающих к прецедентным культурным или общественным событиям.

5. ИмPLICITНЫЕ смыслы об идеологических убеждениях автора актуализируются при условии наличия фоновых знаний у реципиента об идеологической ориентации блогерской платформы.

6. ИмPLICITная манифестация групповой идентичности автора обусловлена его коммуникативными целями и служит для объединения и удержания электората, улучшения имиджа системных политиков, а также для интеграции лояльной аудитории других категорий авторов. Средствами представления имPLICITной информации о групповой идентичности являются суждения с инКЛЮЗИВНЫМ «МЫ», местоименными прилагательными, а также метонимия, эмодзи в форме государственных флагов, флагов сексуальных меньшинств.

7. Специфика блога как диалогического жанра обуславливает меню ролей «автор-адресат». Комментаторы оценивают диктумное содержание инициального поста, политическую позицию автора, мнение других комментаторов с помощью приема иронии, языковой игры, интертекстуальности, а также мультимодальных средств (визуальных метафор, лайков), которые транслируют имPLICITные смыслы.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в лингвистических исследованиях представлена лингвопрагматическая модель имPLICITности в жанре политического блога. В результате исследования также представлена классификация языковых средств реализации имPLICITности, востребованных в политических блогах. Кроме того, обозначены принципы, по которым эти языковые средства актуализируют имPLICITные смыслы в политических блогах в зависимости от прагматических факторов. Также было доказано, что имPLICITность в политическом блоге обусловлена цифровым форматом существования жанра и политической ориентацией коммуникации в нем.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что она вносит вклад в теорию языка, прагмалингвистику, теорию речевых жанров. В ходе исследования были достигнуты следующие результаты:

- систематизированы языковые средства выражения имплицитности, востребованные в политическом блоге, а также описаны принципы актуализации имплицитных смыслов;

- описаны прагматические аспекты имплицитных смыслов политического блога;

- впервые построена модель имплицитности в жанре политического блога.

Результаты, полученные в ходе исследования, уточняют понимание природы имплицитности, механизмов ее возникновения. В работе также представлены результаты осмысления характера прагматических факторов, которые обуславливают появление имплицитности в политически ориентированных текстах интернет-коммуникации.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использования его результатов в деятельности политтехнологов и специалистов в области политического пиара для оптимизации стратегий ведения предвыборных кампаний. Результаты исследования могут быть учтены администрациями политиков при взаимодействии со СМИ и гражданами, в том числе через блоги и социальные сети. Также практическую значимость исследования мы видим в возможности применения его результатов в работе специалистов, занимающихся подготовкой и написанием публичных речей для политических деятелей. Выводы, предложенные в работе, могут быть учтены при составлении практических рекомендаций, методических пособий по лингвистической экспертизе текста.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования обсуждались на следующих всероссийских и международных конференциях: IV Международная научно-практическая конференция «Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере» (г. Москва-Пенза, 2018 г.), V и VI Международные научно-практические конференции «Язык. Право. Общество» (г. Пенза, 2018 г., 2020 г.),

III Международная научно-практическая конференция «Современные направления в лингвистике и преподавании языков: проблема метода» (г. Пенза, 2019 г.), Международные студенческие исследовательские вебинары по языку и культуре, проводимые Пензенским государственным университетом совместно с университетом г. Брашов (Румыния) (2020 г., 2021 г., 2022 г.), IV Международная научно-практическая конференция «Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение» (г. Орёл, 2020 г.), VI Международная научно-практическая конференция «Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире», посвященная 100-летию Белорусского государственного университета (г. Минск, 2020 г.), Международная научная конференция «Антропологический поворот: теории и практики» (г. Орёл, 2021 г.), XXXI и XXXII университетские научно-практические конференции обучающихся и научно-педагогических работников «Актуальные проблемы науки и образования» (г. Пенза, 2021 г., 2022 г.).

Содержание работы отражено в 10 публикациях, в том числе в 3 статьях в журналах, включенных в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий...», рекомендуемых ВАК РФ, из которых 1 статья индексируется в базе Scopus.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и списка исследованных материалов.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ИМПЛИЦИТНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ БЛОГАХ

1.1. Концепции анализа имплицитности

Коммуникация является неотъемлемой составляющей любой человеческой деятельности. Сообщения, передаваемые в процессе коммуникации, могут иметь различный характер, как эксплицитный, так и имплицитный. Согласно А.В. Кравченко «даже тогда, когда мы устанавливаем прямую связь с адресатом нашего иллокутивного акта, наше воздействие на него вовсе необязательно должно быть прямым. Наоборот, чаще всего оно носит как раз непрямой характер, когда мы говорим одно, имея ввиду другое» [Кравченко 2003: 37]. Информация, передаваемая с помощью неконвенциональных значений языковых средств, является выраженной имплицитно, а само явление имплицитности представляет собой объект исследований одновременно нескольких наук, например, различных отраслей лингвистики (когнитивной лингвистики, психолингвистики, прагмалингвистики) и психологии. Исследованиями имплицитности занимались А.Н. Баранов [Баранов 2007], Н.Г. Брагина [Брагина 1999], А.В. Бондарко [Бондарко 2006], Е.Г. Борисова [Борисова 1999а], [Борисова 1999б], [Борисова 1999в], П. Грайс [Grice 1989], В.В. Дементьев [Дементьев 2000], В.З. Демьянков [Демьянков 2006], К.А. Долинин [Долинин 1983], Т.В. Дубровская [Дубровская 2020а], Е.В. Ермакова [Ермакова 2010], Дж. Лайонз [Lyons 1970], Ю.С. Мартемьянов [Мартемьянов 1999а], [Мартемьянов 1999б], Е.В. Милосердова [Милосердова 2011], О.Л. Михалева [Михалева 2009], И.Л. Муханов [Муханов 1999а], [Муханов 1999б], М.Ю. Олешков [Олешков 2006], Е.В. Падучева [Падучева 2004], О.С. Сыщиков [Сыщиков 2000], М. Теркурафи [Terkeurafi 2019], М.Ю. Федосюк [Федосюк 2012], И.А. Шалудько [Шалудько 2017], И.А. Шаронов [Шаронов 1999], Дж. Юл [Yule 1996]. Исследователи

используют разные термины для обозначения явления имплицитности, например, импликатура, имплицитное содержание высказывания, имплицитная информация. Термин «импликатура» впервые ввел в научный обиход П. Грайс [Grice 1989], а толкование ему дал Дж. Юл. Он отмечал, что импликатура – это «дополнительно сообщаемый смысл» (*перевод с англ. яз. здесь и далее мой. – Н.В.*) [Yule 1996: 35]. К.А. Долинин толковал понятие «имплицитное содержание высказывания» как содержание, не закрепленное в конвенциональных значениях единиц языка, но которое можно извлечь при восприятии высказывания [Долинин 1983: 37]. Имплицитность некоторыми исследователями толкуется как одна из категорий дискурса [Олешков 2006], как категория текста [Сыщиков 2000: 5]. Мы в своем исследовании опираемся на толкование имплицитности Е.В. Ермаковой. Исследовательница понимает имплицитность как «смысл, извлекаемый с опорой на речевую ситуацию и благодаря деавтоматизируемому имплицитному знанию» [Ермакова 2010: 4].

Существуют различные концепции теории имплицитности, каждая из которых задает определенный вектор анализа этого явления. Мы выделили основные из них: **психологическую, психолого-лингвистическую, логико-лингвистическую и лингвистическую.**

Среди исследователей, рассматривавших имплицитность **с точки зрения психологии**, стоит выделить Е.В. Ермакову, Л.А. Сергееву и А.И. Барышеву. Мы считаем необходимым отметить, что данные исследователи не являются сторонниками исключительно психологического подхода к анализу имплицитности: они также рассматривали феномен и с точки зрения лингвистики.

Рассуждая о психологической природе имплицитности, Е.В. Ермакова пишет, что имплицитность – это «форма существования знания, которая составляет одну из основ психосознательной деятельности человека» [Ермакова 2010: 3]. Е.В. Ермакова подчеркивает неразрывность психологической и лингвистической природы имплицитности: «В целом имплицитность можно определить как психологически реальную форму знания, обладающую свойствами неосознаваемости, невербальности, автоматизма. Она выступает как

латентный фактор, влияющий на язык (и его системные свойства), и выступает в языке в качестве имплицитного значения» [Ермакова 2010: 21].

А. И. Барышева указывает, что «имплицитность понимают как форму знания» [Барышева 2015: 19], а также, что «имплицитность понимается как информация» [Барышева 2015: 19]. Такое толкование имплицитности близко к тому, как его рассматривает Е.В. Ермакова: это форма существования информации в сознании человека, то есть имплицитность представляется скорее как психологическая категория, нежели лингвистическая.

Л.А. Сергеева указывает на то, что «имплицитность – это способность человеческой памяти хранить знания в неявном виде и по мере необходимости выводить их в зону осознаваемого» [Сергеева 2016: 61]. В предложенном смысле имплицитность лишь косвенно связана с речевой деятельностью человека. Исследовательница также подчеркивает, что «неявное знание, в свою очередь, есть продукт интериоризации имплицитного смысла, извлекаемого адресатом из полученной ранее информации» [Сергеева 2016: 61].

Мы считаем, что феномен имплицитности имеет когнитивную природу, а составляющие его частные имплицитные смыслы являются областью интересов лингвистики. Понятие «имплицитный смысл» было объяснено Е.В. Ермаковой: «Это форма представления имплицитного знания, когда в фокус внимания говорящего или слушающего попадают те связи, которые находились “на периферии”, в состоянии полной неосознаваемости. Речевой имплицитный смысл нельзя рассматривать в отрыве от тех факторов, которые влияют на процесс “фокусировки внимания” (ситуация, контекст и т.д.). Они входят в имплицитный смысл как его составляющие (компоненты смысла)» [Ермакова 2010: 21]. И.Л. Муханов считает, что имплицитные смыслы «выступают в качестве семантического потенциала высказывания, служащего основой для речевого реагирования и фактора смысловой связанности диалога» [Муханов 1999а: 84].

Психолого-лингвистической концепции анализа имплицитности придерживается С.О. Гуляйкина. Она определяет термин «имплицитность» как «сокрытие намерений говорящего в плане выражения, в качестве

основополагающей характеристики речевого манипулятивного воздействия» [Гуляйкина 2011: 128]. Исследовательница подчеркивает, что имплицитность является категорией психологического порядка и связана с намерениями говорящего не только скрыть информацию, но и манипулировать слушающим. Вместе с этим, имплицитность имеет лингвистическое основание, так как семантическое наполнение высказывания не соответствует его языковому выражению [Гуляйкина 2011: 130].

Исследователи, придерживающиеся **логико-лингвистической концепции** анализа имплицитности, предлагают применять логические операции для экспликации скрытого в высказывании смысла. Такой подход нашел большое количество сторонников в зарубежной науке. П. Грайс был среди первых, кто упомянул и описал в своих трудах неявно выраженные смыслы высказывания. Он назвал такие смыслы 30импликатурами. Импликатура по П. Грайсу — это «то, что подразумевается» [Грайс 1989: 24], то есть тот компонент высказывания, который не выражен через буквальное, конвенциональное значение элементов высказывания, но при определенных условиях может быть вычислен реципиентом высказывания. Идеи П. Грайса активно развивались в западной науке [Lyons 1977], [Yule 1996], [Horn 2006]. Исследователи импликатур считали, что для вычисления скрытого смысла реципиент должен исходить из предположения, что собеседник не нарушает Принцип Кооперации и максимы речевого общения (количества информации, качества информации, релевантности и ясности [Грайс 1989: 26-27]), сформулированные П. Грайсом. Также реципиенту необходимо применять некоторые логические операции.

Следует заметить, что не все исследователи принимали точку зрения П. Грайса. Существуют работы, где выдвигается критика Принципа Кооперации и входящих в него максим. Считается, что теория П. Грайса слишком идеалистична, наивна и тривиальна. Так, Д. Кэмпбелл подчеркивает, что «максимы предполагают практически утопичного уровня благовоспитанное поведение говорящего, а также представляют собой устаревшие стандарты правдивости,

которые показались бы утомительными даже Джорджу Вашингтону» [Campbell 2001: 256].

Д. Шумска полагает, что «лингвист, по крайней мере искушенный, признает необходимость сохранять в своих исследованиях дисциплину диспаратного изучения семантики и прагматики» [Szumska 2012: 364]. Она призывает не применять методы прагматики в семантических исследованиях, а также учитывать естественную с точки зрения закона речевой экономии «асимметричность взаимоотношений содержания и формы» [Szumska 2012: 364]. Упомянутая асимметричность плана выражения и плана содержания высказывания и образует суть явления имплицатуры.

В рамках логико-лингвистической концепции описывал имплицитность С. Стати, который рассматривает имплицитность как имплицитную пропозицию. Имплицитная пропозиция определяется им как «исключительно фрагменты механизма аргументации», при этом пропозиция не должна логическим путем выводиться из высказывания [Stati 2013: 438]. Исследователь приводит ряд причин выбора такой терминологии: во-первых, термин «имплицитная пропозиция» используется специалистами в области логики и многими лингвистами; во-вторых, данный термин является интернациональным; в-третьих, «он обозначает логическую структуру и как таковой принадлежит к глубокой структуре. Пропозиция является вербальным основанием аргументативной роли» [Stati 2013: 439].

Собственно **лингвистическая концепция** анализа имплицитности получила в научных кругах наиболее широкое распространение. Данной концепции придерживаются Н.Г. Брагина, Е.Г. Борисова, В.В. Дементьев, Т.В. Дубровская, Е.В. Ермакова, Ю.С. Мартемьянов, Е.В. Милосердова, И.Л. Муханов, О.С. Сыщиков, М.Ю. Федосюк, И.А. Шаронов.

С системно-языковой позиции имплицитность была описана Е.Г. Борисовой [Борисова 1999а: 15-29], [Борисова 1999б: 30-42]. Исследовательница анализировала особенности реализации имплицитной информации на морфологическом и лексическом уровнях. Имплицитность на уровне синтаксиса

рассматривали Ю.С. Мартемьянов [Мартемьянов 1999а: 58-75] и Е.Г. Борисова [Борисова 1999в: 76-80].

Имплицитность с точки зрения лингвопрагматики анализировали И.Л. Муханов [Муханов 1999а] и И.А. Шаронов [Шаронов 1999].

Различные типы имплицитного содержания описал М.Ю. Федосюк [Федосюк 2012]. Исследователь понимает имплицитное содержание как «такое содержание, которое, не имея непосредственного выражения, выводится из эксплицитного содержания языковой единицы в результате его взаимодействия со знаниями получателя текста, в том числе с информацией, черпаемой этим получателем из контекста и ситуации общения» [Федосюк 2012: 159]. М.Ю. Федосюк выделил текстовое, подтекстовое, притекстовое имплицитное содержание, коммуникативное имплицитное содержание, коннотативное имплицитное содержание [Федосюк 2012: 158-170].

Т.В. Дубровская уточнила эту классификацию на материале текстов политической интернет-коммуникации [Дубровская 2020а]. Исследовательница описала имплицитное диктумное содержание (пропозиционное, контрадикторное, комплементарное) и имплицитное модусное содержание (оценка диктумного содержания, обозначение своего авторства, сообщение о коммуникативном намерении) [Дубровская 2020а: 22-31]. Т.В. Дубровская отмечает необходимость вести анализ имплицитности на уровнях выше предложения [Дубровская 2020а: 28].

Рассматривая имплицитность через призму языкознания, Е.В. Ермакова обращается к анализу феномена речевой имплицитности, которую определяет как «смысл, извлекаемый с опорой на речевую ситуацию и благодаря деавтоматизируемому имплицитному знанию» [Ермакова 2010: 4]. Исследовательница дает и другие определения имплицитности в речи: «Имплицитность – это имманентное свойство языковой единицы, связанное с вероятностью структуры неконечного множества признаков слова, реализуемое в контексте речевого сообщения» [Ермакова 2009: 59]. Также имплицитность трактуется как «свойство речевого сообщения оживлять и делать ощутимыми для

сознания такие связи единицы/единиц сообщения, которые в других ситуациях находятся в латентном состоянии, а также создавать такие связи, которых ранее единицы языка не имели» [Ермакова 2009: 59].

А.И. Приходько объясняет явление имплицитности посредством толкования категории «имплицитная информация». Такая информация не выражена эксплицитными языковыми средствами, «автор сообщения имеет ее в виду» [Приходько 2012: 48]. При этом исследовательница считает, что рассматривать имплицитность стоит в узком и широком смысле. И если, по мнению А.И. Приходько, в узком смысле имплицитность сводится в основном к синтаксическим редуциям, то в широком смысле имплицитность «представляет собой сложное взаимодействие лингвистического и экстралингвистического (суммарный смысл эксплицитного значения высказывания и значимого фона речи). Она предусматривает скрытое, опосредованное или косвенное выражение какого-либо значения, имеет прямое отношение к тексту или высказыванию и трактуется как явление, сопутствующее речемыслительному процессу» [Приходько 2012: 51].

Мы считаем целесообразным рассматривать имплицитность в широком и узком аспектах. Но мы полагаем, что с точки зрения лингвистической прагматики имеет смысл изучать имплицитность в широком смысле, так как именно на стыке лингвистического и экстралингвистического исследователь может наблюдать результат взаимодействия языковых факторов и условий порождения речи, а также рассматривать смыслы, порождаемые при этом. Также необходимо рассматривать имплицитность со стороны реципиента и учитывать факторы, влияющие на понимание текста. Т.А. ван Дейк и В. Кинч отмечали, что понимание текста возможно только в социальном контексте [URL: <http://www.philologos.narod.ru/ling/dijk.htm>]. В.М. Алпатов и Е.Г. Борисова описывают факторы, влияющие на понимание текста. В.М. Алпатов среди таких факторов отмечает потребность в идентичности и нарочитую демонстрацию образованности [URL: <https://clck.ru/dYEGz>]. Е.Г. Борисова рассматривает поколенческие различия как фактор, препятствующий пониманию [URL:

<https://clck.ru/dYЕК5>]. Что касается понимания имплицитности в тексте, то В.З. Демьянков пишет: «Техника понимания имплицитности как раз и состоит в установлении того, что же недовложено и как следует восполнить этот пробел, опираясь на сам текст, на обстоятельства его восприятия, а иногда даже на знание жизненного пути автора речи» [Демьянков 2006: 36].

А.И. Барышева объясняет явление имплицитности в речи следующим образом: «Термин “имплицитный” используют по отношению к смыслу, т.е. к содержанию, сущности, сути чего-либо» [Барышева 2015: 19]. Она также указывает на то, что «имплицитность рассматривается как часть содержания текста» [Барышева 2015: 19]. Данное определение отражает речевую сущность явления имплицитности, однако, на наш взгляд, не является полным. Исследовательница не указывает, какими характерными чертами обладает имплицитность в речи. Также А.И. Барышева не поясняет, каким образом имплицитность реализуется как часть содержания текста.

В.В. Дементьев уточняет понятие имплицитности через сравнение понятий имплицитной коммуникации и непрямой коммуникации. По мнению исследователя, в имплицитной коммуникации информация состоит из значений, а в непрямой коммуникации – из смыслов [Дементьев 2000: 51]. Ученый отмечает, что при непрямой коммуникации «неявные смыслы <...> вступают в сложные отношения с теми смыслами, которые выражены <...> эксплицитно, и общий смысл высказывания может быть понят только с учетом обоих типов смыслов» [Дементьев 2000: 46]. При имплицитной коммуникации высказывание не содержит подобных неявных смыслов, а сами высказывания являются лишь формально осложненными. Такие высказывания представляют собой редуцированные предложения, эллиптические конструкции. Их интерпретация осложнена в сравнении с интерпретацией полных конструкций, однако дополнительной смысловой нагрузки они не несут [Дементьев 2000: 46].

В.В. Дементьев подчеркивает, что в содержательном плане имплицитные высказывания равны эксплицитным. Они не содержат особых маркеров, привлекающих внимание к форме высказывания, сигнализирующих «о том, что

“имеется в виду не то, что говорится”». В случае непрямой коммуникации такие маркеры нередко используются [Дементьев 2000: 46-49].

Также В.В. Дементьев выявляет роль контекста в процессе интерпретации обоих типов высказываний. При непрямой коммуникации «ассоциативный контекст должен обеспечить деавтоматизацию знака, будучи создан по принципу отклонения от стандарта» [Дементьев 2000: 49], а при имплицитной коммуникации «контекст может быть определен вполне стандартно как “совокупность формально-технических условий, при которых однозначно выявляется содержание языковой единицы”» [Колшанский 1959: 47] [цитата по: Дементьев 2000 : 49].

При совершении непрямой коммуникации главным действующим лицом, по мнению В.В. Дементьева, является адресат, «продуцирующий смыслы» [Дементьев 2000: 51]. Сторона, порождающая высказывание, «никогда не сможет до конца предсказать, какие смыслы увидит адресат» [Дементьев 2000: 51]. При имплицитной коммуникации же «имеет место прямая коммуникация», кроме того «имплицитную коммуникацию всегда можно развернуть до прямой коммуникации без изменения смысла» [Дементьев 2000: 51].

В.В. Дементьев так подытоживает описание различия между непрямой и имплицитной коммуникацией: «Одним из важнейших параметров различия имплицитной коммуникации и непрямой коммуникации может считаться наличие/отсутствие прагматических факторов отступления от языкового стандарта» [Дементьев 2000: 53]. Приведенные выше тезисы демонстрируют, что прагматические факторы отступления от языкового стандарта присущи только непрямой коммуникации. Имплицитная коммуникация не имеет отношения к продуцированию смыслов, является аспектом формальной стороны речи и легко восстанавливается до эксплицитной коммуникации.

Проанализировав различные концепции теории имплицитности, в качестве исходных предпосылок данной диссертационной работы мы берем следующие положения:

1. феномен имплицитности формируется на стыке психической и речевой деятельности человека. Ментальные и психологические интенции говорящего вынести за пределы эксплицитности определенную часть смысла находят свое выражение в речи, что формирует имплицитные смыслы;

2. имплицитность – это смысл высказывания, не выраженный прямо, а извлекаемый реципиентом с опорой на контекст общения, с применением дополнительных когнитивных усилий;

3. мы придерживаемся положений сторонников лингвистической концепции имплицитности и будем рассматривать имплицитность как на разных уровнях языковой системы, так и на уровне текста;

4. для корректной интерпретации имплицитного смысла необходимо учитывать ряд экстралингвистических факторов (ситуативный контекст, фоновые знания, информацию об авторе текста и проч.).

1.2. Типология имплицитности

Типология речевой имплицитности может строиться в зависимости от того, вовлечены ли контекст речи и фоновые знания участников коммуникации в дешифровку имплицитных смыслов. В этой связи А.В. Бондарко предлагает делить речевую имплицитность на **ситуативную** и **системно-языковую**. Согласно его взглядам, **ситуативная имплицитность** передает смысл, «вытекающий из речевой ситуации и соответствующий ситуативной информации в ее связях со значениями, выраженными в данном высказывании языковыми средствами» [Бондарко 2006: 24]. В данном типе имплицитности исследователь выделяет особую её разновидность – «смысл, связанный с “фоновыми знаниями”» [Бондарко 2006: 24]. В данном случае имплицитный смысл скрыт во взаимодействии конвенциональных значений лексических элементов высказывания и в ситуации общения. Имплицитный смысл не представляется возможным дешифровать без знания контекста высказывания либо без наличия фоновых знаний.

Ситуативная имплицитность также является объектом исследований И.Л. Муханова [Муханов 1999а], П. Грайса [Grice 1989], Дж. Юла [Yule 1996], А.Н. Баранова [Баранов 2007], А.И. Приходько [Приходько 2012].

Системно-языковая имплицитность, согласно А.В. Бондарко, зависит от «особенностей системной организации значений в данном языке» [Бондарко 2006: 25]. В данном случае, по мнению ученого, уместно говорить не только об имплицитном смысле, но и об имплицитных значениях [Бондарко 2006: 25]. При анализе данного типа имплицитности, следует рассматривать грамматические категории, в которых два элемента противопоставлены друг другу, и один из них обладает «семантической немаркированностью» [Бондарко 2006: 25]. Исследователь в качестве примера такой грамматической оппозиции приводит оппозицию совершенного (СВ) и несовершенного вида (НСВ) глагола в русском языке [Бондарко 2006: 25]. А.В. Бондарко отмечает, что «семантическая немаркированность НСВ проявляется в способности выражать не только значения, контрастирующие с семантикой СВ, но и значения, контактирующие с этой семантикой, хотя и не совпадающие с нею. В условиях функционирования немаркированного члена оппозиции “вместо маркированного” реализуется возможность импликации свойственного СВ признака ограниченности действия пределом» [Бондарко 2006: 25].

Основное отличие системно-языковой имплицитности от ситуативной имплицитности состоит в том, что для ее дешифровки реципиенту не нужно опираться на контекст и фоновые знания, что, на наш взгляд, облегчает процесс выделения имплицитного смысла из высказывания.

Концепция А.В. Бондарко получает развитие в работах ученых XXI века. Так, А.И. Приходько предлагает иную терминологию для номинации тех же понятий. Тип имплицитности, который А.В. Бондарко обозначил как ситуативную имплицитность, А.И. Приходько называет **когнитивно-коммуникативной имплицитностью**. Название данного типа имплицитности обусловлено ее сутью: она является результатом взаимодействия плана выражения и контекста высказывания и представляет собой феномен, «сопутствующий

речемыслительному процессу» [Приходько 2012: 51]. Подобно ситуативной имплицитности А.В. Бондарко, когнитивно-коммуникативную имплицитность сложно дешифровать без обязательного учета ситуации, в которой было порождено высказывание.

Другой тип имплицитности А.И. Приходько обозначила как **лексико-грамматическую имплицитность**. Она связывает такую имплицитность с «редукциями в синтаксисе» [Приходько 2012: 51]. В отличие от теории А.В. Бондарко, в данной концепции рассматривается роль всевозможных синтаксических редукций в формировании имплицитных значений, но не упоминаются оппозиции в грамматических категориях. В целом, описание данного типа имплицитности соответствует тому, что А.В. Бондарко описал как системно-языковую имплицитность. Сама А.И. Приходько признает, что для такого типа имплицитности свойственна «достаточная прозрачность имплицитных значений, которые лежат на поверхности и не требуют значительных мыслительных усилий» [Приходько 2012: 51].

Разделение имплицитности по принципу вовлеченности ситуации общения в процесс дешифровки скрытых смыслов поддерживает и С. Стати. Тот тип имплицитности, который не предполагает учет контекста при дешифровке, он называет **языковой имплицитностью (langue implicitness)** [Stati 2013: 438]. Уместно говорить о языковой имплицитности в том случае, если «анализ не предполагает знания ситуации, а именно информации о собеседниках, фоновых знаниях и т.д., то есть никаких деталей прагматики» [Stati 2013: 438]. По мнению ученого, имплицитная информация может производиться самой языковой системой, которую используют собеседники. Также имплицитные смыслы могут быть обусловлены экстралингвистическими факторами [Stati 2013: 440-441]. Исследователь не предлагает конкретного термина для обозначения имплицитности, порождаемой экстралингвистическими факторами. Однако мы считаем, что в такой тип имплицитности схож с ситуативной и когнитивно-коммуникативной имплицитностью, описанных в работах А.В. Бондарко и А.И. Приходько.

В лингвистической науке также существует теория, объясняющая разделение имплицитности и имплицитных смыслов по принципу объективности или субъективности выраженных в высказывании смыслов. Такую теорию предлагает И.Л. Муханов [Муханов 1999а]. Предложенная им классификация предусматривает ранжирование имплицитных смыслов, порождаемых речевой имплицитностью. Первая группа получила название **«пропозитивные имплицитные смыслы»**. Данный тип имплицитных смыслов может быть «эксплицирован предложением» [Муханов 1999а: 83]. Исследователь полагает, что такие виды имплицитных смыслов «можно считать системными ввиду их объективного существования в лексико-грамматической структуре высказывания и однозначного, непротиворечивого восприятия слушающим» [Муханов 1999а: 83]. К данной группе имплицитных смыслов исследователь относит «вторичную (побочную, скрытую, свернутую) предикативность, пресуппозицию наличия, тождества, явление каузации» [Муханов 1999а: 83].

Во вторую группу имплицитных смыслов ученый включил **«имплицитные (словесно не выраженные) субъективно-модальные значения**, т.е. значения, связанные с субъективным (эмоционально-оценочным, волевым) отношением говорящего к предмету речи, к ситуации, к собеседнику или к самому говорящему» [Муханов 1999а: 84]. Исследователь уточняет, что одно и то же высказывание может выражать широкий спектр эмоций в зависимости от коммуникативной ситуации и интонационного оформления речи.

Не все исследователи при описании неявной, скрытой передачи смыслов используют термин «имплицитность». Так, А.Н. Баранов предлагает термин «импликация». В интерпретации исследователя импликация представляет собой логическую операцию: «предложение Р есть импликация предложения S, если из S следует Р, а из отрицания S следует отрицание Р» [Баранов 2007: 200]. Также А.Н. Баранов отмечает, что «с семантической точки зрения импликация из некоторого предложения может выводиться на основании семантики самого предложения, а также на основании семантики предложения и знаний о мире (в частном случае – ситуации)» [Баранов 2007: 200]. На основании этого

исследователь предлагает делить импликации на **узкие (или сентенциальные)** и **широкие (или модельные)** [Баранов 2007: 200-201].

А.Н. Баранов полагает, что **узкие (сентенциальные) импликации** могут быть «получены на основании семантики исходного предложения», а **широкие (модельные) импликации** могут быть получены «на основании и семантики предложения и знаний из модели мира человека» [Баранов 2007: 200-201].

П. Грайс впервые ввел в оборот термин «импликатура» [Грайс 1989: 24]. П. Грайс выделяет два основных её типа: **конвенциональные (conventional)** и **коммуникативные (conversational)**. В категории **коммуникативных импликатур** П. Грайс выделяет две группы: **частная импликатура (particularized implicature)** и **общезначимая импликатура (generalized implicature)** [Грайс 1989: 37].

Согласно теории П. Грайса, **конвенциональные импликатуры** появляются в речи только благодаря конвенциональному значению определенных слов, составляющих высказывание, то есть их можно соотнести с системно-языковой имплицитностью. Чаще всего такими словами являются союзы, например, союз *but* («но»), который добавляет в высказывание импликатуру контраста между двумя частями сложноподчиненного предложения, соединенными данным союзом. **Коммуникативные импликатуры** возникают только в процессе коммуникации [Грайс 1989: 25-26].

Дж. Юл, развивая идеи П. Грайса, пояснил разницу между частной коммуникативной импликатурой и общезначимой коммуникативной импликатурой. Она состоит в том, что для дешифровки первой реципиент должен обладать сведениями о контексте ситуации, в которой было совершено высказывание. Контекст текущей ситуации способен влиять на интенцию говорящего вынести часть сообщаемого значения высказывания за рамки эксплицитности, при этом оставив возможность для реципиента дешифровать данный имплицитный смысл (например, таким контекстом может быть присутствие при коммуникации третьего лица, для которого сообщаемая информация является нежелательной). Для дешифровки общезначимой

коммуникативной импликатуры реципиент должен воспользоваться некоей логической операцией, а контекст ситуации общения в этом случае на дешифровку воздействия не оказывает [Юл 1996: 40-42].

Данная классификация подверглась критике в лингвистической среде. Так, Д. Шумска полагает, что «в лингвистических исследованиях надо заменить термин “конвенциональная импликатура” терминами “компрессия” и “синтаксический эллипсис”» [Шумска 2012: 364]. Мы согласны с позицией Д. Шумской относительно проблемы конвенциональных импликатур. Существование в речи данного рода импликатур обусловлено «принципом экономии речевого общения» [Шумска 2012: 364]. Говорящий может намеренно или случайно сокращать план выражения высказывания, однако реципиенту не нужно будет прикладывать много мыслительных усилий, чтобы inferировать целостный смысл. Кроме того, Д. Шумска считает, что изучение неконвенциональных импликатур и вовсе не является задачей лингвистики, «которая не в силах самостоятельно разработать многоформенную и разносистемную речевую деятельность» [Шумска 2012: 365].

Имплицитность в коммуникации в социальных сетях рассматривает М. Теркурафи. Согласно позиции исследовательницы, наличие точек соприкосновения, общих позиций по определенным вопросам способствует появлению в речи так называемой случайной (default / «by accident») имплицитности. Отсутствие же таковых приводит к появлению стратегической, намеренной (calculated / strategic) имплицитности [Terkourafi 2019: 945]. Кроме того, М. Теркурафи подчеркивает, что «наша способность читать между строк может сокращаться, если наши связи в социальной сети слабы <...>» [Terkourafi 2019: 945]. Данная классификация имплицитности представляется нам перспективной при изучении имплицитности в рамках политических блогов. В данном диссертационном исследовании мы используем категорию стратегической имплицитности в своем понимании. Под стратегической имплицитностью мы имеем в виду имплицитность, возникшую в результате реализации намерения

автора в завуалированном виде сообщить нечто об одной из сторон коммуникации либо о третьем лице или событии.

В таблице 1 мы попытались систематизировать различные рассмотренные выше типологии имплицитных смыслов высказывания.

Таблица 1. Типы имплицитности в зависимости от основания классификации

№ п/п	Основания для классификации	Бондарко А.В.	Приходько А.И.	Муханов И.Л.	Баранов А.Н.	Грайс П./ Юл Дж.	Теркурафи М.
1	Системная организация языка	Системно-языковая имплицитность	Лексико-грамматическая имплицитность	Пропозитивные имплицитные смыслы	Узкие (сентенциальные) импликации	Конвенциональные импликации	-
2	Вовлеченность контекста речи и пресуппозиций	Ситуативная имплицитность	Когнитивно-коммуникативная имплицитность	Имплицитные субъективно-модальные значения	Широкие (модельные) импликации	Коммуникативные импликации: общезначимые и частные	-
3	Наличие/отсутствие точек соприкосновения у участников коммуникации	-	-	-	-	-	случайная / стратегическая

Проанализировав теоретические работы по типологии имплицитности, в фокус своего внимания в данном исследовании мы помещаем ситуативную имплицитность, предполагающую учет прагматических факторов, а также имплицитные субъективно-модальные смыслы, представляющие эмоционально-оценочное или волевое отношение говорящего к объекту речи. Намерение автора не выражать часть значения высказывания эксплицитно обуславливает появление в речи стратегической имплицитности.

1.3. Интернет-коммуникация и ее жанры

1.3.1. Понятие и характеристики интернет-коммуникации

Большой объем лингвистических исследований начала XXI века посвящен изучению медийного дискурса. Причины такого интереса разнообразны. А.Г. Кириллов считает причиной особый характер медийного дискурса, который объединяет и транслирует множество других дискурсов: политический, научный, религиозный, этический и т.д. [Кириллов 2018: 160].

Медиадискурс обладает широким набором характерных особенностей, однако Е.А. Кожемякин полагает, что «принципиальным отличием этого типа дискурса является то, что помимо производства определенных знаний, оценок объектов и их образов как результата речемыслительной деятельности он создает представление о способах трансляции знания. Иными словами, центральным предметом медиадискурса являются не столько, например, политические процессы, сколько способы их описания и передачи знания о них» [Кожемякин 2010: 16]. По мнению Л.Б. Темниковой, «разновидности медиадискурса выделяются в зависимости от используемых коммуникативно-информационных каналов» [Темникова 2016: 90]. Так, одним из типов медиадискурса, обладающих специфическим каналом передачи информации, Л.Б. Темникова считает компьютерный дискурс, который опосредован наличием технических средств у коммуникантов: «Коммуникативные возможности индивидуума значительно расширились благодаря техническим средствам, существованию глобальной компьютерной сети» [Темникова 2016: 94]. Связь понятия «компьютерный дискурс» только с компьютером как с каналом коммуникации мы считаем неактуальной. В этом вопросе мы солидарны с А.Г. Кирилловым: «Сегодня для выхода в глобальную сеть не нужно иметь стационарный компьютер с модемом, а достаточно обладать смартфоном с соответствующим тарифным планом» [Кириллов 2017: 260].

К понятию электронной коммуникации обращается М.Л. Макаров. Он указывает на принципиальную роль технической составляющей электронной коммуникации: «На фоне других факторов всё более заметную, а иногда и просто определяющую роль играет ранее не принимавшийся всерьез “технический” критерий “жанрообразия общения” (объединяющий “софт” и “железо”, то есть материальные, инженерные и программные ресурсы, обеспечивающие электронную коммуникацию)» [Макаров 2005: 1]. Развитие современных технологий делает коммуникацию в компьютерном дискурсе зависимой в первую очередь от наличия Интернет-соединения, а не от наличия персонального

компьютера или смартфона, поэтому мы считаем возможным использовать понятие Интернет-коммуникация.

В среде исследователей существует точка зрения, согласно которой общение в сети Интернет можно описать через понятие электронной коммуникации: «Электронная коммуникация представляет собой компьютерно-опосредованное общение, которое имеет особые признаки и включает различные виды текстов» [Титлова 2017: 501]. При этом интернет дискурс, по мнению А.С. Титловой, является комплексным, объединяет большое количество других дискурсов и может быть назван электронным: «В целом исследователи понимают под ним речевое общение в Интернете, которое протекает в режиме реального времени, имеет интерактивный характер и реализуется в письменном виде» [Титлова 2017: 501].

Понятие «электронная коммуникация» И.В. Привалова понимает как гипоним в отношении понятия «технически опосредованная коммуникация» [Привалова 2016: 16-17]. По мнению И.В. Приваловой, понятие «технически опосредованная коммуникация» объединяет в себе множество других понятий, например «интернет-опосредованная коммуникация», «компьютерно-опосредованная коммуникация», «электронная коммуникация», «интернет-коммуникация», и поэтому исследовательница использует их как взаимозаменяемые понятия [Привалова 2016: 17].

Мы склонны рассматривать понятие электронной коммуникации как гипероним для понятия Интернет-коммуникации. В данном вопросе мы разделяем точку зрения, предложенную Е.И. Горошко и Е.А. Жигалиной. Исследовательницы утверждают, что понятие электронной коммуникации гораздо шире понятия Интернет-коммуникации [Горошко, Жигалина 2010: 106]. Кроме этого, Е.И. Горошко подчеркивает, что «электронная коммуникация, помимо общения посредством Интернета, охватывает общение, осуществляемое с помощью других коммуникационных платформ, например, средствами мобильной телефонии» [Горошко 2007: 225].

А.Г. Кириллов наиболее оправданным термином для общения посредством сети Интернет считает термин «компьютерно-опосредованная коммуникация» (КОК). Исследователь трактует компьютерно-опосредованную коммуникацию так: «Мы понимаем под этим термином взаимодействие пользователей компьютерных и Интернет-сетей по обмену вербальными и креолизованными сообщениями с помощью компьютеров и мобильной телефонии» [Кириллов 2014: 261]. С. Херринг определяет компьютерно-опосредованную коммуникацию (*computer-mediated communication* или *СМС*) похожим образом: «Компьютерно-опосредованная коммуникация определяется <...> как преимущественно текстовое межличностное взаимодействие, опосредованное компьютерами, подключенными к сети, либо мобильной телефонией» [Herring 2007: 1]. В одной из своих более поздних работ А.Г. Кириллов, рассматривая жанры коммуникации в сети Интернет, предложил рассматривать жанры именно *Интернет-коммуникации*, так как, по его мнению, прочие понятия (жанры компьютерно-опосредованной коммуникации, электронные жанры, дигитальные жанры, виртуальные жанры) либо являются слишком широкими, либо имеют недостатки. [Кириллов 2017: 261]. Мы разделяем данную точку зрения. В современном мире интернет-коммуникация осуществляется как через стационарные компьютеры и ноутбуки, так и через переносные устройства: смартфоны, планшеты и проч. В связи с этим мы полагаем, что понятие КОК, как и понятие электронной коммуникации, – это гипероним для интернет-коммуникации.

Интернет-коммуникация и ее характеристики с точки зрения Т.Н. Колокольцевой описываются следующим образом: «Интернет-коммуникация представляет собой полифункциональное общение в электронной среде, для которого характерны дистантность, опосредованность, мультимедийность (и как следствие – поликодовость сообщений), гипертекстуальность, разнообразие дискурсивных и жанровых воплощений, а также возможность широкого варьирования по параметрам персональность/институциональность» [Колокольцева 2016: 97]. В данной диссертационной работе мы принимаем данное определение Интернет-коммуникации. Мы полагаем, что электронная

среда является средой, в которой осуществляется коммуникация как с помощью стационарного компьютера, так и с помощью мобильных устройств. Основным условием для коммуникации в данном случае мы считаем наличие у компьютера или устройства выхода в Интернет.

Список характеристик Интернет-коммуникации, указанных Т.Н. Колокольцевой, можно дополнить. Так, С.В. Меликян отмечает изначальную добровольность коммуникации, анонимность участников общения, глобальность и контекстно-ситуативную обусловленность общения [Меликян 2013: 131].

Трансграничность как инструмент формирования новых общностей с единой информационной базой и ценностно-нормативным фундаментом, по словам Е.А. Бирюковой, также представляет собой одну из характеристик интернет-коммуникации [Бирюкова 2014: 80]. Она также отмечает в качестве характеристик интерактивность и обратную связь [Бирюкова 2014: 80].

Интернет-коммуникация, по мнению Н.К. Рябцевой, характеризуется девербализацией (использованием разнообразных знаков, символов, графических объектов) и визуализацией цифровых информационных потоков [Riabtseva 2016: 70-71]. Исследовательница, кроме этого, отмечает в качестве характерных черт интернет-коммуникации свободу взаимодействий и выражения мнения, а также проявление лингвистической, когнитивной и семиотической креативности пользователей. Н.К. Рябцева подчеркивает, что «наиболее важное социальное преимущество Интернета заключается в интерактивной и креативной силе, благодаря которым человек чувствует себя более независимым, осведомленным, уверенным, самодостаточным и активным» [Riabtseva 2016: 71].

И.В. Привалова в качестве неотъемлемой черты Интернет-коммуникации считает ее деиндивидуализацию. Исследовательница выделяет деиндивидуализацию обобщающего характера (источник информации представляется генерализированным понятием «СМИ», «соцсети» либо «источник»), а также частичную и полную деиндивидуализацию от конкретного адресанта. Частичная деиндивидуализация, по мнению И.В. Приваловой, достигается использованием никнеймов и аватаров. Также исследовательница

отмечает, что при частичной деиндивидуализации можно наблюдать «дискурсивную многоликость» адресанта: участие в различных коммуникативных ситуациях в Интернете предполагает различное коммуникативное поведение пользователя. Полная деиндивидуализация от конкретного адресанта достигается цитированием блогерами или СМИ анонимных источников, которые именуются, как пишет И.В. Привалова, «инсайдеры», «некоторые», «источники» и т.д. Подобное анонимное цитирование, как полагает исследовательница, заставляет сомневаться в истинности цитируемого сообщения [Привалова 2020: 29-33].

Возрастающая популярность интернет-коммуникации в современном обществе объясняется исследователями с разных точек зрения. Во-первых, Интернет-коммуникация, в частности, социальные сети изменили способ массового информирования: «Если печать, радио и телевидение, в том числе через свои интернет-каналы, осуществляют прямое и непосредственное информационное воздействие на аудиторию, то социальные сети являются каналами обратной коммуникации смешанного типа действия <...> Социальные сети формируют информационные потоки снизу вверх, включая обратную связь для традиционных средств массовой информации» [Кириллов 2018: 161]. Понятие «информирование снизу вверх» подразумевает обратную связь и воздействие аудитории на институциональные СМИ [Кириллов 2018: 161], а также на структуры власти [Дубровская 2020б: 331-333].

Вторая причина распространения Интернет-коммуникации связана с ее техническими особенностями. Л.П. Сон к техническим особенностям относит высокую скорость передачи данных, существенную экономию времени, возможность сообщения информации максимально возможному количеству пользователей в единицу времени, широкий круг общения в сети, влияние распространенной техники быстрого чтения, использование пользователями только им понятного языка и отсутствие комплексов при коммуникации в силу анонимности общения [Сон 2009: 195].

1.3.2. Интернет-жанры и место блога в интернет-коммуникации

Мы считаем жанровый подход обоснованным подходом к описанию и анализу блога. В этом вопросе мы опираемся на точку зрения М. Бауман. Жанровый подход к исследованию текстов Интернет-коммуникации позволяет, по ее мнению, решить сразу несколько трудностей, возникающих при анализе письменного текста: проблему неустойчивости форм текстов, проблему новой грамотности, проблему отношений между читателем и автором, а также вопрос о том, где заканчивается грамотность и начинается технологическое мастерство [Bauman 1999: 270]. М. Бауман пишет: «Один из способов разрешить эти трудности – это рассматривать написанное не как сущность в себе, а как продукт процесса изменений. Один из действенных методов работы и с изменениями, и с их результатами заключается в описании их через призму теории жанров» [Bauman 1999: 270].

Родоначальник теории речевых жанров М.М. Бахтин утверждал, что любое высказывание из всего речевого многообразия обладает определенным тематическим содержанием, стилем и композиционным построением, которые определяются особенностями сферы общения. Из этой целостности высказываний М.М. Бахтин вывел толкование понятия «речевой жанр»: «Каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые мы и называем речевыми жанрами» [Бахтин 1997: 159].

Мы полагаем, что при исследовании блога как жанра Интернет-коммуникации следует опираться на принципы прагматического жанроведения, так как, по словам В.В. Дементьева, «для прагматического жанроведения характерно признание равной степени важности адресанта и фактора адресата» [Дементьев 2010: 54]. Кроме того, исследователь указывает, что прагматическое жанроведение в большой степени ориентировано на диалог, на взаимодействие, помещенное в определенные социокультурные условия [Дементьев 2010: 54].

Классификация жанров Интернет-коммуникации остается нерешенной исследовательской проблемой: «Отсутствуют четкие классификационные критерии для описания и выделения жанров, что делает проблему виртуального

жанра мало структурированным исследовательским объектом» [Горошко 2006: 173]. Определение места блога во всем жанровом многообразии представляет сложность. Так, С.С. Хаджихаллилович отмечает, что «пробуя определить жанр блога, надо различать две его ипостаси: блог как интернет-жанр, т.е. дигитальный, и блог как речевой жанр <...> С одной стороны, блог является интернет-жанром и существует параллельно с остальными интернет-жанрами: форумами, чатами, электронной почтой и т.д. С другой стороны, в соответствии с традиционной теорией жанра, блог является гипержанром» [Хаджихаллилович 2014: 58].

Исследователи теории Интернет-коммуникации выделяют большое количество жанров данного типа коммуникации. Классификации основываются на разнообразных признаках.

Так, на основании **генетических характеристик** Е.И. Горошко и Т.Л. Полякова выделяют бумажные жанры (файлы в формате .pdf), сетевые/дигитальные жанры, обязанные своим существованием только сети Интернет (мессенджеры, социальные сети), конвергентные жанры, объединяющие несколько жанров, мутированные жанры, преобразовавшиеся в совершенно иные формы без возможности определить жанр-прародитель (например, мультипользовательские миры), а также гибридные жанры, в значительной степени изменившиеся под влиянием технологий (блог как трансформация жанра дневников) [Горошко, Полякова 2015: 120]. О гибридном характере жанров Интернет-коммуникации пишет и В.В. Дементьев. Он отмечает, что «новая сфера общения всегда порождает вторичные речевые жанры <...> По-видимому, исторически изменение какого-то из компонентов фона (межличностные отношения (близость, статус), канал связи) всегда приводит к изменениям жанра; но правила нового жанра немедленно охватывают и другие аспекты речи (как, например, произошло с <...> жанрами виртуального общения (*блог, форум, чат*) если сравнить их с *перепиской, дневником, обменом записочками, наконец, дружеской беседой*)» [Дементьев 2010: 168-169].

М. Шеперд и К. Уоттерс на основе генетических характеристик выделяют сохранившиеся (*extant*) жанры и ранее не существовавшие (*novel*) жанры

[Shepherd, Watters 1998]. Сохранившиеся жанры основаны на жанрах в том виде, в котором они появились в исходной среде. Они являются либо точными копиями оригинальных жанров, либо вариантами жанров [Shepherd, Watters 1998]. Копии оригинальных жанров (*replicated cyber genres*), с точки зрения М. Шеперда и К. Уоттерса, включают в себя цифровые текстовые документы, напоминающие традиционные текстовые документы [Shepherd, Watters 1998]. Варианты жанров (*variant cyber genres*) эволюционировали посредством эксплуатации возможностей новой среды. Их принципиальной характеристикой является наличие заметной новой функциональности, которая делает их полностью зависимыми от существования новой среды [Shepherd, Watters 1998].

Среди ранее не существовавших жанров исследователи выделяют развивающиеся (*emergent*) и самопроизвольные (*spontaneous*). Развивающиеся жанры прошли путь копий оригинальных жанров и вариантов жанров. После этого они развились до уровня совершенно новых жанров. Самопроизвольные жанры не имеют аналогов в других средах (например, домашняя страница, хотлист, часто задаваемые вопросы) [Shepherd, Watters 1998].

На основании **конструктивных свойств и стилистических особенностей** О.В. Лутовинова выделяет дискурсообразующие жанры виртуального дискурса: электронное письмо, чат, форум, гостевая книга, жанр мгновенных сообщений, блог, многопользовательская ролевая игра онлайн и СМС [Лутовинова 2009: 166].

На основании **функциональных характеристик** В.И. Карасик выделяет такие жанры как демонстративы (средство самопрезентации), репортативы (информация о важных событиях, которая вызывает бурное обсуждение), социативы (рассуждения об интересных вещах, предназначенные для определенной группы людей), креативы (творчество, сопровождаемое комментариями), агитативы (сообщение, продвигающее товар или услугу), инструктивны (рекомендации для решения проблемы), прескриптивны (сообщения морального, этического содержания) и аттрактивны (сообщения развлекательного характера) [Карасик 2019: 50].

На основании **характера коммуникации** К.М. Шилихина выделяет монологические жанры (например, блоги), диалогические жанры (чаты, форумы, мессенджеры), гибридные жанры (жанр комментария к разного рода записям) [Шилихина 2018: 219].

Одним из жанров Интернет-коммуникации является жанр блога. Заводя блоги, пользователи преследуют личные мотивы, включая возможность обмена мнениями, поддержания общих интересов и использования привилегий Интернет-общения [Elega 2018].

Д. Чу отмечает, что в целом «блоги могут быть использованы в разнообразных личных, социальных и деловых целях» [Chu 2019: 2].

Как указывает А. Нарди, одни пользователи желают задокументировать свою жизнь в блоге, а также выразить эмоции. Ведение блога для других позволило пользователям обрести голос и выразить свою позицию. Некоторые пользователи рассматривают ведение блога как возможность объединиться по интересам. Также пользователи заводят блог для развития навыков письменной речи [Nardi et al 2004: 43-46].

Кроме указанных в число личных мотивов исследователи также включают избавление от одиночества, получение удовольствия, поиск поддержки, усиление собственной репутации, завоевание уважения других, знакомство с новыми людьми, получение информации о новых технологиях или навыках, предоставление информации другим, способ поддержания связи с близкими, а также ведение записей о полученных новых знаниях [Xiaohui, Li 2010 : 121].

Д. Кристал описывает блог так: «Блог <...> имеет форму персонализированной веб-страницы, где пользователь может оставлять сообщения с определенной периодичностью» [Crystal 2006 : 16] Исходя из **отношений между блогом и другими жанрами** интернет-коммуникации, С. Херринг указывает на промежуточное положение блога: «Наш анализ предполагает, что блоги не являются уникальным жанром. Они также не повторяют в полной мере офлайн жанры. Они, скорее, представляют собой гибридный жанр, который берет начало в различных источниках, включая другие

жанры Интернет-коммуникации» [Herring 2005: 145]. Е.И. Горошко и Е.А. Жигалина считают блог гипержанром по отношению к жанру поста (заметки автора) и комментария [Горошко, Жигалина 2010: 115].

Рассматривая блог как гипержанр, А.Г. Кириллов отмечает, что гипержанр блога является «совокупностью разножанровых произведений в блогосфере» [Кириллов 2017: 262]. Такие произведения исследователь считает субжанрами блога [Кириллов 2017: 262]. Мы в понимании субжанра опираемся на концепцию В.В. Дементьева и К.Ф. Седова, которые термином «субжанр» обозначили «жанровые формы, представляющие собой одноактные высказывания, которые состоят из одного сверхфразового единства и которые способны входить в собственно жанры на правах тактик» [Дементьев, Седов 1998: 61].

Сервис twitter.com является примером микроблога. В.А. Митягина и И.Г. Сидорова полагают, что микроблог в Твиттере можно отнести к субжанру блога: «Личный блог в микроблоге Twitter, по нашему мнению, – субжанр интернет-жанра личный блог, коммуникативно-прагматическая задача которого – демонстрация личной жизни, привлечение внимания к своей личности, увеличение числа подписчиков, быстрый доступ к новостям из жизни знаменитостей <...> Представляется логичным считать этот конвергентный жанр персональной интернет-коммуникации как частный случай жанра личный блог, поскольку в нем реализуется особая форма ведения блога, информирования и поддержания связей, обусловленная мгновенностью размещения твитов и динамикой их реагирования на них» [Митягина, Сидорова 2016: 110].

Подобный подход к определению места твиттинга в системе жанров интернет-коммуникации разделяют не все исследователи. Например, Е.И. Горошко и Т.Л. Полякова считают твиттинг отдельным жанром интернет-коммуникации. Они причисляют его к гибридным жанрам [Горошко, Полякова 2014: 241].

А.С. Титлова рассматривает микроблог как часть Интернет-дискурса и как средство массовой информации [Титлова 2017: 501-502].

Исходя из анализа теоретических работ, мы понимаем место блога в системе жанров Интернет-коммуникации следующим образом: блог – это **гибридный вторичный кибержанр**, который уходит корнями в личные дневники. Появлению блога из жанра личных дневников способствовало изменение канала коммуникации с письменного на электронный. Блоговая заметка представляется нам монологическим жанром. Однако мы исходим из единства жанра блоговой заметки и жанра комментария, которые в условиях Интернет-коммуникации не существуют друг без друга. В этом мы согласны с мнением Е.И. Горошко и Е.А. Жигалиной о том, что блоги можно выделить в гипержанр на основании единства заметки и комментария к ней. Гипержанр блога в таком понимании является **диалогическим** жанром. Мы не выделяем твиттинг в отдельный жанр и не рассматриваем его как субжанр блога.

Однозначно определить функции блога представляется затруднительным, так как функции записей могут варьироваться от блога к блогу, что определяется позицией и намерениями разных авторов. В самом общем виде цель блога состоит в том, чтобы сделать свои личные мысли и переживания публичными. Блог для блогера, по мнению Д. Бойд, обладает свойствами телесности, материальности. Блог – это часть блогера, цифровая репрезентация его личности [Boyd 2006: 16-18]. Мы разделяем позицию исследовательницы и рассматриваем блог как расширение человека вовне. Эту концепцию мы заимствуем у Г.М. Маклюэна, который писал, что «личностные и социальные последствия любого средства коммуникации – то есть любого нашего расширения вовне – вытекают из нового масштаба, приносимого каждым таким расширением, или новой технологией, в наши дела» [Маклюэн 2003: 6]. Кроме того, «любое изобретение и любая технология представляют собой внешнюю проекцию, или самоампутацию, наших физических тел» [Маклюэн 2003: 26].

Несмотря на многообразие блогов в сети Интернет, все они объединены определенным набором прагматических характеристик. В теоретической литературе выделены следующие характеристики:

1. полидискурсивность [Кириллов 2014: 265];

2. интерактивность [Кириллов 2014: 265], [Баженова, Иванова 2012: 129]; [Herring 2005: 23]; [Crystal 2006: 240];
3. дистантность [Кириллов 2014: 265];
4. добровольность контактов [Кириллов 2014 :265];
5. гипертекстовость [Кириллов 2014: 265], [Баженова, Иванова 2012: 129]; [Crystal 2006: 240];
6. диалогичность [Колокольцева 2016: 97], [Кириллов 2017: 264], [Меликян 2013: 133], [Herring 2005: 23];
7. асинхрония общения [Колокольцева 2016: 99], [Баженова, Иванова 2012: 129];
8. широкий тематический диапазон коммуникации, ориентированный на личность адресанта [Колокольцева 2016:101], [Crystal 2006: 241-243];
9. единственность адресанта и реальность / потенциальность адресата [Баженова, Иванова 2012: 129-130];
10. целеориентированность: информационная [Колокольцева 2016: 102], [Кириллов 2017: 264] и фатическая [Баженова, Иванова 2012: 130].

1.3.3. Политические блоги в современной исследовательской парадигме

Объектом пристального исследовательского внимания в наши дни являются политические блоги. О.С. Кудимова описывает историю возникновения пользовательского интереса к политическим блогам в России. Она сравнивает политический блог начала-середины 2010-х годов с «кухней» в Советском Союзе, на которой было принято обсуждать политику [Кудимова 2018а: 43]. Таким образом, исследовательница отмечает кулуарный характер коммуникации в политических блогах. Кроме этого, она подчеркивает, что основной интерес к ведению политических блогов появился в России после того, как Д.А. Медведев, на тот момент действующий президент страны, обязал чиновников и политиков общаться со своей аудиторией через Интернет [Кудимова 2018: 42].

Основные факторы развития жанра политического блога анализирует Л.Н. Ребрина. Среди таковых она, в частности, отмечает отсутствие строгой

цензуры, детерминированность блога мотивами автора, институциональностью авторской позиции, ценностями, разделяемыми разными группами пользователей [Ребрина 2020: 130].

Особенности и признаки жанра политического блога рассматривают М.В. Милованова и Е.В. Терентьева. Признаками жанра они считают массового адресата, социально-значимый повод, совмещение в блоге социального и индивидуального, установку на привлечение сторонников, формирование общественного мнения, сочетание разных типов доводов, совмещение в блогах различных видов функций (например, оценочной, информативной, апеллятивной, функции самопрезентации и др.), а также сочетание черт книжной и разговорной речи [Милованова, Терентьева 2020: 108].

Ведение политического блога почти наверняка связано с политическим активизмом и вовлеченностью в политические дела самого автора. На это указывает исследование Х. Санчеса-Виллара и соавторов [Sanchez-Villar et al 2017: 110]. Кроме этого, исследователи пришли к выводу о том, что качество политической информации, представленной в блогах, повышает репутацию платформы и ее пользователей, и, как следствие, усиливает достоверность и полезность блогов [Sanchez-Villaretal 2017: 110].

Кризис критического мышления, наблюдаемый в современной блогосфере, описывает Л.В. Иванова [Иванова 2020]. Она приводит алгоритмы описания текста политического блога (идейно-тематический и структурно-композиционный анализ), а затем, применяя указанные техники, анализирует несколько российских политических блогов разной идеологической направленности. С помощью данного анализа автор демонстрирует кризис критического мышления современных российских блогеров, которые навязывают своей аудитории дихотомическое мышление и не способствуют организации конструктивного диалога между представителями разных политических идеологий [Иванова 2020: 104-108].

Политическая коммуникация в онлайн-пространстве, как указывает Я. Блуммерт, уже не является областью доминирования официальных

политических акторов. Политики и их высказывания зачастую являются начальным звеном в цепи коммуникации, но исследователь отмечает, что политики не определяют масштаб и характер влияния, которое окажет их высказывание на аудиторию. По мнению Я. Блуммерта, в современном пост-цифровом обществе алгоритмы блоговых платформ решают, какой эффект возымеет то или иное политическое высказывание, и политическим деятелям, ведущим свой блог, важно иметь это в виду [Blommaert 2020: 398-399].

Стратегия самопрезентации и ее тактики в блоге политического деятеля рассматривается в работе А.В. Каменевой и Н.В. Потаповой [Каменева, Потапова 2021]. Исследовательницы выявили спектр тактик: тактику солидаризации, призыва, иллюстрации достижений, благодарности, отождествления, обещания [Каменева, Потапова 2021: 87-101].

Проблема анонимности и избегания эксплицитного выражения суждений в политической Интернет-коммуникации также широко обсуждается [Привалова 2020], [Дубровская 2020а]. Г.О. Петросян выявила три основных мотива использования сообщений с имплицитным содержанием в коммуникации в блогах и соцсетях: безнаказанность, примитивность (сообщения с имплицитным содержанием вызывают больше доверия у реципиентов), отсутствие цензуры [Петросян 2021: 93].

Классификацию типов речевых манипуляций, характерных для политических блогов, приводит О.С. Кудимова. Она выделяет лексико-грамматические приемы речевого манипулирования, например, ссылки на неизвестный источник, лексемы-ограничители, ограничители силы утверждения, ограничители ментального размежевания, прием создания комплексной эквивалентности, прием мультипликации, прием интимизации повествования, прием навешивания ярлыков, эвфемизмы [Кудимова 2018б: 415-420].

Таким образом, политический блог представляет собой неинституализированную площадку для политических дискуссий. Основной причиной популярности данной формы социальной активности мы видим демократизацию Интернет-общения, что способствует образованию плюрализма

мнений. Однако часть мнений и смыслов остаются не выраженными эксплицитно, что объясняет наличие работ по исследованию имплицитности в политической Интернет-коммуникации. Мы объясняем имплицитность в политических блогах намерением субъекта блога избежать ответственности или минимизировать возможные негативные последствия инференции скрытых смыслов. По этой причине имплицитность в блогах мы считаем стратегической, т.е. намеренной.

Проблема изучения имплицитности в политических блогах требует дополнительного исследовательского внимания. Представляется необходимым исследовать языковые механизмы возникновения имплицитности, а также прагматические аспекты функционирования языковых средств имплицитности. Отдельный исследовательский интерес представляют причины, по которым адресанты политических блогов в некоторых ситуациях предпочитают имплицитные способы выражения своих идей, мыслей, убеждений.

1.4. Методология исследования имплицитности в жанре политического блога

Анализ имплицитности в жанре политического блога предполагает проведение исследования в рамках теории прагматического жанроведения. По словам В.В. Дементьева, «для прагматического жанроведения характерно признание равной степени важности адресанта и фактора адресата» [Дементьев 2010: 54]. Кроме того, исследователь указывает, что прагматическое жанроведение в большой степени ориентировано на диалог, на взаимодействие, помещенное в определенные социокультурные условия [Дементьев 2010: 54]. Таким образом, теория речевых жанров позволит нам рассматривать тексты блогов как средство конструирования идентичностей автора и адресата, как инструмент построения социальных отношений, в частности отношений между адресантом и адресатом, как дискурсивным, так и фактическим.

Достижения в области моделирования речевых жанров (Т.В. Шмелева [Шмелева 1997], О.В. Лутовинова [Лутовинова 2009], Е.И. Горошко, Е.А. Жигалина [Горошко, Жигалина 2010], Т.В. Дубровская [Дубровская 2010],

[Дубровская 2017], [Дубровская 2019], Л.Ю. Щипицина [Щипицина 2011]) также позволяют нам применить жанровую теорию к своему исследованию.

Технические особенности и возможности Интернет-коммуникации сделали блог не только речевым, но и мультимодальным жанром. Кроме текста, в блоговых заметках можно разместить визуальные либо графические элементы. Наряду с текстом, эти элементы служат для реализации целей субъекта блога. Исходя из этого, мы считаем необходимым направить исследование в русло мультимодального дискурс-анализа. Этот подход позволяет, согласно К. Джуитт, рассматривать значения семиотических ресурсов для понимания того, как они используются в разных социальных контекстах [Jewitt 2011: 33]. Т.В. Дубровская, изучая жанр пацанской лирики в Интернете, отмечает, что «развитие мультимодальности жанра обусловлено как увеличившимися техническими возможностями интернет-коммуникации, так и в немалой мере свойственной от природы человеку ориентацией на передачу и восприятие информации всеми возможными органами чувств» [Дубровская 2019: 58]. Мультимодальность в жанре пацанской лирики, согласно результатам исследования, является важным инструментом в реализации идентичности дискурсивного героя и его аксиологии [Дубровская 2019: 59-64]. Учет мультимодального характера блога позволит нам детальнее анализировать идентичность авторов, их политические установки, идеологическую принадлежность, ценности.

В основе предлагаемой модели имплицитности в жанре политического блога лежат следующие параметры:

- характер блогерской платформы;
- статус автора в зависимости от степени его институционализированности;
- групповая идентичность автора;
- аксиологические установки автора;
- коммуникативные цели автора;
- коммуникативные намерения комментаторов;

- политическая и идеологическая позиция комментаторов.

Выводы по Главе 1

Таким образом, имплицитность является не выраженным прямо смыслом высказывания, извлекаемым реципиентом на основе ситуативного контекста. Изучение имплицитности ведется как на уровне языковых единиц, так и на уровне целого текста. В исследовательской среде существует устоявшаяся убежденность в необходимости учета экстралингвистических факторов при интерпретации имплицитных смыслов.

На основании вовлеченности контекста и фоновых знаний в дешифровку имплицитности ее подразделяют на системно-языковую и ситуативную. Кроме того, намерение автора скрыть часть смысла высказывания обуславливает появление в речи стратегической имплицитности.

Особенности интернет-коммуникации, в том числе политически ориентированной, находится в фокусе внимания исследований последних лет. Блог как один из жанров интернет-коммуникации понимается как гибридный вторичный кибержанр, берущий начало в жанре личного дневника. Блог – это диалогичный жанр, объединяющий в себе блоговые заметки и комментарии к ним.

Функция блога состоит в том, чтобы придать размышлениям автора публичный характер. В связи с этим блог понимается как расширение во внешний мир личности его автора.

Политические блоги и особенности коммуникации в них привлекают исследовательское внимание. В нашем исследовании имплицитности в политических блогах ключевое значение имеют положения теории прагматического жанроведения. В своей работе мы концентрируемся на изучении ситуативной, а также стратегической имплицитности. Для понимания механизмов функционирования имплицитности в политических блогах необходимо построить ее модель с учетом основных прагматических компонентов, а также определить

специфику функционирования языковых и мультимодальных средств имплицитности. Этому будут посвящены Главы 2 и 3 настоящего исследования.

ГЛАВА 2. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ИМПЛИЦИТНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ БЛОГАХ

2.1. Языковые средства представления имплицитности

Анализ влияния языковой системы на возникновение и актуализацию имплицитности мы будем базировать на работах Е.Г. Борисовой [Борисова 1999а: 15-29], [Борисова 1999б: 30-42], [Борисова 1999в: 76-80], Н.С. Брагиной [Брагина 1999: 43-57] и Ю.С. Мартемьянова [Мартемьянов 1999а: 58-75]. Исследователи проводили анализ языковой имплицитности на различных уровнях языковой системы, что соответствует постулатам системного подхода: на уровне морфологии, на уровне лексики и на уровне синтаксиса.

Наиболее востребованными средствами имплицитности в политических блогах являются лексические средства и средства синтаксиса.

На **лексическом уровне** средствами имплицитности, к которым прибегают авторы чаще всего, являются инклюзивное «мы» / «we», местоименные прилагательные и фразеологизмы.

Феномен инклюзива В.А. Виноградов понимает как «местоименную форму, выражающую включённость адресата речи в дейктическую сферу <...> местоимения 1-го лица множественного числа <...>» [URL: <http://tapemark.narod.ru/les/193a.html>]. Личное местоимение I лица множественного числа, по мнению М.В. Ласковой и Е.В. Резниковой, является средством манипулирования общественным мнением в политическом дискурсе [Ласкова, Резникова 2011: 131-132]. Инклюзивное «мы» Е.И. Шейгал считает специфическим вербальным маркером отождествления политика с его аудиторией, инструментом апелляции к общей принадлежности, будь то социальная или национальная принадлежность [Шейгал 2000: 159].

Инклюзивное «мы» / «we» способствует устранению говорящего себя из высказывания, объединению личного опыта с опытом тех, к кому автор потенциально обращает сказанное, представлению личных переживаний и идей как переживаний и идей группы, к которой сам автор и принадлежит. В этом вопросе мы опираемся на точку зрения Т.В. Дубровской, которая указывает, что «<...> автор пишет о себе, а не об адресате. Адресат же конструируется за счет создания автором некоторой общей виртуальной среды существования, за счет упоминания таких жизненных обстоятельств и реалий, которые должны быть близки и понятны как автору, так и адресату» [Дубровская 2016: 133].

Имплицитность данного вида лексических средств заключается в том, что автор обозначает самого себя через принадлежность к группе. От лица группы автор транслирует свои собственные соображения. Хотя жанр политического блога рассматривается нами как расширение вовне убеждений, жизненной позиции автора, мы считаем, что устранение эксплицитного «я» из высказывания является объяснимым явлением. Одну из задач автора политического блога мы видим в объединении вокруг себя лояльной аудитории с близкими автору взглядами. Используя инклюзивное «мы», автор конструирует потенциального адресата, присваивает ему собственные ценности, взгляды, позицию. Потенциальный адресат в итоге может реализоваться в фактического читателя.

В политических блогах авторы высказываются на противоречивые, острые темы, дают зачастую нелестные характеристики влиятельным политическим лицам. Деперсонализация такого рода высказываний и идей в рамках политического блога также позволяет автору в определенной степени дистанцироваться от сказанного, частично снять с себя ответственность за содержание высказывания, разделив ее с широкой группой потенциальных единомышленников. Кроме того, разделение ответственности за сказанное с потенциальными адресатами может способствовать интенсификации диктумного содержания высказывания. Интенсификация диктумного содержания высказывания через инклюзивное «мы» рассматривается нами также как

инструмент в политической борьбе, в частности, в период предвыборных кампаний.

Проиллюстрируем данные положения. В блоговой записи, отрывок из которой приведен ниже, автор рассуждает о ситуации, сложившейся на рынке углеводородов, в котором Россия занимает одну из ключевых позиций. Автор пишет:

*И вот, рубеж ниже \$25 за барель остался позади. **Мы** опустились ниже этого горизонта и **под нами** чернеет прохладная ценовая впадина на углеводороды.*

[https://akozmin-7.livejournal.com/484805.html?media&utm_source=recommended]

Под инклюзивным «мы» в этом контексте автор имплицитно имеет в виду себя как принадлежащего к широкой социальной группе граждан России. Принятая цена за баррель нефти отрицательно скажется на всех гражданах, на что подтверждает предикат с негативным субъективным эмоционально-оценочным значением «опустились», а также метафора «прохладная ценовая впадина на углеводороды». В данном случае инклюзивным «мы» автор экстраполирует личные идеи и переживания на широкую социальную группу, к которой принадлежит и сам. Кроме того, инклюзивное «мы» усиливает диктумное содержание высказывания: автор считает, что в бедственном положении находится не просто экономика, но как следствие все граждане, проживающие в стране.

Еще один пример:

*Every day it becomes clearer: **We** are in a battle for the soul of this nation. Who **we** are. What **we** believe. Who **we** want to be. It's all at stake.*

***We** have to vote Donald Trump out this November.*

[<https://twitter.com/JoeBiden/status/1285277040153776128>]

Под инклюзивным «we» автор поста – Джо Байден, на тот момент кандидат в президенты США – имплицитно имеет в виду себя и транслирует свои собственные установки и потребности, так как все они касаются его личной политической борьбы с оппонентом Дональдом Трампом. Используя

инклюзивное «we», автор распространяет свои убеждения также на своих сторонников, которых он считает адресатами своего блога. Инклюзивное «we» также функционирует и как средство политической борьбы Джо Байдена. Экстраполяция позиции на потенциально широкий круг людей служит усилению значения высказывания. Теперь не просто кандидат Джо Байден должен победить оппонента на выборах, выиграв борьбу за близкие ему убеждения и ценности, но и значительная часть граждан США. В этом мы видим призыв отдать свой голос в пользу Байдена.

Другая группа лексических средств имплицитности – местоименные прилагательные. В англоязычной терминологии им соответствуют составные неопределенные местоимения (compound indefinite pronouns [Biber, Conrad, Leech 2003: 99]), а также притяжательные определители (possessive determiners [Biber, Conrad, Leech 2003: 27]). Согласно Русской грамматике, «<...> они обозначают такие признаки, которые возникают на основе отношения говорящего к лицам, предметам и явлениям <...> Местоименные прилагательные могут указывать на любой признак; их содержательное наполнение определяется в речи» [Русская грамматика, Том 1 1980: 540].

Из всего многообразия местоименных прилагательных в текстах политических блогов реализуют имплицитность притяжательные местоименные прилагательные I лица множественного числа (possessive determiners), например, *наш, our* и определительные местоименные прилагательные (compound indefinite pronouns), например, *все, всем, всех, любой, для всякого, многие, для многих, for all, everyone, anyone else*.

Притяжательные местоименные прилагательные (possessive determiners) реализуют имплицитность за счет приписывания опыта автора блоговой заметки той социальной группе, в которую входит он сам и его потенциальный адресат. В этом смысле функционирование этого класса лексических средств близко к функционированию инклюзивного «мы»: автор блога объединяет вокруг себя аудиторию схожих политических и идеологических убеждений, одной и той же социальной группы. Имплицитно выражается принадлежность объекта самому

автору, в первую очередь, а также той группе, к которой он себя относит. Таким образом, автор создает единое поле, в котором существует он сам и его адресаты.

Приведем пример:

*Наша политическая система сконструирована таким образом, чтобы организованный и качественный политический протест не мог появиться в принципе, а ежели все-таки появится, был бы раздавлен силовым путем. Благо, и это **мы** тоже позволяем делать безропотно. Русский народ не способен сейчас на коллективный протест.*

[https://sozero.livejournal.com/6062269.html?utm_source=recent]

В данном случае под притяжательным местоименным прилагательным автор подразумевает политическую систему, в которой существует и он сам, и его потенциальные адресаты – граждане Российской Федерации. Местоименное прилагательное создает общее для автора и адресата жизненное пространство, в котором политическая система в общей для них стране не допускает проявления протестных настроений. Дополняет конструкцию этого поля инклюзивное «мы».

Определительные местоименные прилагательные (compound indefinite pronouns) реализуют имплицитность по схожему механизму. С формальной точки зрения такие местоименные прилагательные не означают конкретное лицо: ни автора, ни того, к кому обращено высказывание. С функциональной точки зрения эти местоименные прилагательные имплицитно объединяют всех людей, разделяющих тот или иной признак: принадлежность к группе, ценностные установки, политические мотивы. Отметим, что в эту общность людей автор включает и себя. Таким образом, имплицитно конструируется потенциальный адресат высказывания, которого автор наделяет своими характеристиками. Применительно к жанру политического блога этот тип языковых средств, дистанцируя автора от высказывания, служит объединению вокруг него читателей со схожими убеждениями.

Проиллюстрируем сказанное примером:

*Нет, я понимаю, что перед лицом борьбы с Системой должна быть определённая солидарность, и, наверное, **любой** на месте Ивана Голунова*

хотел бы, чтобы за него точно так же дружно все вступились бы, но... Но при этом, разве не требуется соблюдать хотя бы самые элементарные принципы адекватности и объективности?

[<https://3-shurupa.livejournal.com/93079.html>]

Под местоименным прилагательным «любой» автор имплицитно имеет в виду и самого себя, и потенциально широкий круг людей, которые могут попасть в конфронтацию с государственными органами. Как и самому автору, им будет необходима поддержка гражданского общества. Кроме того, автор имплицитно конструирует адресата, который, как и он сам, противопоставлен государственной системе.

На лексическом уровне имплицитность реализуется также идиомами. Идиомы представляют собой исторически укоренившиеся в языке словосочетания, значения которых не могут быть в полной мере выведены из значений их составных компонентов [Аyto 2006: 518]. Дж. Айто выделяет четыре группы идиом в зависимости от степени мотивированности их значений:

- в первую группу входят идиомы, значения которых полностью не соответствуют буквальному значению составляющих элементов;
- ко второй группе относятся идиомы, где лишь часть элементов используется в буквальном значении;
- в третью группу входят идиомы, все элементы которых используются в буквальном значении. Идиомой такое сочетание слов делает их особая комбинация;
- к четвертой группе принадлежат идиомы ясной семантики, например, клише. От обычных словосочетаний их отличает композиционная неизменяемость [Аyto 2006: 518].

Несколько иную классификацию идиом (фразеологизмов) составил В.В. Виноградов. Исследователь выделил фразеологические сращения, полностью немотивированные сочетания, являющиеся эквивалентами слов; фразеологические единства, в которых значение целого сочетания связано со внутренней образностью фразы, а также относительно свободные

фразеологические сочетания [URL: <http://philology.ru/linguistics2/vinogradov-77d.htm>].

Мы полагаем, что имплицитность актуализируется идиомами, значение которых не соответствует сумме значений составных элементов (по классификации Дж. Айто – первая и вторая группы, по классификации В.В. Виноградова – фразеологические сращения и единства). Конвенциональные значения таких единиц не соответствуют сумме конвенциональных значений их составных элементов, а значит, реципиенту требуется прикладывать дополнительные усилия для инференции смысла.

Реализацию имплицитности посредством немотивированных идиоматических выражений рассматривала М. Арсено [Arsenault 2014]. Она предлагает интерпретировать имплицитный смысл идиомы, исходя из теории П. Грайса. Говорящий употребил в своем высказывании идиоматическое выражение. Адресат предполагает, что его собеседник настроен на контакт и намеревается что-то сообщить. Но буквальный смысл совокупности элементов идиомы с немотивированным значением в данном контексте не представляется адекватным. Следовательно, реципиент в праве предположить, что говорящий имел в виду нечто иное, нечто более сопряженное с обсуждаемой темой. Если реципиент не знаком со смыслом идиомы, то он будет пытаться соотнести образ, создаваемый идиомой, с контекстом общения. Если же реципиент знаком с общепринятым смыслом идиомы, то он предположит, что именно такой смысл является адекватным вкладом собеседника в коммуникацию. Это и будет способствовать верной интерпретации высказывания [Arsenault 2014: 70].

Мы опираемся на подход М. Арсено для инференции имплицитного смысла высказывания, содержащего идиому с немотивированным значением. Кроме того, для получения достоверных результатов мы считаем необходимым прибегать к дефиниционному анализу идиомы.

Идиомы востребованы в жанре политического блога. Благодаря своей образности они имплицитно выражают авторское эмоционально-оценочное отношение либо к политическому лицу, либо к социально-политической

ситуации. В жанре политического блога идиомы выражают отрицательное оценочное отношение и ироничное отношение автора к диктумной части высказывания. За негативным или ироничным эмоционально-оценочным отношением автора к описываемым событиям или лицам мы прослеживаем манифестацию политической позиции. Систематизация идиом по признаку их функциональности представлена в Таблице 2:

Таблица 2. Классификация идиом в зависимости от объекта оценки

№ п/п	Объект оценки	Примеры
1	Политическое лицо	<i>на голубом глазу, как с гуся вода, под мухой, куда ветер дует, не лыком шито, сидя в башне из слоновой кости, в белом пальто, they are grasping straws, [he doesn't seem to] have the stomach for a fight, can't lead his way out of a paper bag</i>
2	Социально-политическая ситуация	<i>манна небесная, пир во время чумы, преодолен рубикон, как мертвому припарки, to be rocking the boat, it was a hard pill to swallow, [to fall into the] bad apple [trap]</i>

Приведем пример. Высказывание, приведенное ниже, фигурирует в треде, посвященном обсуждению брекзита. Автор инициального поста и автор комментария не поддерживают идею выхода Великобритании из ЕС, критикуют сторонников брекзита. Комментатор пишет:

*The arguments are getting dumber and dumber every day because they **are grasping straws**.*

[https://www.reddit.com/r/brexit/comments/cby9s9/there_isnt_a_proeu_side_only_an_antianti_eu_one/]

Буквальный смысл словосочетания «*are grasping straws*» не представляется адекватным смыслу всего высказывания, так как речь ведется об аргументации своей позиции, а не о соломинках. Следовательно, мы предполагаем, что автор намеревался сообщить нечто иное. Имплицитный смысл идиомы *are grasping straws* возможно установить, опираясь на словарное толкование: «быть готовым на всё, чтобы исправить трудную или неудовлетворительную ситуацию, даже если существует совсем немного шансов на успех» [URL:

<https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/grasping-at-straws?q=grasping+straws>]. Идиома имплицитно подразумевает практически безвыходное положение, в котором сторонники брекзита пытаются найти любую возможность спасти ситуацию.

Рассмотрим еще один пример:

*Например, журналисту советской газеты на вопрос, в чем секрет его остроумия, Рейган **на голубом глазу** ответил, что в детстве ему подарили сборник русских пословиц, и он выучил его наизусть.*

[https://dombusin.livejournal.com/65581.html?utm_source=popular]

Фразеологизм «*на голубом глазу*» словарем В.П. Белянина и И.А. Бутенко определяется как «притворяясь незнающим, наивным» [URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/live-speech/fc/slovar-205.htm#zag-1021>]. Значение выражения не зависит от конвенциональных значений его составляющих, а следовательно, фразеологизм несет имплицитный смысл. В приведенном примере инферирован смысл «Рональд Рейган, притворяясь наивным, рассказал, что своё остроумие позаимствовал из сборника русских пословиц». Автор высказывания осознает, что политик лукавит, притворяется. Употребление идиомы вместо эксплицитной манифестации мнения о словах политика транслирует ироничное отношение к фигуре политика.

На **уровне синтаксиса** востребованными в жанре политического блога средствами имплицитности являются вводные конструкции, безличные предложения, обобщенно-личные предложения, риторические вопросы.

В текстах политических блогов мы выделили 2 типа вводных конструкций, реализующих имплицитность. Они являются модальными, так как имплицитно актуализируют авторскую оценку того или иного аспекта высказывания. В их числе следующие: вводные конструкции, направленные на оценку пропозитивного содержания предложения (*attitude stance adverbials*) и на оценку степени достоверности сообщения (*epistemic stance adverbials*). Русскоязычную терминологию мы заимствуем из классификации М.Ю. Федосюка [Федосюк 2012: 134-135], англоязычную заимствуем у Д. Бибера, С. Конрад и Дж. Лича [Biber,

Conrad, Leech 2003: 356]. М.Ю. Федосюк отмечает, что «синтаксические смыслы вводных конструкций <...> сводятся к выражению модусного аспекта содержания предложения» [Федосюк 2012: 134]. О роли вводных конструкций писал и Н.Ю. Мухин: «<...> выражая свое отношение к действительности при помощи вводных слов, свои мнения, оценки, говорящий обнаруживает себя как личность – свои интенции, ценностные ориентиры, психологические особенности <...>» [Мухин 2002: 3-4]. Как утверждает Н.В. Супоницкая, «языковые средства модальности по определению эгореферентны и “прикреплены” к субъекту речи» [Супоницкая 2016: 135].

Опираясь на эти положения, отметим, что в жанре политического блога вводные конструкции выражают модальность, субъективные взгляды блогера на политические события и политических деятелей, оценку этих аспектов высказывания. Грамматической особенностью вводных конструкций является их формальная бессубъектность. Однако связь семантического значения вводных конструкций с субъектом высказывания и его отношением к реальности лежит в основе имплицитности этого класса языковых единиц.

Рассмотрим отдельно каждый тип выделенных нами вводных конструкций:

- конструкции, направленные на оценку пропозитивного содержания предложения (*attitude stance adverbials*). С прагматической точки зрения данные конструкции выражают субъективное эмоциональное отношение автора к описываемой ситуации. Данный тип вводных конструкций выражает широкий спектр субъективно-модальных оценок содержания высказывания, транслируемых автором блога. Оценки включают в себя неодобрение действующей власти, сожаление о произошедших событиях, удивление от событий, а также одобрение происходящего в общественной жизни страны. Субъективно-модальные оценки тесно связаны с транслируемой авторами аксиологией, их мировоззренческими ценностями.

Рассмотрим пример. Блоговая запись, отрывок из которой приведен ниже, посвящена рассуждениям автора о событиях августа 1991 года в СССР. Автор пишет:

К большому сожалению, в наши дни многие, совершив "консервативный разворот", уже стараются не вспоминать те августовские дни или вспоминают их в совершенно иной окраске, а себя стыдят за "порывы молодости".

[https://nasedkin.livejournal.com/2113130.html?media&utm_source=recommended]

Автор с ностальгией вспоминает то время, придавая происходившему исключительно положительную эмоциональную окраску: *было мирным протестом, действовали исключительно миролюбиво, самое настоящее народное единение, поступили так, как подсказывала им совесть.* Вводная конструкция в примере не только имплицитно обозначает присутствие автора и его субъективную позицию: сожаление о том, что многие отказались от идеалов молодости. Она также идентифицирует автора как человека, разделяющего либеральные ценности, мировоззренческие ценности свободы и прав человека.

- конструкции, направленные на оценку степени достоверности сообщения (epistemic stance adverbials). Такие конструкции представляют автора как уверенного в достоверности выдвигаемой пропозиции или, наоборот, не уверенного, стремящегося дистанцироваться от сказанного. Epistemic stance adverbials отвечают на вопрос: насколько истинно сообщение в предложении. Также они комментируют уверенность говорящего, точку зрения и ограничения значения истинности [Biber, Conrad, Leech 2003: 356]. С одной стороны, конструкции с семантикой уверенности имплицитно конструируют образ автора как человека, уверенного в правоте выражаемой точки зрения, в правдивости передаваемой информации. В таком случае автор убеждает в собственной правоте свою аудиторию. Информация, предваряемая таким видом вводных конструкций, имплицитно представляется как общеизвестная, как универсальное знание. В рамках политического блога вводные конструкции с семантикой уверенности имплицитно выражают аксиологию блогера. Трансляция безличной уверенности в пропозициях сказанного также актуализирует и потенциального адресата записи: автор экстраполирует свою уверенность на ту аудиторию, для которой пишет свои посты.

С другой стороны, конструкции с семантикой неуверенности имплицитно идентифицируют автора, дистанцирующегося от пропозиций высказывания. Так автор избегает ответственности за сказанное. В рамках блога вводные конструкции с семантикой неуверенности не служат конструированию потенциального адресата. Напротив, их цель мы усматриваем в избегании конфронтации с фактическими читателями блога, которые могут иметь точки зрения, отличные от авторской.

Проиллюстрируем сказанное. Приведенная ниже запись принадлежит действующему премьер-министру Великобритании Борису Джонсону:

Of course there is much more to do. As we begin to recover from this pandemic, we will not lose sight of the country we have promised to build

[<https://twitter.com/BorisJohnson/status/1285655538467049472>]

В высказывании автор не выражает эксплицитно свою уверенность, вместо этого используя формально безличную вводную конструкцию. Таким образом, автор выражает не только свою уверенность в пропозиции высказывания, но и представляет ее как то, что известно его потенциальным адресатам. Кроме того, употребление инклюзивного «we» вместо эксплицитного местоимения I лица единственного числа имплицитно идентифицирует автора как часть сообщества. В первом случае – как часть национальной группы, во главе которой он находится, во втором случае – как часть институциональных структур, с которыми он взаимодействует в процессе работы. Более того, инклюзивное «we» в заключительной части высказывания конструирует потенциальных адресатов этого высказывания – правительственных чиновников, которые, как и премьер-министр, ответственны за поддержание благополучия в стране.

Функционирование вводных конструкций с семантикой неуверенности продемонстрируем следующим примером. В полном тексте блоговой заметки автор пишет о задержании журналиста Ивана Голунова по подозрению в хранении наркотиков. Автор поста пишет:

Итак, есть факты: журналист Иван Голунов был задержан сотрудниками столичной полиции и у него якобы изъяли некоторое количество некоего

наркотика, и потом ещё что-то там наркотическое нашли во время обыска дома; журналист свою вину категорически отрицает, утверждая, что наркотики ему подбросили.

[<https://3-shurupa.livejournal.com/93079.html>]

С одной стороны, автор эксплицитно пишет о том, что сообщает факты, с другой стороны, использует безличную вводную конструкцию. Безличная вводная конструкция с грамматической точки зрения устраняет автора из высказывания. Это необходимо автору для того, чтобы читатели блога не ассоциировали пересказанные факты лично с самим автором, поскольку пропозиция высказывания в глазах общественности представляется спорной, может спровоцировать негодование читателей, обвинения автора в распространении ложной информации.

Мы систематизировали все обнаруженные нами вводные конструкции в Таблице 3:

Таблица 3. Классификация вводных конструкций на основании характера функционирования

№ п/п	Характер функционирования		Примеры
1	Вводные конструкции, направленные на оценку пропозитивного содержания высказывания (attitude stance adverbials)		<i>самое гадкое, здорово, важно, к счастью, парадокс, к большому сожалению, tragically, no wonder</i>
2	Вводные конструкции, направленные на оценку степени достоверности сообщения (epistemic stance adverbials)	Вводные конструкции с семантикой уверенности	<i>очевидно, конечно, естественно, судя по всему, по всей видимости, разумеется, безусловно, да, действительно, вправду, needless to say, certainly, obviously, of course, clearly, yes, yep</i>
		Вводные конструкции с семантикой неуверенности	<i>возможно, вероятно, скорее всего, наверное, якобы, probably</i>

Еще одну группу синтаксических средств имплицитности, востребованных в жанре политического блога, составляют безличные предложения. В английском

языке им соответствует ряд синтаксических конструкций, таких, как *extraposed clauses*, предложения с местоимением *it* в роли формального подлежащего (*empty subject*) и предложения с анафорическим местоимением *it* в роли подлежащего. Как отмечает Н.С. Валгина, «во всех случаях, когда выбор падает на безличные конструкции при наличии синонимичных личных, он объясняется необходимостью по тем или иным причинам устранить из речи обозначение производителя действия и носителя признака» [URL: http://yanko.lib.ru/books/language/ru/yanko.valgina_2003_416p_rasp_sl.htm#_Тoc331393965]. Имплицитность такого рода языковых единиц мы видим в их формальной бессубъектности. Однако, как и вводные конструкции, безличные предложения всегда связаны с субъектом речи и призваны выражать его идеи.

Мы полагаем, что устранение из высказывания субъекта связано со стремлением автора придать своим переживаниям и опыту универсальный характер, таким образом вовлекая реципиента в рассуждения. Причину употребления автором бессубъектных предложений мы также видим в дистанцировании от пропозиций высказывания. Это может быть продиктовано остротой затрагиваемых в блоге политических тем, и в таком случае автору необходимо избежать прямой ассоциации содержания высказывания со своей личностью. В случаях, когда автором блога является политический деятель, устранение из высказывания субъекта речи служит сближению автора с его аудиторией, способствуя улучшению политического имиджа автора.

Анализ бессубъектных синтаксических конструкций мы основываем на семантике предикативных элементов. Понятия для классификации мы заимствуем из классификации безличных предложений М.Ю. Федосюка [Федосюк 2012 : 92]. В ходе анализа мы выделили две семантические группы бессубъектных предикатов, выражающие:

1. независимые от воли человека модальные характеристики действий и состояний;
2. непроцессуальные состояния лица, возникшие независимо от воли человека.

В группе 1 бессубъектные предикаты выражают авторскую позицию о необходимости или возможности осуществления каких-либо действий. То, что автор считает необходимым или возможным, может быть продиктовано его мировоззрением. Бессубъектные предикаты имплицитно также актуализируют социальную и политическую позицию автора блога. Имплицитность этих предикативных элементов мы обнаруживаем в выражении общественно-политической позиции автора блога, в выражении его аксиологических установок.

Рассмотрим следующий пример:

*Самая отважная девушка России сегодня ночевала в холодной камере ИВС за то, что пришла с журналистским заданием написать про акцию против бесчеловечного закона Мизулиной. Мила лучшая из нас. Её **нужно поддержать**.*

[<https://twitter.com/msvetov/status/1284793818093686785>]

Здесь субъективное отношение автора к объекту высказывания выражается эксплицитными средствами – прилагательными «отважная», «лучшая». Они противопоставлены прилагательному «бесчеловечный», относящийся к инициативе законодательных властей России, что способствует более яркому выражению авторских оппозиционных взглядов. Бессубъектный предикат завершает высказывание и имплицитно идентифицирует автора, стремящегося активно противостоять сложившейся системе. Кроме того, в этом примере мы видим имплицитный призыв к своей аудитории – поддержать заключенную. Всё это имплицитно транслирует авторскую ценностную систему, в частности, систему его мировоззренческих ценностей.

Проиллюстрируем функционирование безличных предикатов как средства улучшения имиджа политического деятеля. В частности, следующая запись принадлежит бывшему премьер-министру России Дмитрию Медведеву:

*«Единая Россия» на этих выборах показала хороший, убедительный результат. Но **важно**, чтобы все члены партии помнили: на этапе выборов ничего не заканчивается. Вся работа только начинается. **Нужно будет***

еще доказать людям, что они не просто так оказали нашей партии доверие.

[<https://twitter.com/MedvedevRussia/status/1171094104417157120>]

Под бессубъектным предикатом автор имплицитно имеет в виду самого себя, свою убежденность в необходимости завоевать доверие народа. Кроме того, высказывание содержит вводную конструкцию «важно», посредством которой автор также имплицитно транслирует убеждение, важное для него самого и политической силы, которую он представляет: убеждение в необходимости работать на благо народа. Имплицитное выражение таких политических убеждений официальным политическим лицом способствует приобретению политических очков.

Другой пример:

During this pandemic Jeff Bezos saw his wealth increase by \$74 billion.

Meanwhile, 50 million Americans are filing for unemployment, and millions face hunger, lack of health care and evictions.

Unacceptable!

We must create an economy that works for all, not just the very rich.

[<https://twitter.com/BernieSanders/status/1285271927959977985>]

Бессубъектный предикат в контексте высказывания актуализирует образ автора как человека, нетерпимого к проблемам колоссальной разницы в доходах разных слоев населения в условиях общего кризиса. Кроме этого, важно учитывать прагматический контекст высказывания: автор – Берни Сандерс – американский политический деятель. Это позволяет предположить, что этот прием является также способом декларации его собственной политической программы. Также, не прибегая к эксплицитной эгореферентности в высказывании, автор унифицирует свои переживания относительно диктумной части высказывания: беспокойство о разнице в доходах присуще не только ему, но в целом людям. Средством имплицитной актуализации потенциальных адресатов, которыми являются политические единомышленники политика, является инклюзивное «we», под

которым автор имеет в виду себя как уполномоченное влиять на решения лицо, а также своих сторонников как среди политических деятелей, так и среди электората.

В группе 2 бессубъектные предикаты транслируют субъективные переживания автора: либо собственные внутренние переживания, либо эмоциональную оценку события или явления.

Имплицитность этого типа безличных предикатов мы видим в стремлении автора придать своему эмоциональному опыту универсальный, объективный характер. Устраняясь с грамматической точки зрения из высказывания, автор имплицитно экстраполирует свои переживания на остальных людей, будто ситуация объективно является грустной, тревожной, печальной, радостной, удивительной.

Непроцессуальные состояния лица, возникшие независимо от воли человека, имплицитно актуализируют мировоззрение автора, его личную аксиологию, взгляды на способы политического устройства общества. В случае, если непроцессуальное состояние манифестирует официальное политическое лицо, такой прием может оказаться средством политической борьбы.

Проиллюстрируем сказанное примером:

Лукашенко заявил о едином с Путиным мнении в отношении протестов (РИА Новости)

Президент России одного мнения с полностью чокнувшимся. Тревожно как-то.

[<https://twitter.com/mich261213>]

Выделенный бессубъектный предикат выражает не только эмоциональное состояние тревоги автора, вызванной политическими событиями в Беларуси в 2020 году. Во взаимодействии его с контекстом (как лингвистическим, так и прагматическим – фоновыми знаниями о протестах после выборов президента Беларуси в августе 2020 года) раскрывается авторская позиция относительно взаимодействия властей и протестующих в Беларуси. Автор озабочен тем, что президент России разделяет позицию президента Беларуси о невозможности мирно решить конфликт с протестующими. Здесь же имплицитно транслируются

авторские ценности: ценность свободы волеизъявления, свободы мирных собраний. Употребляя бессубъектный предикат в высказывании, автор придает личным переживаниям универсальный характер: отношение правящей элиты к протестным движениям объективно представляется тревожной.

Следующий пост был написан на фоне неугасающих в Великобритании споров о членстве страны в Европейском союзе:

Good to see a Eurosceptic win in Poland.

[https://twitter.com/Nigel_Farage/status/1282590023875989504]

Автор поста – бывший британский политик Найджел Фараж, одобряя победу евроскептика в Польше, имплицитно транслирует и свою идею относительно устройства британского общества. Выражая положительное эмоционально-оценочное событие, автор имплицитно выражает одобрение процедуре брекзита. Бессубъектность высказывания придает убеждениям автора универсальный характер: победа евроскептика манифестируется как что-то, что объективно положительно.

Мы систематизировали все обнаруженные бессубъектные предикаты в Таблице 4:

Таблица 4. Классификация бессубъектных предикатов в зависимости от семантического значения

№ п/п	Семантическое значение	Примеры
1	Бессубъектные предикаты, выражающие независимые от воли человека модальные характеристики действий и состояний	<i>нужно [поддержать], нужно [сделать вывод], нужно [понимать], нужно [будет доказать], нужно [учесть], нужно [продолжать оставаться], нужно [искать], надо [заметить], как можно понять, можно отметить, не нужно [напрягать мозги], необходимо [назвать вещи своими именами], it's unacceptable, unacceptable, this didn't need to be said here</i>
2	Бессубъектные предикаты, выражающие непроцессуальные состояния лица, возникшие независимо	<i>тревожно, хотелось бы видеть, хочется понять, забавно наблюдать, вообще удивительно, интересно, любопытно, good to see, hardly surprising, that's terrifying, simply outrageous, it's a good thing, it is so sad</i>

от воли человека	<i>to see, it's cowardly, it's scary</i>
------------------	--

Еще одним востребованным синтаксическим средством имплицитности в политических блогах являются обобщенно-личные предложения (в английском языке это предложения с личным местоимением *you*, используемым в обобщенном значении, в роли субъекта). Мы вслед за Е.Г. Борисовой [Борисова 1999а: 20] будем рассматривать такой вид синтаксических конструкций как транспозицию в случаях, когда из контекста однозначно понятно, что глагол и местоимение II лица единственного числа не обозначают реального партнера по коммуникации, а денотатом является либо сам автор, либо неопределенный круг его адресатов.

В русскоязычных предложениях синтаксический субъект в обобщенно-личных выражен местоимением «*ты*» в общем значении. Как отмечено в «Русской грамматике», «обобщенное значение приобретают местоимения *я* и *ты* в таких условиях контекста или в таких ситуациях, когда отнесенность к единичному и определенному лицу одновременно предполагает возможность — при сходной ситуации — отнесенности к любым другим лицам» [Русская грамматика 1980: 531]. Англоязычное предложение, функционально и структурно схожее с русскоязычным обобщенно-личным, предполагает обязательное наличие синтаксического субъекта *you* в обобщенном значении. Функционирование *you* в данном случае можно объяснить так: «<...> выбор этого обобщающего местоимения апеллирует к общему человеческому опыту, приглашая читателя к сопереживанию» [Biber, Conrad, Leech 2003 : 96].

По словам Н.С. Валгиной, «основное назначение обобщенно-личных предложений — образное выражение общих суждений, широких обобщений <...>» [URL:

http://yanko.lib.ru/books/language/ru/yanko.valgina_2003_416p_rasp_sl.htm#_Тoc331393964].

Жанр блога отличает то, что у заметок нет никакого конкретного адресата. В своих заметках автор апеллирует к своему личному опыту и переживаниям, таким образом вынося свои убеждения во внешний мир, либо к опыту и

переживаниям, свойственным, по его мнению, людям в целом. Роль обобщенно-личных предложений в политических блогах мы видим в приближении описываемых политических и социальных реалий одновременно и к автору, и к его адресату. Такой тип предложений сближает опыт автора и адресата, что создает единое аксиологическое поле, в котором они существуют. Обобщенно-личные предложения – востребованный ресурс выражения имплицитности в политических блогах, поскольку обобщения позволяет автору объединить вокруг себя читателей со схожим опытом, найти отклик среди людей со схожими позициями, находящихся в схожих жизненных обстоятельствах. Имплицитность данного типа синтаксических средств мы наблюдаем в имплицитной эгореферентности: автор описывает в первую очередь личный опыт, не называя себя напрямую. Стоит отметить, что в блоговых записях авторы обычно переходят от эксплицитного обозначения себя через местоимения I лица единственного числа к обобщенно-личным формам представления своих мыслей. Это подтверждает тезис о том, что автор распространяет свой личный опыт на потенциально широкий круг людей, приглашая потенциальных адресатов разделить его переживания.

Приведем пример:

*Столько происходит в жизни и идя на работу, учебу. Возвращаясь домой, читая новостную ленту, **впадаешь** в ужас, что творится в мире, особенно, не когда **ты** это **читаешь** сам, а когда **при тебе** это начинают обсуждать люди.*

[<https://goo.su/1qCq>]

Для идентификации транспозиции обратимся к широкому контексту. Автор пишет: «**Я попытаюсь** написать то, что посетило и мучило **меня** сегодня вечером в душе. На самом деле обстановка в семье, районе, стране и мире не из лучших, очень напряженная и давящая. Это, конечно же, влияет на многих людей, я думаю. По крайней мере, **на меня точно**». Употребление преимущественно местоимения и глаголов I лица единственного числа эксплицитно указывает на то, что автор пишет о своих личных переживаниях.

Употребление далее по тексту местоимений и глаголов II лица единственного числа с формальной точки зрения для этого контекста нетипично, что может говорить о наличии имплицитности, реализованной через транспозицию. Автор экстраполирует свои негативные переживания на широкий круг тех, кто может прочитать эту запись, полагая, что чувство ужаса от содержания новостной ленты испытывают многие люди. Автор приглашает потенциального адресата разделить эти волнующие его мысли и чувства.

Приведем еще одну иллюстрацию:

*I think it is time **we** take a hard look at agism perpetrated against the young and the old but particularly stereotypes about older people being wiser than the youth. Also what message does it send that **you're experienced** and opinions are only valid if **you are a certain age**?*

[https://www.reddit.com/r/uspolitics/comments/icwak8/setting_an_age_cap_on_who_can_be_president/]

В данном примере автор также начинает рассуждения с эксплицитного обозначения своего присутствия в тексте с помощью местоимения I лица единственного числа. Далее по тексту, экстраполируя свой опыт и убеждения на потенциального адресата, автор сначала использует инклюзивное «we», а затем прибегает к транспозиции. Автор распространяет на широкий круг адресатов свои скептические убеждения относительно предвзятого отношения к людям по признаку их возраста.

Рассмотрим еще один пример:

***Я** не могу принять мир, о котором **я** читала только в антиутопиях. Где “человека” даже не считают человеком. **Ты** — песчинка, молекула, атом.*

[<https://goo.su/1qcO>]

Как и в рассмотренных ранее примерах, автор переходит от эксплицитного обозначения себя «я» к транспозиции. В данном случае автор распространяет на адресатов свои субъективные переживания относительно несправедливого мироустройства. Свое мироощущение автор выводит в пространство блога, чем

объединяет вокруг себя адресатов со схожими переживаниями, приглашает их к сочувствию.

Другим востребованным средством имплицитности в жанре блогов являются риторические вопросы. Имплицитность риторических вопросов мы видим в том, что на них не требуется ответ. Отсутствие необходимости получать ответ позволяет автору в форме вопроса вынести свои размышления, идеи, убеждения в пространство блога, объединить адресатов со схожей позицией, аксиологией, оценками, экстраполировать свои мысли на потенциального адресата. Таким образом блоггер конструирует потенциального адресата.

В текстах блогов мы выделили несколько контекстов имплицитности, содержащих риторический вопрос. Примеры обнаруженных риторических вопросов приводим далее:

Как единому россиянину победить на выборах в условиях, когда все вокруг ненавидят «Единую Россию»?

Чем он может понравиться людям?

Зачем в Хабаровске губернатор, который хотел быть мэром Москвы и видел Хабаровск только по телевизору?

Они почему тоскуют по «прекрасной стране СССР»?

Зачем основной закон обществу, с маниакальным упорством воспроизводящему матрицу феодальной государственности?

Шо, серьезно?

Так что, если Конституция грубо попирается в большом, какой смысл сокрушаться, что она гипотетически может быть нарушена в малом?

Какой вообще резон переживать о Конституции, которая всегда была пустым местом и не играла ни малейшей роли совершенно ни в чем?

И что, мы так страну улучшим?

Не заметили?

Кем, кроме России?

Why does that seem an ok thing to say?

What makes the average person think they're interesting enough to be watched?

Remember?

Приведем пример функционирования риторического вопроса:

Скажу удивительную для многих вещь: Конституция нынешней РФ вообще не нужна. Никакая. Зачем основной закон обществу, с маниакальным упорством воспроизводящему матрицу феодальной государственности?

В России приверженность Конституции носит характер карго-культы: мол, у белых людей она есть – и они благоденствуют.

[<https://kungurov.livejournal.com/222079.html>]

В высказывании, с одной стороны, автор обозначает своего адресата при помощи местоименного прилагательного «для многих», утверждая, что мнение автора относительно Конституции может не совпадать с мнением большей части аудитории. С другой стороны, риторический вопрос имплицитно манифестирует оценочное отношение автора к определенной части жителей России, которых он считает недостаточно образованными. На это указывает и упоминание карго-культы, каким для России видит Конституцию автор, и «белых людей» – жителей других стран. Вынося в пространство блога такое суждение, автор экстраполирует свои убеждения на тех, с кем хотел бы разделить их: на своего потенциального адресата.

Еще один пример:

But then last week a flag appeared underneath the white one. This one is dark blue, with Trump's name emblazoned with the American flag's stars and stripes. Underneath that is the phrase: Make Liberals Cry Again. Now that bothered me. Because now it is not expressing an opinion about the amount of bullshit happening, but saying that you should vote for Trump to hurt other people, to vote out if a sense of malice, to elect him just to cause pain. Why? Why does that seem like an ok thing to say?

[<https://orangerful.livejournal.com/1348873.html>]

С помощью риторического вопроса автор транслирует непонимание действий людей, принадлежащих к определенному политическому лагерю, лагерю республиканцев. Вовне выносятся также и транслируемые автором гуманистические ценности: автор не понимает, как можно причинять боль политическим оппонентам. Также данный риторический вопрос имплицитно идентифицирует потенциального адресата, который также находит некорректным голосование за определенного кандидата лишь с целью причинить боль людям с противоположной политической позицией. Это конструирует образ и адресата, и

самого автора как людей, разделяющих схожие мировоззренческие и политические ценности.

2.2. Лингвистический контекст как средство реализации имплицитности

Лингвистический контекст блога способствует не только инференции имплицитных смыслов, но и помогает их генерировать на уровне как минимум сверхфразового единства или даже целого текста. Это происходит за счет формирования внутритекстовых связей между различными частями текста, конкретного блога, при взаимодействии записей и комментариев к ним, а также при взаимодействии записей разных блогов. Для обозначения внутритекстовых связей, обеспечивающих непрерывность повествования в тексте, существует два понятия: когезия (*cohesion*) и когерентность (*coherence*). Вслед за толкованием, приведенным в *Routledge Dictionary of Language and Linguistics*, мы понимаем когерентность как «грамматическую и семантическую взаимосвязанность, образующую текст. Именно семантическая структура, а не формальное значение, создает когерентность» [*Routledge Dictionary of Language and Linguistics* 2006: 198]. Когезия в том же словаре трактуется как «различные лингвистические средства <...>, посредством которых предложения соединяются и образуют более крупные единицы, такие как абзацы, строфы или главы» [*Routledge Dictionary of Language and Linguistics* 2006: 199]. В нашем исследовании мы будем рассматривать когерентность как средство реализации имплицитности в политическом блоге. В фокусе нашего внимания находятся смысловые значения и оттенки значений, которые связывают тексты заметок в единое целое.

Смысловое единство постов внутри одного блога, между блогами разных авторов, а также между блоговой заметкой и комментариями к ней мы понимаем как интертекстуальность. Для постов в рамках одного блога характерно наличие определенных тематических единств. То же самое можно сказать о записи и комментариях, когда в комментариях высказываются пользователи с позицией, схожей с позицией автора. В этом понимании интертекстуальности мы опираемся

на идеи, выраженные М.М. Бахтиным: «<...> Во всяком высказывании при более глубоком изучении в конкретных условиях речевого общения мы обнаружим целый ряд полускрытых и скрытых чужих слов разной степени чуждости. Поэтому высказывание изборождено как бы далекими и еле слышными отзвуками смен речевых субъектов и диалогическими обертонами, до предела ослабленными границами высказываний, совершенно проницаемыми для авторской экспрессии» [цит. по: Дубровская 2010, с. 273]. Для записей внутри одного блога было бы несправедливо говорить о чуждости высказываний. Все они, принадлежа одному автору, объединены одним или несколькими тематическими направлениями. В них прослеживается единая для данного автора политическая линия, идеологическая позиция.

Специфика блога как дигитального жанра обусловила категоризацию интертекстуальности внутри жанра. Мы выделяем интертекстуальность внутри блога конкретного автора, интертекстуальность блоговых заметок разных авторов, интертекстуальность между блоговой заметкой и комментариями под ней.

Теперь рассмотрим механизмы функционирования когерентности и интертекстуальности по порядку.

Когерентность внутри блоговых заметок служит средством имплицитного выражения оценок. Мы рассматриваем политический блог как оценочный жанр, в котором субъективно-оценочная модальность является главным источником имплицитности. Модальность на уровне текста по мнению И.Р. Гальперина реализуется главным образом «в характеристике героев, в своеобразном распределении предикативных и релятивных отрезков высказывания, в предложениях, в умозаключениях, в актуализации отдельных частей текста и в ряде других средств» [Гальперин 2007: 115]. Дополняют эти средства лексические и грамматические инструменты [Гальперин 2007: 115].

В рамках политического блога авторы транслируют оценочное отношение к политическим акторам, социальным событиям, политическим объединениям, блокам. Механизмы имплицитности реализуются через эмоционально

окрашенные лексические единицы, неоднократно употребляемые в границах текста, через иронию, интертекстуальные включения, а также визуальные метафоры (термин-понятие мы заимствуем у В.Е. Чернявской и Н.Э. Горшковой [Чернявская, Горшкова 2021: 175-182]).

Для того, чтобы эмоционально окрашенные лексические единицы могли стать средством имплицитного выражения оценки с позиции когерентности, они должны регулярно повторяться по мере разворачивания повествования. Здесь мы опираемся на позицию И.Р. Гальперина: «Субъективно-оценочная модальность текста не проявляется в одноразовом употреблении какого-то средства» [Гальперин 2007: 119]. Распределенные по всему тексту, эмоционально окрашенные лексические единицы формируют тематические единства, транслирующие оценку.

Приведем пример:

Англосаксонская политика (как британская, так и американская) всегда отличалась циничной расчётливостью.

*В то время как **русские, французы, немцы и представители прочих европейских наций, включая «нордических» шведов, эмоционально бросались спасать своих или бурно реагировали на оскорбление, отправляясь прямиком в расставленную ловушку, джентльмены из Лондона и Вашингтона с непроницаемыми лицами выжидали ровно столько, сколько было надо, не обращая внимания на то, что там «наших бьют».***

*Столетиями подобный подход доказывал свою эффективность. При недостаточной ресурсной базе <...> они **побеждали с минимальными затратами, да ещё и чужими руками.***

*Следующий всплеск эмоций характеризовал политику Буша-младшего. Ничтоже сумняшеся он **начал бомбить весь Ближний Восток (от Ирака до Афганистана)** для того, чтобы скрыть импотентность американских спецслужб, прославивших теракты 11 сентября 2001 года. <...>*

бомбить кого попало американцы и так могли (свидетельством чему история с «синим платьем»).

<...> **США**, с одной стороны, **предали** своего главного ближневосточного **партнёра** — Израиль, переориентировавшись на беспомощных саудидов и эмиратчиков, с другой, **организовали падение** практически всех союзных себе режимов в арабских странах, превратив Ближний Восток в зону хаоса. <...>

При Обаме **США дестабилизировали и подожгли** ключевой для себя регион — свою главную базу, позволявшую им контролировать основные потоки мировой торговли, в смутной надежде, что пожар перекинется на Иран, Россию, а затем и на Китай. Вместо этого **Россия стала ключевым игроком** на Ближнем Востоке, вытеснив оттуда **США** и заключив ситуативный, но всё более прочный союз с Ираном и Турцией. Тем не менее под занавес своего президентства **Обама поджжёт ещё и Украину**,

Обама все эти возможности **уничтожил, превратив Украину в абсолютно нищую попрошайку**, неспособную без поддержки Вашингтона протянуть даже год.

Собственно, Обама рассчитывал на эмоциональную реакцию России и Китая на его поджоги, но столкнулся с **поистине британской невозмутимостью и прагматичностью**, полностью обрушившими **американские планы**.

<...>

Трамп точно так же **пытался напугать** Ким Чен Ына, а когда тот не испугался трёх авианосных соединений, сразу сдулся. Он же **поссорился** с европейцами, в лучших уголовных традициях потребовав от них оплачивать «услуги по защите». В результате **позиции США** в Европе и в Юго-Восточной Азии **резко ослабли**, а прибыли не было никакой (даже морального удовлетворения).

<...>

Следующим шагом Байден ставит США в позицию окончательного разрыва с Эрдоганом. Последнего американцы пытались свергнуть и убить ещё при Обаме. Но прагматичный турок, резко повысив роль России в своей политике, всё же пытался активно маневрировать между Москвой и Западом.

<...>

Но США давят, а когда давление не срабатывает, переходят к военным провокациям, пытаясь разжечь российско-европейскую войну, что явно не радует немцев. Германия постепенно оказывается в той же ситуации, что и Турция. Надо или полностью отказаться от субъектности и позволить США решать за себя, или опереться на Россию, но тогда США становятся врагом.

[https://peremogi.livejournal.com/56576934.html?utm_source=recent]

Через весь текст проходит неодобрение автора внешней политике США, выраженное эмоционально окрашенными предикатами (*побеждали чужими руками, бомбить кого попало, предали, организовали падение, дестабилизировали, подожгли, уничтожил, пытался напугать, поссорился, позиции ослабли, пытались свергнуть и убить, давят, переходят к военным провокациям*). С одной стороны, автор описывает содержание внешнеполитических действий США, с другой стороны негативная эмоциональная окраска предикатов, обозначающих действия, имплицитно манифестирует его неодобрение действий властей США.

С другой стороны, в этом же тексте действия и позиция России выражается положительно окрашенными предикатами (*русские бросались спасать своих, Россия стала ключевым игроком, повысив роль России, опереться на Россию*). Кроме того, употребляя местоименные прилагательные, например «своих», в контексте описания действий России на международной арене, а также упоминая геополитических союзников России, которые играют с ней в одной связке, повышают ее роль и могут в трудной ситуации на нее опереться, автор имплицитно заявляет о высоком статусе России на

международной арене. Статус США в этом контексте ниже, так как своих союзников США предают и с ними ссорятся. Поэтому в данном тексте мы еще наблюдаем и имплицитную актуализацию оппозиции «мы»-«они».

Роль иронии в политической коммуникации рассматривает К.М. Шилихина [Шилихина 2014: 198-202]. Исследовательница пишет, что «она позволяет говорящему апеллировать одновременно и к разуму, и к эмоциям аудитории» [Шилихина 2014: 200]. Согласно К.М. Шилихиной, ирония служит способом выражения намерений автора: установить отношения между собой и объектом иронии, провести границу между «своими» и «чужими», привлечь внимание аудитории и развлечь ее [Шилихина 2014: 200]. Как отмечает Т.В. Нестерова, ирония в политической коммуникации является эффективным инструментом ведения политической борьбы [Нестерова 2020: 119]. Механизм имплицитности иронии в тексте мы опишем, опираясь на положения П. Грайса [Grice 1989]. Ирония в высказывании является следствием нарушения максимы качества информации: «Не говори того, что является ложью». Как утверждает П. Грайс, если говорящий допускает нарушение данной максимы, то и ему, и слушателю становится очевидно: говорящий сам не верит тому, что говорит. П. Грайс исходит из предположения, что говорящий изначально пытается вложить в свое высказывание некий смысл, т. е. высказывание не является беспредметным. Если это так, то говорящий, должно быть, пытается сообщить некую иную пропозицию, отличную от той, которую он выражает эксплицитно. Это должна быть пропозиция, сопряженная с эксплицитным смыслом высказывания. По теории П. Грайса, наиболее очевидной сопряженной пропозицией является пропозиция, прямо противоположная той, которую говорящий выражает эксплицитно [Grice 1989: 34].

Ирония, включенная в политическую блогговую заметку, служит средством имплицитного выражения оценки. Вслед за К.М. Шилихиной мы считаем, что ирония выполняет развлекательную функцию, она привлекает внимание читателя, фокусируя его на объекте ироничной оценки.

Рассмотрим пример употребления иронии в тексте:

BREXIT 2016: The streets will be paved with gold.

BREXIT 2017: It won't be as bad as they warned.

BREXIT 2018: We got through two World Wars. We can do this.

BREXIT 2020: It would have been great if Remoaners had helped.

BREXIT 2030: This rat tastes funny. Pass the mint jelly.

[<https://twitter.com/sturdyAlex/status/963326887480250368>]

Нарушение Максимы качества информации здесь заключается в том, что в действительности у автора нет доказательств достоверности его слов относительно того, что события будут развиваться именно описанным образом. Данный пост, написанный в 2018 году, содержит и описание прошлого, которое не соответствует действительности. Адресат при наличии фоновых знаний о жизни в Великобритании также должен это знать.

Данный пример демонстрирует деградацию состояния дел в британском обществе по мере удаления от дня голосования по вопросу выхода из Европейского союза. Деградация выражена лексическими средствами:

gold -> it won't be as bad -> two World Wars -> if Remoaners had helped (в этом случае играет роль использование сослагательного наклонения, выражающего желательность действия, которое не произошло) *-> rat tastes funny.*

В приведенном примере прослеживается нисходящая градация благосостояния общества от «улиц, вымощенных золотом» (что является преувеличением, имплицитно обещающим лучшей жизни после брексита) до поедания крыс, что в преувеличенном виде имплицитно означает значительную деградацию общественного благосостояния в Британии. Кроме этого, каждая из ступеней градации соотнесена с брекситом в разные годы от 2016 до 2030. Мы видим, что ироничное высказывание в целом имплицитно выражает идею о том, что общество в Великобритании с течением времени не выиграет от выхода из Евросоюза и в целом такая инициатива является для страны убыточной.

Интертекстуальные включения в текст блога также являются востребованным средством реализации когерентности. Интертекстуальность, по мнению Ю. Кристевой (ей и принадлежит сам термин), представляет собой

комбинацию текстов [цит. по: Hodges 2015: 44]. А. Ходжес полагает, что текст, содержащий в себе элементы других текстов, является комплексным феноменом: «Текст соткан из возникших ранее элементов дискурса, которые просто сшиваются между собой в новое цельное лоскутное одеяло» [Hodges 2015: 44]. Интертекстуальность как средство организации текста и ее имплицативный потенциал рассматривалась А. И. Барышевой [Барышева 2016]. Она утверждает, что основным механизмом интертекстуальности является прецедентный характер включенного текста. Кроме того, «прецедентные феномены не только „играют на руку“ авторам, отсылая адресата к предшествующей художественной культуре, но и дают возможность скрыть свою позицию: автор всегда может заявить, что включил в статью прецедентный феномен лишь для украшения и не несет ответственности за те смыслы, которые интерпретировал читатель» [Барышева 2016: 146—147]. Мы полагаем, что смысл включенного текста способен влиять на формирование имплицитных смыслов в силу своего прецедентного характера, узнаваемости широкой аудиторией. Интертекстуальный элемент также является способом имплицитного выражения оценки политического лица или события. Он также позволяет автору дистанцироваться от пропозиции, приписать оценочные суждения автору интертекстуального элемента.

Проиллюстрируем сказанное примером:

*I'd make one now, except just thinking about it depresses me. **I was not happy about the results of the midterm**, needless to say... and I am even less happy, if possible, about this "compromise" that Obama has made with the GOP on taxes. From where I sit, **it smells more like capitulation than compromise**. Give a lot, get almost nothing.*

*Obama is the most intelligent president we've had since Jimmy Carter... and, sad to say, he is looking more and more like Jimmy every day. A good man, but **not a good leader**. At least not so far. He doesn't seem to have the stomach for a fight. We need another FDR, another JFK, another LBJ. **NOT Jimmy II**. (And, yes, I know, Obama has accomplished some important stuff. But so did Jimmy. Camp David accords, remember?)*

Yeats was writing about his own time in "The Second Coming," I know, but sometimes I think he was prescient:

Turning and turning in the widening gyre

The falcon cannot hear the falconer;

Things fall apart; the centre cannot hold;

Mere anarchy is loosed upon the world,

The blood-dimmed tide is loosed, and everywhere

The ceremony of innocence is drowned;

The best lack all conviction, while the worst

Are full of passionate intensity.

And could that rough beast whose hour has come round at last be... Sarah Palin?

No, please. Tell me that's just a bad dream. Somebody wake me up.

[<https://grrm.livejournal.com/188615.html>]

Когерентные связи первой части высказывания выражают отрицательную оценку бывшего президента США Барака Обамы. Они эксплицитны, но интертекстуальный фрагмент – отрывок из стихотворения У.Б. Йейтса «Второе пришествие» – способствует имплицитной манифестации авторской оценки сложившейся ситуации. Кроме того, автор предваряет интертекстуальное включение ремаркой о, как ему кажется, пророческом характере стихотворения. У.Б. Йейтс, используя библейские мотивы, характеризует атмосферу послевоенной Европы 1919 года. Включая эти мрачные, наполненные трагизмом, неотвратимостью катастрофы строки в свое описание политической ситуации, автор выражает обеспокоенность политической и социальной обстановкой. Автор несколько видоизменяет последнюю строку стихотворения, добавляя в него фигуру Сары Пейлин, кандидата в вице-президенты от Республиканской партии в 2008 году. Сравнивая Пейлин с чудовищем, которое должно появиться на свет, автор имплицитно выражает оценочное суждение по отношению и к ней.

Специфика жанра блога как цифрового жанра определила и специфику когерентности текстов в нем. Смысловая связность текста реализуется не только

вербальными, но и визуальными средствами. Таким средством являются визуальные метафоры [Чернявская, Горшкова 2021: 175-182]. Исследовательницы пишут, что «изображение служит средством двойного кодирования информации, когда изображение поддерживает слово, и тематическая прогрессия текста создается и словом, и изображением» [Чернявская, Горшкова 2021: 177]. В.Е. Чернявская и Н.Э. Горшкова выделяют разные способы участия визуальных метафор в генерации новых смыслов: они могут быть отправной точкой для создания нового смысла, могут поддерживать написанное, а могут ему контрастировать [Чернявская, Горшкова 2021: 180].

В жанре политического блога визуальные метафоры служат отправной точкой в создании смысла или дополняют вербальный компонент. Открывая блогговую заметку, визуальная метафора привлекает внимание читателя, создает горизонт ожиданий относительно содержания написанного. Читателю приходится прилагать дополнительные умственные усилия, чтобы дешифровать смысл метафоры и выстроить перспективу содержания блогговой заметки. Когда визуальная метафора дополняет вербальное содержание, она располагается либо внутри текста, либо непосредственно за ним. В таком случае она служит для интенсификации оценки диктумного содержания высказывания, карикатуризации, развлечения читателя.

Рассмотрим примеры:

Рис. 1. Коллаж с изображением В.В. Жириновского, сидящего на месте для беременных в вагоне метро.

[https://vakimov.livejournal.com/2137626.html?utm_source=popular]

Рисунок 1 открывает блогговую запись и создает горизонт ожиданий от нее. Рисунок представляет собой коллаж. На коллаже читатель видит российского политика В.В. Жириновского, который, сидя в вагоне метро на месте для беременных и инвалидов, не уступает место беременной женщине, стоящей рядом с ним. Читатель вправе ожидать, что в тексте заметки автор будет критиковать политика за поступки, которые идут вразрез с интересами общества. Текст заметки это подтверждает. Автор называет политика шутом, безумцем, государственным пнем, указывает на абсурдность его инициатив:

Сегодня он предложил переименовать административное деления страны на волости и уезды. Области на наместничество. Тема переименования его конек уже давно. Во время президентских выборов он предлагал называть главу государства верховным правителем.

Таким образом, визуальная метафора, представленная автором в начале заметки послужила отправной точкой для имплицитного выражения оценки политического лица.

Приведем пример, когда визуальная метафора дополняет вербальный компонент:

Joe Biden is the bomb, and not in a good way!

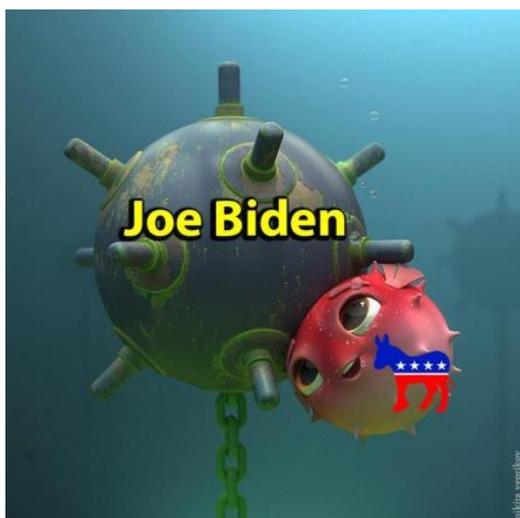

Рис. 2. Креолизованный текст с изображением рыбы и морской мины, олицетворяющих Демократическую партию США и Джо Байдена.

[https://www.reddit.com/r/PresidentialRaceMemes/comments/fe8gv1/joe_biden_is_the_bomb_and_not_in_a_good_way/]

Текст заметки выражает оценочное отношение автора на тот момент еще кандидату в президенты США Джо Байдену. Изображение призвано усилить значение высказывания. На изображении морская мина представляет Джо Байдена, а восхищенная рыба изображает Демократическую партию. Имплицитно выражается идея о том, что Байден потенциально опасен для демократов, как и мина для подводного животного, подобравшегося к ней слишком близко. Кроме того, особенности мимики животного имплицитно выражают отношение одобрения демократами Байдена и непонимание ими опасности, которую Байден для них представляет.

Интертекстуальность внутри блога одного автора обеспечивает тематическое единство всех его постов. Блоговые записи оказываются объединенными одной тематикой либо их можно разделить на несколько тематических блоков. В зависимости от институционального статуса автора, тематическое наполнение блога служит достижению определенных целей. Если автор принадлежит к сфере официальных политических деятелей, то интертекстуальность записей имплицитно способствует улучшению его имиджа, привлечению нового электората. Тематика постов официальных политиков охватывает сферы их персональных достижений в области внутренней политики, на международной арене. Авторы делятся информацией о том, каким образом их деятельность улучшает жизнь граждан их страны или муниципального образования, вверенного им в ответственность, а достижения в области внешней политики идентифицируют их как влиятельных в мировом масштабе политических акторов. Кроме того, для аккаунтов официальных политиков характерно выражение поддержки национальным командам в период проведения международных спортивных соревнований. Это имплицитно идентифицирует патриотические ценности автора-политика.

В качестве примера сказанного приведем несколько постов из официального твиттер-аккаунта действующего президента США Джо Байдена:

(1) I spoke today with Transatlantic Allies and partners to discuss Russia's military build-up in and around Ukraine. We agreed on our support for

Ukraine, to continue diplomatic efforts, and affirmed our readiness to impose massive costs on Russia should it choose further conflict.

[<https://twitter.com/POTUS/status/1494790173124481025?cxt=HHwWgsCircTvx74pAAAA>]

(2) *With our infrastructure law, we're reinvesting in our economy and our people, reclaiming our leadership, and creating millions of jobs by building a better America.*

And, as we rebuild America, we're buying American and betting on American workers.

[<https://twitter.com/POTUS/status/1494707658057732096?cxt=HHwWgMCymcOsor4pAAAA>]

(3) *Instead of losing manufacturing jobs since I came to office, America has added 375,000.*

In 2021, we saw the highest increase in U.S. manufacturing jobs in nearly 30 years.

[<https://twitter.com/POTUS/status/1494427537023328256?cxt=HHwWgICz7ar7or0pAAAA>]

(4) *My Build Back Better Agenda includes the largest investment to combat climate change in U.S. history. It'll help meet the moment on climate, create good-paying jobs, and lower energy costs for Americans.*

Let's get it done.

[<https://twitter.com/POTUS/status/1493950986209173508?cxt=HHwWiIC9zbagyrspAAAA>]

(5) *From the beginning of this crisis, I have been clear and consistent: **The United States is prepared** no matter what happens.*

We are ready for diplomacy to improve stability and security in Europe as a whole.

And we are ready to respond decisively if Russia attacks Ukraine.

[<https://twitter.com/POTUS/status/1493691006042181638?cxt=HHwWjMC4tcuDIlopAAAA>]

Президент США в своем блоге пишет о достижениях во внутренней политике и о готовности государства эффективно реагировать на конфликты на международной арене. Тематическое объединение постов укрепляет имидж политика. Кроме этого, отметим частое употребление автором инклюзивного «we» и местоименного прилагательного «our». Будучи употреблены в разных

контекстах, они имеют разный функционал. В постах о деятельности государства на международной арене инклюзивное «we» идентифицирует коллег Байдена по военному альянсу. Также инклюзивное «we» идентифицирует административный ресурс Байдена внутри страны, у которого есть полномочия принимать военно-политические или социальные решения. Кроме того, инклюзивное «we» идентифицирует американскую нацию как единое целое в постах о достижениях во внутренней политике. В этом случае инклюзивное «we» служит языковым средством имплицитного конструирования потенциального адресата: человека, гордящегося улучшениями жизни в стране.

Если автор не является институциональным политиком, то интертекстуальность постов его блога имплицитно идентифицирует его идеологические установки через оценки политических лиц или событий. Идеологические установки могут быть и оппозиционными, и провластными. Тематическое наполнение таких блогов способствует не приобретению политических очков, а концентрации вокруг блогера лояльной ему аудитории, разделяющей его убеждения.

Проиллюстрируем это примерами из блога российского оппозиционного политика Михаила Светова:

(1) Признание независимости ДНР и ЛНР в текущих границах сделает головную боль Украины головной болью России, позволит Украине наконец сосредоточиться на внутренней политике и создаст для России дополнительные экономические проблемы. Политически это решение кажется ошибочным.

[<https://twitter.com/msvetov/status/1495821690584064002>]

(2) Путин единолично реабилитировал разведку США. Как Гитлер в своё время реабилитировал Сталина. Последствия этой беды Россия и мир будут разгребать весь 21 век.

[<https://twitter.com/msvetov/status/1495851752737976326?cxt=HHwWjMC96czPqsIpAAAA>]

(3) Реально, канадская полиция избивает митингующего прикладом от ружья. В Канаде что-то абсолютно чудовищное происходит.

[<https://twitter.com/msvetov/status/1494817185205821449?cxt=HHwWkoC9heyT1L4pAAAA>]

(4) В споре про фигурное катание и большой спорт поражает обилие людей, убеждённых в своём праве решать за чужих детей, какие испытания им можно на себя брать, а какие нет.

Большой спорт это не тюрьма и не лагерь, в любой момент из него можно уйти. Что большинство и делает.

[<https://twitter.com/msvetov/status/1494677378265751554>]

(5) То, что государство продолжает делать с Навальным, это огромная несправедливость. Мне кажется в России это понимает каждый.

К сожалению, нет таких слов, которыми я мог бы ему сегодня помочь.

Если бы были, я бы обязательно их сказал.

[<https://twitter.com/msvetov/status/1493762562369990659?cxt=HHwWhsC5zdvI9LopAAAA>]

Тематически посты объединены идеей критики действующей власти. Автор не является институционализированным политиком, не может напрямую влиять на принятие политических решений и поэтому транслирует оппозиционную политическую позицию. Сопереживание, выражаемое осужденному оппозиционному политику, подкрепляет это утверждение. Кроме того, транслируемая в некоторых постах идея личной свободы, свободы выбора, осуждение государственного произвола имплицитно идентифицирует автора как сторонника гуманистических ценностей, либеральной идеологии, сторонника отказа от государственного принуждения.

Интертекстуальность между постами разных авторов обусловлена спецификой интернет-коммуникации. Авторы включают в свои блоги записи других авторов через инструменты репоста и гипертекста. Инструмент репоста особенно распространен на платформе микроблогов Твиттер, где авторы могут дать собственный комментарий относительно цитируемой записи. Гипертекстовые элементы представляют собой ссылки на внешние ресурсы, статьи, видеоролики. Их авторы также могут снабдить комментарием. Комментарии к репостам и гипертекстовым включениям совпадают с общей субъективной модальностью блога автора, совпадают с транслируемыми им

ценностями, убеждениями, политической позицией. Если же автор оставляет репост или гипертекст без комментария, то он стремится дистанцироваться от транслируемых пропозиций, оставляя за читателями свободу интерпретации.

Рассмотрим пример. Ниже приведены записи из блога, принадлежащего украинскому политическому блогеру и журналисту Анатолию Шарию. Он получил политическое убежище в Евросоюзе за систематическую критику действий украинских властей. Репосты в записях для удобства восприятия мы помещаем в кавычки.

*(1) **Отмороженный кокаиновый наркоман** внес изменения в санкции против меня и моей семьи. Думает жить вечно и вечно быть президентом, смешное чучело 🤡*

Рис. 3. Владимир Зеленский.

[<https://twitter.com/anatoliisharii/status/1493972821168599048?cxt=HHwWkMC93bGX1LspAAAA>]

(2) 13 февраля 2022 года двое военнослужащих ВСУ, находясь на территории кафе в селе Гранитне Донецкой обл, совершили стрельбу. В результате этого погибли военнослужащие Национальной гвардии и мирный житель, еще два человека получили ранения. Воины собрались с РФ воевать.

[<https://twitter.com/anatoliisharii/status/1492913399637979138?cxt=HHwWhMC9nfi08rcpAAA>]

(3) Иногда они вдруг просыпаются и видят, что Украина - нацистское государство и страну пора спасти от нацизма

“@nytimesworld: The Ukrainian government is encouraging the arming of nationalist paramilitary groups to thwart a Russian invasion. But those same groups could also destabilize the government if it agrees to a peace deal they reject”

[<https://twitter.com/anatoliisharii/status/1492038514854318080?cxt=HHwWgMC-0fjH5LQpAAAA>]

(4) Интересно

“@novoeizdaniecom: 90% маргинальность, клан пенсионеров и лжеподвиги МВД. Как в Украине процветает рынок проплаченных митингов”

[<https://twitter.com/anatoliisharii/status/1491767725693231112?cxt=HHwWkICzlf16bMpAAAA>]

Субъективная оценочная модальность высказываний в блоге направлена на критику действующей власти и социального положения в стране. Так, в своих записях автор сопровождает фотографию президента Украины резко отрицательными оценочными номинациями, а также критикует непрофессиональные действия украинской армии. В комментариях к репостам сохраняется та же субъективная оценочная модальность с критикой сложившейся политической ситуации, например, автор соглашается, что в Украине на государственном уровне доминирует нацистская идеология. Комментарий к записи о проплаченных митингах автор сопровождал безличным предикатом «интересно». Выражение личного интереса в бессубъектной форме призвано придать эмоциональной оценке объективный характер, привлечь внимание к цитируемой записи. Кроме того, в бессубъектном выражении интереса к публикации, в которой содержится компрометирующая украинское правительство информация, мы видим оппозиционные политические установки автора.

Теперь перейдем к рассмотрению интертекстуальности между инициальным постом и комментариями к нему, а также между самими комментариями. Поведение комментаторов в сетевых сообществах проанализировала Г.В. Лукьянова [Лукьянова 2019: 181-206]. Она отмечает, что

комментарии представляют собой площадки для дискуссии, на которых пользователи обсуждают не только запись автора, но и общаются между собой, что характерно для диалогичной коммуникации [Лукьянова 2019: 181]. Общаясь между собой, комментаторы в подавляющем большинстве случаев, как пишет Г.В. Лукьянова, теряют связь с изначальной темой и могут начать обсуждать что-то другое [Лукьянова 2019: 202].

Поведение комментаторов блогов ничем не отличается от поведения комментаторов виртуальных сообществ. Для комментариев в блоге характерна разветвленность обсуждения. Комментаторы могут легко переключиться с обсуждения темы поста на обсуждение пропозиций отдельного взятого комментария, создавая новую ветку обсуждения. Обсуждение может быть достаточно эмоциональным, с использованием обценной лексики и оскорблений, что объясняется анонимностью коммуникации и полной свободой действий и слов, которые она предоставляет. В целом комментарии в жанре блога, как и в жанре виртуальных сообществ, представляют площадку для обсуждений. Особенность комментариев в жанре политического блога – их субъективный оценочный характер. Выражая оценку, комментатор транслирует собственные убеждения, политические взгляды. Мы обнаружили, что в политических блогах комментаторы выражают оценочные суждения относительно диктумного содержания инициального поста, политической позиции автора (могут выражать как согласие, так и несогласие), а также мнения других комментаторов. Имплицитная оценка выражается с помощью иконических средств (лайк), иронии, языковой игры, визуальных метафор. Рассмотрим выделенные нами средства оценки по порядку.

Говоря об иконических знаках, В.И. Карасик отмечает, что в ответ на шутки в сети Интернет коммуниканты используют иконические знаки одобрения – смайлики и лайки [Карасик 2019: 54]. Г.В. Лукьянова пишет, что пользователю проще в качестве знака одобрения поставить записи лайк, чем вербализировать это одобрение [Лукьянова 2019: 183]. Действительно, лайк является моментальным средством выражения положительной оценки мнения автора поста

или комментария в треде. Имплицитность лайков заключается в том, что автор не вербализирует одобрение с помощью положительной эмоционально окрашенной лексики, а использует иконический символ, и реципиенту, особенно не имеющему большого опыта в сфере интернет-коммуникации, приходится прикладывать дополнительные усилия, чтобы интерпретировать символ.

Функционирование иронии как инструмента когерентности внутри поста мы уже описали выше. По мнению Г.В. Лукьяновой, ирония в комментариях является завуалированным оскорблением [Лукьянова 2019: 188]. Иронизирование комментаторов над позицией автора или над кем-то из виртуальных собеседников является средством имплицитного выражения отрицательной оценки автора или события, несогласия с выраженной позицией. Ирония в политическом блоге позволяет комментаторам выражать довольно едкие, оскорбительные мнения в завуалированной форме. С одной стороны, такой прием оставляет за читателем свободу интерпретации, так как автор не выражает оценочное суждение напрямую. С другой стороны, завуалированное оскорбление в виде иронии может показаться объекту иронии более обидным, чем эксплицитное.

Проиллюстрируем примером. Инициальная запись была сделана в официальном твиттер-аккаунте на тот момент еще кандидата на должность президента США Джо Байдена. В данном примере стрелочка указывает переход от инициального поста к комментарию под ним:

Home health workers do God's work, but aren't paid much. They have few benefits, and 40% are still on SNAP or Medicaid. It's unacceptable.

I'll give caregivers and early childhood educators a much-needed raise.

You have to at least include some spelling errors in your tweets. Otherwise, ppl might think you didn't actually write it yourself

[<https://twitter.com/JoeBiden/status/1285640937725542400>]

Ирония, заключенная в комментарии, является средством выражения оценки личности автора. Предложение делать орфографические ошибки в постах, чтобы люди думали, что политик пишет их самостоятельно, с одной стороны,

может быть оценкой общего уровня грамотности политика. С другой стороны, это может быть оценкой политика по признаку его возраста: автор может полагать, что политик слишком стар для самостоятельного грамотного выражения мыслей в интернет-пространстве. Так или иначе, здесь прослеживается отрицательная оценка Джо Байдена, завуалированный переход на его личность.

Языковая игра (ЯИ) определяется как «специфическая речевая деятельность, состоящая в таком использовании стилистических приёмов <...>, которое направлено на создание остроумных, преимущественно комических высказываний и оборотов речи» [Сковородников 2014: 787-788]. Особые средства ЯИ, присущие Интернет-коммуникации, были описаны Е.Ю. Викторовой [Викторова 2018]. Согласно мнению Е.Ю. Викторовой, «гибридный устно-письменный характер интернет-коммуникации способствует использованию многих приемов ЯИ. Так, с письменной формой связано стремление к эстетизации коммуникации, игра с формой, использование для ЯИ графических, шрифтовых возможностей интернет-сервисов. Разговорная лексика и синтаксис, использование сленга, нестандартной пунктуации, повышенная экспрессивность отражают устную сторону интернет-коммуникации» [Викторова 2018: 296]. В своем анализе Е.Ю. Викторова к приемам ЯИ в Интернет-коммуникации относит графические и шрифтовые особенности компьютерного письма, разбивку слова на слоги дефисом, эрративы (слова с нарочитым нарушением языковых норм), нестандартное написание слова, обыгрывающее его значение, голофразис (ликвидация пробелов между словами), иноязычные лексические элементы и иноязычные особенности словообразования, литуратив (зачеркивание части текста) [Викторова 2018: 296-300].

В комментариях политических блогов авторы используют разнообразные приемы языковой игры: шрифтовые (капитализацию), нетривиальное словообразование и эрративы, неблагозвучное изменение имен собственных. Данные приемы являются оценочными. Они имплицитно выражают отрицательные оценки политических лиц, несогласие с позицией оппонента.

Также эти приемы призваны сделать высказывание более остроумным, привлечь к нему внимание остальных читателей.

Приведем пример. Пример мы берем из треда комментариев к посту, осуждающему внешнюю политику США. Один комментарий от другого мы отделяем стрелочкой:

*Плохое только в том, что у **хихимона** всё ещё остаётся "красная кнопка". И мне не хотелось бы, чтобы какой-нибудь Камачо её таки нажал. Отобрать бы силами совестливого мирового сообщества ядрён-батоны у **БЛМии** — и пусть себе там полную "Идиократию" устраивают, вообще пофиг.*

*у **Бидоныча** забрали красную кнопку, а военные там все еще не идиоты, могут и не выполнить приказ*

[https://peremogi.livejournal.com/56576934.html?utm_source=recent]

Субъективная эмоционально-оценочная тональность комментариев реализуется нетривиальным словообразованием и намеренным изменением написания слов, номинирующих государственные признаки США. Так, президент страны обозначается нарицательным существительным «хихимон», что является эрративом существительного «гегемон». Таким образом, автор комментария, хотя и признает, что руководитель США обладает влиянием в своей стране и в мире, но при этом не придает этому влиянию существенного значения, иронизирует над ролью президента США в политическом мире. Кроме того, автор второго комментария транслитерирует имя президента США, в ироничной форме обыгрывает эту транслитерацию, уподобляя ее звучание русскому существительному «бидон», что также является средством имплицитного выражения негативной, оскорбительной оценки президента США. Отметим также, что первый комментатор намеренно отказывается называть США этим названием, а вместо этого называет страну по имени движения за права афроамериканского населения — «БЛМия». Такой прием имплицитно

идентифицирует авторское неодобрение и по отношению к движению, и по отношению к стране, в которой оно возникло.

Визуальные метафоры в комментариях политического блога дополняют смысл вербальной части комментария, усиливают эмоциональность. Используя визуальные компоненты в комментариях, пользователь имплицитно выражает отрицательные оценки политическим деятелям, их действиям, политическим и общественным событиям. Визуальные метафоры являются более выразительным средством выражения оценки, чем вербальные средства, так как визуальные компоненты легче привлекают внимание. Кроме того, в визуальных метафорах мы видим средство реализации остроумия, инструмент развлечения читателей.

Рассмотрим пример. В нем инициальный пост принадлежит бывшему премьер-министру России Д.А. Медведеву. Пост отделен от комментария стрелочкой:

С Днём России! #ЭтомояРоссия

Рис. 4. Пейзаж.

Рис. 5. Закат.

Рис. 6. Пейзаж.

С праздником!

Рис. 7. Разрушенный дом

Рис. 8. Разрушенные дома.
[<https://twitter.com/MedvedevRussia/status/1271362231121391616>]

Отмечаем, что автор инициального поста использовал в записи с поздравлением с государственным праздником визуальные элементы, красивые фотографии пейзажей России. Комментарий под этим постом также содержит поздравление, однако прикрепленные к нему фотографии демонстрируют совершенно иные пейзажи, которые с эстетической точки зрения не сочетаются с

праздничным поздравлением. Визуальные компоненты комментария, с одной стороны, контрастирует с визуальными компонентами инициального поста, выражая несогласие автора с восторженным настроением политика. С другой стороны, в самом комментарии содержится ирония, направленная на осуждение провластного патриотизма. Мы не считаем, что комментатор намеревался поздравить читателей с праздником. Он намеревался с помощью визуальных компонентов привлечь внимание к социальным проблемам, которые не оставляют места для праздничного настроения. Обратим также внимание на то, что на одном из изображений на заброшенном строении размещен баннер партии, членом которой является политик. В этом мы также видим негативную оценку его деятельности.

Итак, комментарии в жанре политического блога представляют собой некий дискуссионный клуб, в котором пользователи свободны высказывать собственные соображения относительно написанного в посте, относительно позиций других комментаторов. Для комментариев характерна эмоциональность, проявление остроумия, что приближает жанр комментариев к устной диалогической коммуникации.

Выводы по Главе 2

Политический блог является специфическим коммуникативным пространством, в котором коммуниканты преследуют собственные цели. Одним из основных механизмов достижения этих целей является формальное обезличивание, деперсонализация высказывания. Одна из коммуникативных целей, на решение которой направлена деперсонализация высказывания, является интеграция автора с его потенциальными адресатами, то есть с теми, кому гипотетически автор пишет свои посты. Объединение лояльной аудитории, конструирование единого аксиологического и идеологического поля для автора и его адресатов представляется важным процессом. Так авторы создают то, что называют эхо-комнатой, в которой все участники стоят на схожих позициях и не вступают в идеологические конфликты. Однако демократизация интернет-

общения приводит к тому, что в комментариях под записями появляются пользователи вне эхо-комнаты автора. Их не всегда комплиментарные оценки, выраженные в имплицитной форме, направлены как на автора, его позицию, мнения, так и на других комментаторов.

Деперсонализация высказывания языковыми средствами имплицитности также помогает авторам избежать прямой ассоциации пропозиций высказывания с их личностью. Это обусловлено особенностями политически ориентированной коммуникации, противоречивостью и остротой затрагиваемых тем. Дистанцирование от пропозиций высказывания является способом избежать негативных последствий в виде конфликта в комментариях и юридической ответственности.

Языковые средства представления имплицитности также являются способом выражения оценок политических лиц или общественно-политических событий. В этом свете политический блог представляется оценочным жанром. Через призму оценок возможно проследить политическую позицию, идеологические убеждения и аксиологические установки автора.

Кроме этого, блог является неинституциональным средством ведения политической борьбы среди системных политических лиц. Политическая борьба направлена на идеологическое устранение оппонента в период проведения предвыборных кампаний, а также на улучшение общественного имиджа политика. Этим целям служит деперсонализация высказывания языковыми средствами имплицитности, а также тематическое единство постов внутри блога политика.

ГЛАВА 3. ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИМПЛИЦИТНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ БЛОГЕ

3.1. Идеологическая ориентация блогерской платформы как источник имплицитной информации

Контекст является важным источником имплицитности в блогах. Помимо лингвистического контекста прагматический контекст также выступает источником имплицитности в политических блогах. В жанре политического блога релевантным фактором для реализации имплицитности мы видим тип блогерской платформы, на которой размещается запись. Т.В. Дубровская отмечает: «<...> применительно к интернет-коммуникации ситуативный контекст охватывает помимо прочего идеологическую (в широком смысле) направленность платформ, на которых размещены публикации. Фоновые знания о политической и идеологической ориентации владельцев сайтов и ключевых фигур, задействованных в их создании, определяют ожидания и установки читателей и участников дискуссий в восприятии размещенных текстов, в том числе и заложенных в них имплицитных оценок» [Дубровская 2020: 26]. Знания об идеологической ориентации блогерских платформ позволяют реципиенту верно интерпретировать имплицитное сообщение автора о его политических убеждениях. Мы считаем, что тип платформы, выбранный автором для ведения блога, сообщает в имплицитной форме о политических убеждениях автора.

Предлагая алгоритм анализа текстов на предмет выявления и описания авторских систем ценностей, Е.Г. Борисова отмечает важность учета типа дискурса. Исследовательница пишет, что «в первую очередь следует обратить внимание на тип дискурса, т.к. это уже задает определенные взгляды» [Борисова 2020: 57]. Несмотря на различие понятий «дискурс» и «блогерская платформа», мы считаем важным при анализе системы ценностей и политических убеждений автора обращать внимание на то, на какой платформе он размещает посты. Эта

информация играет значительную роль в понимании идеологических установок еще до знакомства непосредственно с текстами заметок.

Идеологически ориентированные блогговые платформы размещаются внутри сайтов телеканалов, радиостанций, печатных изданий. Ориентация блогов всегда совпадает с идеологической ориентацией самого средства массовой информации. Кроме того, отдельные сайты, например, [reddit.com](https://www.reddit.com), предоставляют пользователям возможность самостоятельно создавать треды той или иной тематической направленности. Виртуальная обстановка, где с большой долей вероятности собрались единомышленники, побуждает авторов выносить на обсуждение свои мысли. Так, авторы консервативных взглядов размещают посты в консервативных тредах (они имеют соответствующую пометку), а также на площадках консервативных СМИ, например, на сайте российского телеканала «Царьград-ТВ». Авторы, настроенные оппозиционно, выбирают сайты либеральных или оппозиционных СМИ, например, издания «Сноб» или телеканала «Дождь» (признан Минюстом РФ иностранным агентом). Фоновая информация о политической ориентации этих медиаструктур, а также о людях, которые размещают там свои записи, является важной для понимания политических предпочтений этих людей.

Если читатель обладает фоновой информацией о политической позиции того или иного СМИ, он может ожидать увидеть на их сайте блоги авторов с аналогичной позицией. Если читателю близка данная позиция, он может ознакомиться с содержанием блогов, попав в общество «своих». Таким образом, идеологическая ориентация платформы имплицитно сообщает об идеологической ориентации публикующихся там авторов. Это помогает и самим авторам, и читателям находить единомышленников среди большого разнообразия блогов без необходимости отсеивать большое количество лишней информации.

Приведем пример. Следующая запись была размещена в либертарианском треде на платформе [reddit.com](https://www.reddit.com). Размещение записи о необходимости уважать решения частного бизнеса именно в либертарианском треде имплицитно подразумевает принадлежность автора к либертарианской идеологии. Широкий контекст заметки

подтверждает это предположение, так как автор эксплицитно транслирует ценности либертарианства: уважение частной собственности, признание важности частных инициатив.

Private Companies Enacting Mandatory Mask Policies is a Good Thing

Whether you're for or against masks as a response to COVID, I hope everyone on this sub recognizes the importance of businesses being able to make this decision. <...>

As a friendly reminder, none of us have any "right" to enter any business, we do so on mutual agreement with the owners. If the owners decide that the customers need to wear masks in order to enter the business, that is their right to do.

<...>

[https://www.reddit.com/r/Libertarian/comments/hs16rc/private_companies_enacting_mandatory_mask/]

Еще один пример. Телеканал «Дождь» (иностраннй агент) известен широким освещением и медийной поддержкой протестного движения в России. Это позволяет нам предположить, что блогеры, размещающие свои записи на сайте «Дождя» будут транслировать оппозиционные политические взгляды. Одно только присутствие блогера на этом сайте имплицитно транслирует его политические и идеологические убеждения. Для подтверждения этого обратимся к записям блога на сайте «Дождя»:

Всплеск негатива в наш адрес является следствием политического заказа. О том же говорят и появление хэштегов «желтыйдождь» и «коричневыйдождь» в топах твиттера, и пикетчики из Молодой Гвардии у нашей редакции, и многочисленные комментарии от депутатов от Единой России. Все это - кампания, цель которой – очернить нас, подорвать нашу репутацию и доверие зрителей к нам. Это уже не первая подобная кампания – месяц назад все те же недоброжелатели пытались обвинить нас в симпатиях к Доку Умарову - столь же бесосновательно и безуспешно.

[https://tvrain.ru/blog/blog_mihaila_zygarja/pismo_nashim_zriteljam-403/]

Размещение записей на сайте консервативного телеканала «Царьград ТВ» имплицитно автором как настроенного консервативно, отрицающего либеральные ценности, а также, скорее всего, поддерживающего действующую в России власть. Приведем пример:

*Как было раньше? Просветителем, по идее, мог назваться кто угодно. Приехать в какой-нибудь условный Урюпинск с лекцией в духе "Демократические ценности в современном обществе", собрать местную молодёжную аудиторию – и рассказывать, как плохо в России живётся без демократии. Ну а где демократия – там, как водится, и всё остальное: права извращенцев, сексуальное воспитание, чайлдфри, свобода аборт... И ездили подобные гастролёры по стране в товарных количествах, ну а оплачивали эти командировки всевозможные фонды "За всё хорошее против всего плохого". Надо ли говорить о том, откуда эти фонды брали деньги? <...> Просвещением, как вы понимаете, здесь и не пахнет, а вот **вражеской пропагандой просто смердит**. Но формально такая деятельность не подпадала ни под один запрет. А теперь подпадает – после того как в апреле 2021 года президент подписал закон, вносящий поправки о просветительской деятельности в ФЗ "Об образовании в Российской Федерации".*

*Уже на этапе обсуждения этот закон столкнулся с нешуточным сопротивлением. Хотя он – всего-то! – дал чёткое определение, что можно считать просветительской деятельностью, а что нет. И установил, что **пропаганда чуждых нам ценностей и лжи о нашей стране под видом просвещения недопустима**.*

[https://tsargrad.tv/experts/kak-chert-ot-ladana-pochemu-liberalov-korezhit-ot-novyh-pravil-vedeniya-prosvetitelskoj-deyatelnosti_349001]

Автор выражает одобрение государственных инициатив, в частности, принятия закона о просветительской деятельности. При этом автор выступает с

критикой тех, кто принятие закона не поддержал, подчеркивая, что такие люди выступают за демократические и либеральные ценности, чуждые автору.

Таким образом, идеологическая ориентация блогговой платформы является инструментом актуализации имплицитного сообщения о политической и идеологической позиции авторов блогов.

Что касается связи идеологической ориентации платформы и комментаторов записей на этой платформе, то здесь мы не наблюдаем такой гомогенности, как в случае с авторами. Комментаторы могут как разделять позицию автора (быть либералами, оппозиционерами или консерваторами), так и выступать против. Причину этого мы видим в особенностях жанра блога как дигитального жанра: для того, чтобы оставить комментарий под записью, не обязательно быть подписчиком блогера, не обязательно регулярно посещать платформу и читать публикуемые записи. Заинтересовавшая комментатора запись может встретиться ему в поисковой выдаче по определенному запросу, и совершенно необязательно, что комментатор будет согласен с посылом случайно встретившейся ему заметки.

3.2. Роль фоновых знаний в реализации имплицитности

Фоновое знание, согласно определению О.С. Ахмановой, представляет собой «обоюдное знание реалий говорящим и слушающим, являющееся основой языкового общения» [Ахманова 1966: 489]. В контексте политического блога это знания об исторических процессах, событиях общественной и политической жизни в стране и мире, знания о политических персонах настоящего и прошлого. Именно эти знания способствуют правильной инференции имплицитного смысла блогговой записи.

Основным инструментом импликации фоновых знаний являются аллюзии. Наличие одинаковых фоновых знаний у автора и адресата позволяет адресату успешно инферировать смысл аллюзии, а автору – достичь коммуникативного успеха. Роль аллюзии в импликации смыслов рассматривала И. В. Арнольд: «Аллюзией называется стилистический прием употребления какого-нибудь имени

или названия, намекающего на известный литературный или историко-культурный факт» [Арнольд 1982: 89]. Дж. Каддон говорит об аллюзии как об имплицитной отсылке к событию, человеку или произведению искусства [Cuddon 2013: 25].

Политический дискурс, по словам Т.В. Нестеровой, богат на разного рода аллюзии, отсылки на прецедентные феномены [Нестерова 2020: 116-117].

Мы считаем, что аллюзии не только имплицитно отсылают к прецедентному культурному или историческому феномену. Для того, чтобы аллюзия вызвала в сознании адресата нужный образ, необходимо, чтобы он обладал должным уровнем образования и широким кругозором, должен разделять идеологические убеждения автора, должен быть близок автору по возрасту. Следовательно, аллюзии направлены на имплицитное конструирование потенциального адресата блога, дискурсивного единомышленника автора.

В тексте политических блогов мы выделили несколько видов аллюзий: на события общественной жизни, на политические движения, на сюжеты и героев художественных произведений, на мифологические сюжеты.

Аллюзии на исторические или общественные события в текстах политических блогов позволяют авторам не называть события напрямую. Упоминание одного названия вместо детального описания событий обращается к образу, скрывающемуся за номинацией, к его ассоциациям.

Приведем пример. В высказывании аллюзия является способом избежать прямой номинации неприличного, неловкого события:

На рубеже тысячелетий начался переход американцев от прагматичной политики к эмоциональной. Первым звонком стало «синее платье» Моника, послужившее для Билла Клинтона последним аргументом для бомбардировок Югославии.

[https://peremogi.livejournal.com/56576934.html?utm_source=recent]

Для того, чтобы верно интерпретировать смысл аллюзии, реципиенту необходимо обладать фоновыми знаниями о том, кто такой Билл Клинтон, кто такая Моника, чем знаменито ее платье, а также то, какие отношения связывают

этих двух людей. Имея такой набор фоновых знаний, реципиент сможет понять, что последним аргументом в пользу атак на Югославию для президента США стал скандал, который чуть не стоил ему должности. Кроме того, аллюзия нацелена на определенную группу потенциальных адресатов, обладающих определенными возрастными параметрами. Для того, чтобы успешно считать аллюзию, потенциальный адресат должен принадлежать к возрастному поколению, в сознательном возрасте заставшему политику Билла Клинтона. Именно такой образ потенциального адресата имплицитно конструирует автор поста.

Кроме этого отметим, что аллюзии на исторические или общественные события позволяют автору выразить эмоционально-оценочное суждение относительно диктумного содержания высказывания. Пример:

*All I see is a lot of racist crowing on the internet and campaigners being told to go back where they came from. I've already had people telling me it won't be long before a new **Kristallnacht**, and people like me had better go back — where? I was born in London.*

[<https://www.newstatesman.com/politics/uk/2016/06/i-want-my-country-back>]

Имплицитный смысл, создаваемый аллюзией *Kristallnacht*, можно понять, лишь обладая фоновыми знаниями об этом историческом событии. Понятие «Хрустальная ночь» относится к серии еврейских погромов в нацистской Германии 9—10 ноября 1938 г. Таким образом автором имплицитруется смысл о нарастающей в британском обществе нетерпимости к людям иной национальности и вероисповедания, которая может привести к таким же трагическим событиям, как «Хрустальная ночь». Потенциальный адресат должен быть достаточно образован, чтобы понять значение аллюзии. Мы видим, что автор имплицитно конструирует потенциального адресата, обладающего значительным кругозором.

Аллюзии на политические движения также позволяют автору имплицитно дать оценку политическим лицам, событиям или общественному движению. Отметим, что потенциальный адресат аллюзии должен обладать

достаточными познаниями о многообразии политических и общественных движений, об идеологии, которую они продвигают, об отношениях между различными движениями, о влиянии, которое эти движения оказывают на общественную жизнь.

Например:

Настоящие зеленые — они как арбузы, зеленые снаружи — и красные внутри.

[https://blau-kraehe.livejournal.com/792096.html?media&utm_source=recommended]

Данное высказывание является комментарием к посту о кандидате на пост канцлера Германии Анналене Бербок, которая представляет партию «Зеленые». В связи с этим смысл прилагательного «зеленые» в комментарии достаточно легко восстанавливается с опорой на контекст: зеленые – это политическое движение. Следовательно, мы предполагаем, что другое прилагательное со значением цвета в этом же контексте также имеет отношение к политическому движению. И в таком случае реципиенту необходимо иметь фоновые знания о разнообразных политических движениях и об отношениях между ними. Обладая такими знаниями, реципиент сможет заключить, что красные в контексте политических движений – это представители левой идеологии коммунизма. Автор высказывания считает представителей движения зеленых и коммунистов частями одного целого. Зеленые скрывают за заботой о природе иные цели, и это вызывает неприятие у автора комментария.

Другой пример:

*Now, I feel extremely uncomfortable around Black people because I feel like I'll say or do something wrong. It's like interacting with girls after **the MeToo movement**, but somewhat worse. Not a great feeling.*

[https://www.reddit.com/r/centrist/comments/hs37hj/how_do_you_feel_about_us_politics_and_the_media/]

Для инференции смысла высказывания реципиенту необходимо обладать фоновыми знаниями о движении MeToo, а также о влиянии, которое оказало это движение на жизнь в американском обществе. Движение MeToo оформилось в

США как реакция на домогательства к женщинам. В рамках этого движения под одноименным хэштегом в соцсетях женщины делились своими историями, и это привело общество к предположению, что часть обвинений в домогательствах была сфальсифицирована. Таким образом, высказывание автора в имплицитной форме содержит опасение быть ложно обвиненным в совершении сексуального преступления во время общения с девушками, что, разумеется, не является положительным опытом. Более того, опасения получить ложные обвинения от девушек автор сравнивает с опасениями получить ложные обвинения в расизме.

Аллюзии на героев и сюжеты художественных произведений добавляют высказыванию образности, побуждая реципиента подключать для дешифровки фоновые знания. Для того, чтобы считать аллюзию, адресат должен быть хорошо знаком с сюжетами и героями прецедентных художественных произведений. Благодаря взаимодействию сюжета произведения и широкого контекста высказывания, авторы имплицитно заявляют о своем эмоциональном отношении к диктумной части высказывания или к партнерам по коммуникации.

Следующий пример является комментарием к посту, в котором автор предлагает читателям назвать политическое лицо, которое справится с обязанностями президента России лучше, чем действующий президент В.В. Путин:

А зачем вам кто-либо над вашей головой, чтобы вами командовал?

Странно как-то выходит - не поймешь кто в доме хозяин?!

*Или вы как **Остан Бендер** ставите **зиц-председателя Фунтика**??))))*

[https://vlad-dolohov.livejournal.com/3010356.html?utm_source=popular]

Реципиенту в первую очередь необходимо быть знакомым с сюжетом произведения И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок». По сюжету романа зиц-председатель Фунт за вознаграждение участвовал в мошеннических схемах в роли председателя фирм-однодневок, вместо реальных мошенников попадал под суд и отбывал наказание в тюрьме. Зная это, можно усмотреть в высказывании автора комментария пренебрежительное отношение к должности президента в принципе,

а также к автору инициального поста, которого комментатор сравнивает с вымышленным персонажем Остапом Бендером – мошенником и авантюристом.

Приведем еще один пример:

В общем, все как в сказке про избушку ледяную и лубяную. И народ, как тот заяц, сидит да плачет, прося увеличить зарплату, вернуть льготы, улучшить медицинское обслуживание, снизить коммунальные платежи, повысить пособие на детей, уменьшить оплату дошкольных учреждений, не выселять из общежитий, выплатить полагающиеся пособия, повысить пенсии, ограничить произвол милиции, а «принимающие ответственные решения» сидят себе в кабинетах да посмеиваются.

[<https://klarku701-blog.tumblr.com/post/57856088878/революционная-профессура-и-просящий-народ>]

Автор частично эксплицитно объясняет смысл аллюзии к сказке, сравнивая народ с пострадавшим по сюжету сказки зайцем, однако полной картины это всё равно не дает, так как без фоновых знаний не ясно, как и от чего пострадал заяц. Реципиент вынужден прикладывать дополнительные мыслительные усилия для дешифровки имплицитного смысла. По сюжету сказки лиса, у которой была ледяная избушка, после потери избушки выжила зайца из его лубяной избы, после чего заяц в отчаянии просил помощи у других сказочных персонажей. Согласно контексту высказывания, народ России сравнивается с обездоленным зайцем, а «принимающие ответственные решения», все, кто уполномочен принимать политические решения – с лисой. В таком сравнении просматриваются авторские идеологические убеждения и негативное отношение автора к социально-экономической обстановке в стране.

Со смысловой точки зрения к этому типу аллюзий близки **аллюзии на мифологические сюжеты**. Мифологические образы добавляют смысловую многослойность высказыванию, и от реципиента требуется актуализация фоновых знаний для инференции смысла. Для этого потенциальному адресату нужно обладать начитанностью, образованностью, иметь представление о

мифологических героях и сюжеты известных мифов. В случаях употребления таких аллюзий наблюдается оценочность высказывания.

Приведенный ниже пример взят из комментариев с обсуждением позиции британских политиков относительно брексита (стрелочкой обозначен переход от одного комментария к другому):

Gove is not a leaver

*You're correct. His middle name should be **Janus**.*

[https://order-order.com/2019/05/29/leavers-lead-tory-members/#disqus_thread]

В обсуждениях инициального поста о рейтинге британских политиков речь идет об одном из них – консервативном политике Майкле Гоуве. На реплику одного из комментаторов «Гоув не сторонник брексита» другой комментатор отвечает, что вторым именем политика должно быть Янус. Обращение к фоновым знаниям об античной мифологии позволяет выяснить, что Янус представлял из себя божество с двумя лицами. Таким образом, автор комментария имплицитно сообщает о двуличности политика.

Другой пример также приведем из комментариев:

*Мои правила игры просты: кто хочет на **Олимпе**, тот обязан доказать, что не зарился на чужое.*

Остальные — катятся в ад, в абсолютном бесправиш!

[https://vlad-dolohov.livejournal.com/3010356.html?utm_source=popular]

Комментарий взят из обсуждения поста о кандидатурах на пост президента России, который мы упоминали выше. В случае если реципиент обладает фоновыми знаниями об античной мифологии, он понимает, что Олимп – это священная гора, на которой жили греческие боги во главе с Зевсом. Связь этого высказывания с контекстом инициального поста позволяет утверждать, что под Олимпом автор комментария имеет ввиду наивысший пост в иерархии государственного управления. Более того, ассоциирование этого поста с местом обитания божеств имплицитно сообщает о том, что автор с почтением относится к должности президента страны. Это подтверждает и весь контекст комментария,

поскольку автор напрямую утверждает, что занимать этот пост должен только самый достойный.

Таким образом, фоновые знания автора и реципиента позволяют реализовать импликационный потенциал аллюзий. Однако аллюзии зачастую не функционируют по отдельности, а вплетаются в общий контекст высказывания. В таком случае когнитивные усилия, прилагаемые реципиентом для инференции имплицитного сообщения, увеличиваются, так как он него требуется не только актуализировать свои фоновые знания, но и определить, каким образом эта информация функционирует в контексте блогговой заметки. Отметим, что аллюзии являются также средством реализации авторской интенции оценки политического деятеля или общественно-политического события.

Все обнаруженные нами примеры аллюзий мы систематизировали в Таблице 5:

Таблица 5. Классификация аллюзий в зависимости от типа прецедентного явления

№ п/п	Тип аллюзии	Примеры
1	на исторические и общественные события	<i>«синее платье» Моника, Цусима, практики «отряда 731» и доктора Менгеле, Брестский мир, Постдам, the «boogaloo», Kristallnacht</i>
2	на политические движения	<i>«зеленые» - «красные», MeToo</i>
3	на сюжеты и героев художественных произведений	<i>Остан Бендер, зипредседатель, салтыковские генералы, сказка про избушку ледяную и лубяную, Табаки переметнутся от Шерхана, Cersei, a Targaryen princess, Jon Snow</i>
4	на мифологические сюжеты	<i>Олимп, Janus</i>

3.3. Реализация имплицитной информации об авторе

Начиная разговор об авторах политических блогов, стоит упомянуть, что они существенно различаются между собой и не обладают схожими чертами. Именно с классификации авторов блогов мы начнем наш анализ.

Классификацию авторов политических блогов представила М.О. Кочеткова [Кочеткова 2016]. В соответствии с ее типологией, авторы политических блогов могут быть профессиональными и непрофессиональными политиками. Непрофессиональный политик выступает как внешний эксперт, чья цель состоит либо в достижении популярности через освещение актуальных политических проблем, либо в организации политической оппозиции. Профессиональный же политик может выступать в двух ипостасях: близкий к избирателю, «свой» человек или институциональное лицо, продвигающее свою политическую позицию [Кочеткова 2016: 18-22].

Мы дополнили и уточнили данную классификацию, выделив четыре основных группы авторов, ведущих политические блоги:

1. К первой группе мы относим официальных политических деятелей: президентов, премьер-министров, правительственных чиновников и так далее.

2. Вторая группа политических блогеров включает в себя несистемных политиков, т.е. таких политиков, которые стремятся принимать участие в политической деятельности (например, участвуют в выборах в качестве кандидатов), но всё еще не допущенных в ряды официальной власти.

3. Третья группа политических блогеров состоит из политологов, политтехнологов, журналистов, которые не стремятся получить ранг официальных политических деятелей, но при этом могут дать взвешенный профессиональный комментарий относительно происходящих политических или общественных событий.

4. К четвертой группе политических блогеров мы относим обывателей. Сфера деятельности этих пользователей никак не связана с функционированием политических организаций и институтов.

Ценностные установки и субъективные оценки, имплицитно транслируемые каждым типом авторов, могут помогать авторам преследовать их собственные цели. Например, для системных и несистемных политиков манифестация ценностей и выражение оценочных суждений может служить средством политической борьбы или улучшения имиджа, а также объединения

потенциального электората, лояльной аудитории. Для обывателей выражение субъективных оценок представляется способом выпустить негативные эмоции и снять напряжение.

3.3.1. Манифестация принадлежности к социальной группе: лексические, стилистические, графические средства

Авторы блогов используют разнообразные средства языка и возможности электронной коммуникации для того, чтобы имплицитно обозначить свою групповую идентичность. На лексическом уровне мы выделили инклюзивное «мы», местоименные прилагательные, среди стилистических средств мы выделили метонимию, а среди возможностей, предоставляемых спецификой цифровой коммуникации – эмодзи.

В рамках политического блога авторы наиболее часто в имплицитной форме заявляют о своей принадлежности к группам, объединенным по национальному признаку, по признаку гендерной идентичности, а также к группам, представляющим институциональные политические силы внутри той или иной страны. Рассмотрим эти группы по порядку.

О своей принадлежности к группе, объединенной признаком национальности, авторы блогов чаще всего заявляют с помощью использования лексических средств: инклюзивного «мы», местоименных притяжательных прилагательных, а также с помощью эмодзи.

Имплицитная идентификация собственной национальной идентичности лексическими средствами обусловлена конструированием потенциального адресата: человека, принадлежащего к той же национальной группе. Автор объединяет свой опыт, свои размышления, идеи под инклюзивными лексическими средствами, таким образом, не только манифестируя свою собственную национальную принадлежность, но и собирая вокруг своего блога аудиторию, разделяющую его мировоззрение.

Следующий пример взят из блоговой заметки, речь в которой идет об эмиграции оппозиционных политических лиц Беларуси на территорию Украины.

Автор пишет:

И такая методика отправки оппозиционных марионеток в Украину и страны Балтии, даёт свои плоды. Ведь, как известно, Александр Лукашенко уже поручил МИД донести официальную точку зрения на ситуацию в стране до руководителей Германии, Франции, Польши, Литвы и Украины, с угрозой ответственности за разжигание беспорядков в республике.

В свою очередь, мы продолжаем впускать на свою территорию потенциальных провокаторов.

[https://zloy-odessit.livejournal.com/3274018.html?utm_source=recent]

Инклюзивное «мы» имплицитно идентифицирует как самого автора, так и национальную группу, к которой он принадлежит – украинцы. Потенциальный адресат, входящий в эту же группу, точно также не одобряет въезд иностранных оппозиционеров, настроен критично по отношению к иностранному вмешательству в дела государства.

Следующий пример является выдержкой из заметки, в которой автор рассуждает о возрастных ограничениях для кандидата на должность президента США:

*The argument can be made that elderly people know **our** history and what mistakes we should not repeat, but time and time again history shows **our** inability to learn from history.*

[https://www.reddit.com/r/uspolitics/comments/icwak8/setting_an_age_cap_on_who_can_be_president/]

В данном примере для имплицитной манифестации своей национальной принадлежности к гражданам США автор использует и инклюзивное «we», и притяжательные местоименные прилагательные (possessive determiner). С помощью этих лексических средств автор конструирует и потенциального адресата. И автор, и адресат объединены одним историческим и культурным

контекстом страны, в которой они проживают. Кроме того, и автор, и адресат как граждане одной страны, совершают ошибки при выборе президента. Автор распространяет коллективную ответственность за ошибочность выбора на всех, кто принадлежит к той же национальной группе, что и он сам.

Графические средства, в частности эмодзи, как инструмент для имплицитной манифестации национальной принадлежности востребованы в политических блогах. Чаще всего мы встречаем их в имени блога, когда автор дополняет имя блога эмодзи. Эмодзи рассматриваются как часть группы мультимодальных средств, называемых графиками [Herring, Dainas 2017: 1]. С функциональной точки зрения, графика в целом и эмодзи в частности, как отмечают С. Херринг и Э. Дайнас, должны рассматриваться как невербальные, паравербальные или паралингвистические ключи к интерпретации текста [Herring, Dainas 2017: 4]. Как указывают Э. Дрезнер и С. Херринг, «основная функция смайлика и его собратьев состоит в передаче не эмоций, а, скорее, прагматического значения <...>» [Dresner, Herring 2012: 60]. По мнению Дж. Уолтера и К. Д'Аддарио, «<...> эмодзи в лучшем случае дополняет вербальное сообщение, но не противоречит ему и не усиливает его» [Walther, D'Addario 2001: 342]. Среди эмодзи, имплицитно манифестирующих принадлежность автора к национальной группе, востребованы эмодзи с изображением флага того или иного государства. Обладая информацией о том, какой стране принадлежит флаг, реципиент может инферировать национальную принадлежность автора. Примеры таких эмодзи мы систематизировали в Таблице 6.

Также эмодзи востребованы для имплицитной манифестации принадлежности к той или иной гендерной группе, отличной от гетеронормативности. Эмодзи в данном случае являются флагами, конвенционально используемыми для обозначения гендерных и сексуальных меньшинств. Авторы используют эти эмодзи как в имени блога, так и в описании блога. Востребованность такого способа имплицитной манифестации групповой принадлежности обусловлена неоднозначным отношением общественности к представителям меньшинств. Использование эмодзи вместо

эксплицитной вербализации своей сексуальной ориентации или гендерной принадлежности поможет автору не столкнуться с осуждением своей идентичности или минимизировать его масштабы. Примеры таких эмотиконов приведены в Таблице 6.

Для имплицитной манифестации своей принадлежности к институциональным политическим силам авторы используют лексические средства (инклюзивное «мы»), а также стилистический прием метонимии. Отметим, что характер группы определяет то, что этими приемами пользуются институционализированные политики.

Авторы используют инклюзивное «мы» для идентификации себя как части той политической силы, которую они представляют. Политик также имплицитно разделяет ответственность за сказанное, обещания, заявления между всеми членами этой группы, формируя коллективную ответственность.

Рассмотрим пример, взятый из блога бывшего премьер-министра России Д.А. Медведева:

*Мы должны думать о будущем трудового законодательства. В перспективе, возможно, и о переходе к четырехдневной рабочей неделе. Это не случится сразу. **Нужно учесть** все нюансы, нововведения должны сопровождаться ростом производительности труда и сохранением заработной платы.*

[<https://twitter.com/MedvedevRussia/status/1164895602066493441>]

Под инклюзивным «мы» политик имплицитно имеет в виду себя и органы власти, вместе с которыми он уполномочен реформировать трудовое законодательство. Так политик разделяет ответственность за принятие решения о переходе на сокращенную рабочую неделю с теми, кто в праве принимать подобные решения. Отметим еще употребление безличного предиката, который выражает модальную характеристику действий политических институтов. С формальной точки зрения конструкция бессубъектна, но имплицитно она отражает субъективную позицию политика о необходимости скрупулезного

подхода к реформам. Эту позицию автор также стремится разделить с членами правительства.

Проанализируем другое высказывание, которое принадлежит премьер-министру Великобритании Борису Джонсону:

This weekend, many of us will be seeing friends, going to the pub or going out to restaurants. As we open the economy back up, we must remember to follow social distancing guidelines. Keep yourself, your family and your community safe.

[<https://twitter.com/BorisJohnson/status/1284495140279787524>]

Отметим различное функционирование инклюзивного «we» в данном примере. Когда автор ведет речь о социальной жизни, развлечениях, а также о необходимости соблюдать противоэпидемиологические меры, инклюзивное «we» служит конструированию потенциального адресата. Приписывая адресату определенные характеристики, а также обязывая его соблюдать социальную дистанцию, автор имплицитно сообщает и о своих установках и мировоззрении. Автор идентифицирует себя как обычного человека, который встречается с друзьями и ходит в общественные заведения отдыхать. Но вместе с этим автор вместе с гражданами понимает необходимость и важность соблюдения эпидемиологических правил. Когда автор использует инклюзивное «we» в контексте восстановления экономики, он имплицитно идентифицирует себя как часть политических сил, ответственных за поддержание экономики государства. Кроме того, таким способом автор возлагает ответственность за экономическую стабильность на всех политических деятелей с соответствующими для этого полномочиями.

Другим востребованным средством имплицитной манифестации принадлежности к институциональным политическим силам является метонимия. Метонимия представляет собой литературный прием, который понимается следующим образом: «Метонимия – это фигура речи, в которой наименование признака или объекта заменяются на сам объект» [Cuddon 2013: 434]. Б. Нерлих говорит о метонимии как о прагматической стратегии: «Можно утверждать, что метонимия – это прагматическая стратегия, применяемая говорящим для того,

чтобы сообщить реципиенту нечто новое о чем-то хорошо известном <...> метонимия – это стратегия, к которой прибегают для того, чтобы извлечь больше информации из меньшего количества слов» [Nerlich 2005: 111]. В тестах политических блогов метонимия представлена наименованиями государств, органов власти либо профессиональных сообществ. Политическое лицо не только имплицитно сообщает о сфере деятельности (финансовой, административной, силовой), но и разделяет ответственность за сказанное со всеми членами той или иной политической силы.

Приведем пример из блога бывшего председателя Счетной палаты России А.Л. Кудрина:

Счетная палата проанализировала состояние минерально-сырьевой базы России. Хотя разведанных запасов на десятилетия вперед, нужно не только продолжать разведку, но и выстраивать стратегию по использованию недр.

[https://twitter.com/Aleksei_Kudrin/status/1265878224585850880]

Метонимия «счетная палата» имплицитно идентифицирует автора как ее члена. Кроме того, действия, выполненные Счетной палатой, и ответственность за результаты деятельности приписываются всем ее сотрудникам.

Следующий пример мы взяли из блога бывшего президента США Дональда Трампа:

The United States of America will be designating ANTIFA as a Terrorist Organization.

[<https://twitter.com/realDonaldTrump/status/1267129644228247552>]

Метонимия имплицитно идентифицирует автора как государственного деятеля, имеющего контроль над органами, которые уполномочены объявлять общественные организации террористическими. Дополнительно отметим, что автор разделяет свою ответственность за это решение и с соответствующими органами, и даже с целой нацией.

Таблица 6 представляет обозначенные в данном разделе результаты:

Таблица 6. Средства имплицитной манифестации групповой принадлежности

№ п/п	Социальная группа	Средства имплицитной манифестации принадлежности к социальной группе
1	национальная группа	<p><i>инклюзивное «мы» / «we», местоименные притяжательные прилагательные (possessive determiners), эмотиконы:</i></p>
2	гендерная группа	<p><i>эмотиконы:</i></p>
3	институциональные политические силы	<p><i>инклюзивное «мы» / «we», метонимия:</i></p> <p><i>Россия (имеет интересы <...> готова к сотрудничеству), Россия (взяла на себя обязательства), Москва (готовится), Счетная палата (проанализировала), The United States of America (will be designating), Politifact (tracks)</i></p>

3.3.2. Имплицитная актуализация оценочного отношения через идиомы и иронию

Толкование понятия оценки дала Е.М. Вольф [Вольф: 2002]. Согласно ее точке зрения, «оценку можно рассматривать как один из видов модальностей, которые накладываются на дескриптивное содержание высказывания» [Вольф 2002: 11]. Как отмечает исследовательница, ключ к пониманию модальности оценки лежит не в отдельных языковых элементах высказывания, а в высказывании в целом [Вольф 2002: 11]. Е.М. Вольф также утверждает, что оценка в основном связана с признаком «хорошо/плохо» [Вольф 2002: 12]. Имплицитные элементы оценки, как пишет Е.М. Вольф, включают в себя шкалу оценок, оценочный стереотип и аспект оценки [Вольф 2002: 47-66]. Из всех имплицитных элементов оценки оценочный стереотип является наиболее важным для понимания и интерпретации оценок в политических блогах. По мнению Е.М.

Вольф, оценочный стереотип социально обусловлен: «<...> степень социальной обусловленности стереотипа бывает различной, т.е. охватывает большие или меньшие социальные группы» [Вольф 2002: 61]. Оценочный стереотип, сформированный в социальной группе, объединенной по национальному, политическому, идеологическому или любому другому признаку, влияющему на политическую картину мира членов этой группы, определяет, что эта группа будет считать плохим и хорошим, а также будет сказываться на интерпретации оценок.

Интенция выражения оценки не является целью блогеров. Мы считаем, что за выражением оценки скрываются более глубинные намерения. Об этом пишет Т.В. Дубровская [Дубровская 2014], анализируя коммуникативные намерения и мотивы в жанрах осуждения и обвинения. Она выделяет следующие мотивы, побуждающие участников речевых жанров выступать с обвинениями и осуждениями:

1. мотив, состоящий в желании изменить самочувствие адресата;
2. мотив, побуждающий адресата либо объект оценки прекратить или не совершать в будущем плохое действие, совершить желаемое действие с точки зрения автора высказывания;
3. мотив, состоящий в стремлении выяснить отношения, «выпустить пар», дать выход отрицательным эмоциям;
4. мотив, состоящий в желании предать гласности отрицательную оценку;
5. мотив, состоящий в информировании собеседника об отрицательной оценке объекта или ситуации;
6. мотив, состоящий в стремлении автора высказывания снять с себя ответственность за сложившуюся ситуацию, защититься от нападок [Дубровская 2014: 96-108].

Мы принимаем данную классификацию мотивов осуждений и обвинений за основу при классификации мотивов оценок в политических блогах. Анализ материала демонстрирует, что в имплицитной форме в блогах выражаются в основном субъективно-отрицательные оценки, сопряженные с обвинением и

осуждением. Основными мотивами имплицитного выражения оценки в политических блогах мы видим следующие:

- мотив, заключающийся в стремлении автора представить истинное лицо объекта оценки (политику, событию, виртуальному собеседнику) либо сообщить о нем нелицеприятное оценочное мнение;

- мотив, заключающийся в стремлении автора дать выход отрицательным эмоциям, спровоцированным действиями или высказываниями политического лица, рядового блогера либо общественно-политическим событием.

Объектами оценки в блогах становятся политические деятели, а также общественно-политические события. Наиболее востребованными языковыми средствами имплицитного выражения оценки являются идиомы, а также стилистический прием иронии. Рассмотрим особенности имплицитной оценки каждого из объектов по очереди.

Оценка политического деятеля совершается из мотива представить публике его истинное, по мнению автора высказывания, лицо. Стремление разоблачить политика основывается на потребности вербализировать эмоции, вызванные высказыванием или поступком политика. Отрицательные оценки зачастую даются в имплицитной форме, что обусловлено остротой, неоднозначностью поднимаемой темы, масштабами политической фигуры, являющейся объектом оценки: авторы отрицательных оценок стремятся сгладить углы, избежать эскалации конфликта с несогласными, а в случаях, когда оценка выражается иронией, избежать конфликтной ситуации удастся, придав высказыванию шуточный тон.

Для иллюстрации рассмотрим несколько примеров.

Меня смущает круглосуточная охрана памятнику Б.Ельцина в Екатеринбурге. От "любви" народа. Раньше дня не проходило, кто из жителей чем-нибудь да в "любви" признается. Вот и поставили охрану.

[<https://zen.yandex.ru/media/id/5e1f427c32335400ac8d6b03/propaganda-na-rossiiskom-tv-5e518bd5b38ee002b5fc3acd>]

В высказывании автор иронично транслирует негативное оценочное суждение о первом президенте России. Оценка эксплицитно приписывается жителям города, вредящим памятнику. Имплицитная оценка автора заключается в отказе от прямой номинации действий людей: вместо этого автор заключил слово «любовь» в кавычки.

Следующий пример взят из дискуссии под постом о личности бывшего президента США Барака Обамы:

The fact is simply this: Obama can't lead his way out of a paper bag.

[<https://grrm.livejournal.com/188615.html>]

Избегая прямой отрицательной оценки, автор прибегает к идиоматической характеристике политика. Значение выделенной идиомы толкуется как «туповатый, неумный, некомпетентный, неспособный на простые действия» [URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/way+out+of+a+paper+bag>]. За идиомой автор скрывает крайне негативное мнение о бывшем президенте, изобличает его умственные способности и некомпетентность в государственных делах.

Имплицитная оценка политического или общественного события имеет целью «выпустить пар», найти выход для переполняющих автора отрицательных эмоций. Выбор имплицитной формы выражения оценки обусловлен также стремлением избежать прямой конфронтации с теми, кто придерживается иной точки зрения, а иронический тон высказывания смягчает категоричность оценки. Приведем примеры:

#futureofbritain What is the best model for the UK economy post Brexit?

Prayer.

[<https://twitter.com/Beno197/status/829413443014909952>]

Здесь наблюдается нетипичное столкновение смыслов, выражаемых словосочетанием *model for economy* и словом *prayer*. Молитва (*prayer*) – это слова обращения к богу, и моделью экономики (*model for economy*) являться не может. Тем не менее, автор в высказывании устанавливает прямую связь между ними. Данным способом имплицитруется идея о настолько бедственном прогнозируемом состоянии экономики, что выходом из него послужит только обращение к богу.

Превосходная степень прилагательного *the best* усиливает иронический оттенок высказывания, имплицитно идею, что другого более благоприятного и оптимального выхода не будет.

Рассмотрим еще один пример:

Нынешняя нефтяная «виктория» кремлевской карлы из той же серии, когда сражение вдрызг проигрывается, но орденов обосравшимся генералам раздают, как будто они одержали великий триумф, устраивается самый пышный в истории парад и пир во время чумы.

[https://kungurov.livejournal.com/265115.html?utm_source=recent]

Фразеологизм, уходящий корнями в творчество А.С. Пушкина, приобрел значение «веселое препровождение времени в обстановке какого-нибудь общественного бедствия» [URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/пир+во+время+чумы>]. Таким образом, автор не просто выражает негативную оценку стратегического проигрыша российской стороны на рынке нефтепродуктов, а еще и обвиняет чиновников в праздности на фоне бедственного положения, в котором оказалась российская экономика.

3.3.3. Имплицитная реализация оценок посредством креолизованных текстов

Технические особенности Интернет-коммуникации в значительной степени отразились на используемых в процессе коммуникации средствах. Возможность включения в процесс общения не только текста, но и графических, видео- и аудиоматериалов сделало Интернет-коммуникацию поликодовой. Согласно Ю.В. Щуриной, «в связи с перераспределением в письменной речи функций вербальных и невербальных компонентов появляются семиотически осложненные тексты, организованные комбинацией естественного языка с элементами других знаковых систем. Для таких текстов используется метафорический термин “креолизованные тексты”» [Щурина 2010: 83]. Как указывает Е.А. Яковлева, «в круг научных интересов лингвистов в настоящее время все шире вовлекаются <...> креолизованные (смешанного вида) тексты, основанные на формальной

гетерогенности и смысловой гомогенности представленных в них семиотических языков: графических, иллюстративных, кинематографических, музыкальных, словесных и пр.» [Яковлева 2012: 143]. Схожим образом понимает креолизованный текст и Т.А. Ленкова: «Наше внимание сосредоточено на медиатексте как специальном типе текста, который под влиянием электронных медиа в последние 30-40 лет подвергся трансформации и стал креолизованным, то есть сочетающим вербальные и экстралингвистические средства выражения» [Lenkova 2019: 519].

Как отмечает Т.В. Нестерова, «поликодовые (креолизованные) тексты направлены на комплексное прагматическое воздействие на адресата» [Нестерова 2018а: 75]. Для декодирования имплицитных смыслов поликодовых текстов, по словам исследовательницы, необходимо учитывать параметры ситуации общения (мотивы коммуникации, социальные роли говорящих, демографические характеристики говорящих, их мировоззрение, систему ценностей и др.), координаты «свой-чужой», «вышестоящий-равный-нижестоящий», а также контекст [Нестерова 2018б: 215].

Особым типом креолизованных текстов, получившим широкое распространение в сети Интернет, стали Интернет-мемы. Пользователи активно включают их в процесс коммуникации. Ю.В. Щурина указывает, что «мемы представляют собой вербальные, невербальные и гибридные образования, которые объединяет два ключевых признака: воспроизводимость и высокая скорость циркуляции в Интернете» [Щурина 2014: 148].

Существует ряд основных типов Интернет-мемов: текстовые мемы, состоящие из слова или фразы, интернет-комиксы, мемы-изображения, медиамемы (комические видеосюжеты), креолизованные мемы, которые становятся частью таких жанров как эдвайс, демотиватор, прикол [Щурина 2014: 149-152].

Интернет-мемы, как полагает Н. Гал, содержат юмористическую составляющую: «Многие из этих текстов содержат центральное комическое положение либо из соображений развлечения, либо как средство трансляции

серьезного критического послания» [Gal 2018: 528-529]. Кроме того, все типы Интернет-мемов обладают определенным набором характеристик: вирусность, серийность, реплицируемость, эмоциональность, медийность [Канашина 2018: 75]. Кроме того, С.В. Канашина указывает на ряд семантических особенностей мемов:

- полимодальность (наличие двух каналов передачи информации). Неоднородный характер единиц, составляющих мем, способствует семиотической гибридизации. Это означает, что смысл конечного гибрида не равен сумме смыслов его составляющих. Вербальный и невербальный компонент гибрида конструируют метафору [Канашина 2018: 77];

- имплицитность, которая объясняется компрессией информации в Интернет-меме. Для декодирования смысла мема необходимы дополнительные когнитивные усилия адресата, а также привлечение экстралингвистических знаний [Канашина 2018: 77-78];

- прецедентность. С.В. Канашина утверждает, что «прецедентные феномены <...> становятся триггером механизма аллюзии, широко используемого в мемах. Прецедентность мемов можно рассматривать как базовую категорию, лежащую в основе семантики мемов» [Канашина 2018: 79]. Как отмечает исследовательница, мем может быть декодирован правильно только в том случае, если фоновые знания коммуникантов совпадают [Канашина 2018: 78].

Е.Н. Брызгалова и И.Е. Иванова в качестве характеристики мемов отмечают их интертекстуальность [Брызгалова, Иванова 2018: 136].

Из всех перечисленных семантических характеристик мемов наше внимание больше всего привлекает их имплицитность. Мы полагаем, что она объясняется не только компрессией информации, но также заложенными в основу мема пресуппозициями и отсылками на прецедентные феномены: события политической, культурной жизни, на личности известных людей и т.д. Полимодальный характер мемов, где одним из каналов транслирования смысла служит визуальное оформление, также способствует усилению импликационного потенциала мема.

Мы разделяем точку зрения С.В. Канашиной в том, что Интернет-мем является семиотически осложненным знаком: «Значение мемов детерминировано полимодальной формой и формируется при взаимодействии вербального и невербального компонентов» [Канашина 2018: 76]. Смысл мема, по мнению исследовательницы, можно дешифровать только под влиянием экстралингвистического контекста и экстралингвистических факторов. Кроме того, чем более сжатой оказывается текстовая единица, тем более имплицитной является информация и тем больше усилий требуется от адресата для декодирования смысла мема [Канашина 2018: 76].

Креолизованные тексты, как и идиомы и ирония, служат для выражения оценочных суждений о политических лицах и событиях общественно-политической жизни. Креолизованные тексты, будучи инструментом имплицитной оценки политических фигур и событий общественной жизни в политических блогах, способствуют смягчению тона повествования, избавлению от отрицательных эмоций в менее категоричной форме, развлечению аудитории. Кроме этого, юмористическая манера выражения оценки помогает избежать конфликтов или сделать их менее напряженными, интенсивными.

Проанализируем несколько примеров выражения оценки политических деятелей:

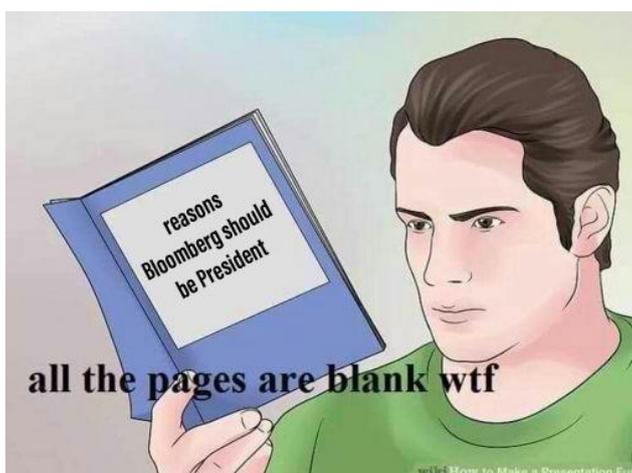

Рис. 9. Мем «Причины, по которым Блумберг должен быть президентом».

[<https://crystalfeather06.tumblr.com/post/610989508548247552/this-man-is-so-out-of-touch-with-reality-wtf>]

Изображение книги «Причины, по которым Блумберг должен быть президентом» сопровождается вербальным компонентом «Что за черт, все страницы пустые». Книга не приводит ни одной причины для президентства Майкла Блумберга. Имплицитный смысл данного мема заключается в том, что таких причин автор на самом деле не видит. Отсутствие причин для президенства политика обуславливает оценочный характер мема: автор не доверяет его компетенциям, не считает его кандидатом, достойным выступать в интересах граждан США.

Следующий пример взят из комментариев под записью, в которой речь идет об операциях на рынке сбыта нефти, в котором участвует Россия:

Рис. 10. Креолизованный текст, изображающий В.В. Путина и арабского шейха.

[<https://zen.yandex.ru/media/id/5bf2bc5eba9c9f00abaab853/putin-i-neft-5e8983cddb31c2679cbee944>]

Российский президент, легко узнающийся в персонаже на изображении, оказывается побежден арабским шейхом, представляющим интересы другого ключевого участника нефтяного рынка – Саудовской Аравии. Кроме того, известно, что В.В. Путин является мастером спорта в различных боевых искусствах. В контексте изображения персонажа с черным поясом побеждает персонаж без пояса вовсе, вне сферы боевых искусств. Прибегая к интертекстуальности в рамках креолизованного текста, автор комментария выражает имплицитную оценку российского президента. По мнению автора, он представляется слабым игроком на международной арене, в частности в вопросах экспорта нефти.

Теперь рассмотрим несколько примеров выражения оценки общественно-политических событий:

Итоги обращения президента

Рис. 11. Мем, изображающий конфликт на почве социальной поддержки граждан в период пандемии COVID-19.

[https://www.reddit.com/r/politota/comments/fu2ryp/итоги_обращения_президента/]

Отметим, что заголовок заметки помогает понять, о каком общественно-политическом событии идет речь. Приведенный мем имплицитно подразумевает конфликт позиций президента (мужчина слева, ему приписаны слова из обращения президента России в связи с пандемией коронавируса) и позиции граждан страны (мужчина справа). Поскольку автор поста – обыватель, мы считаем, что он ассоциирует себя с персонажем справа, выражающим недоумение о судьбе простых людей, в сложный период пандемии оказавшихся без государственной поддержки. Этот персонаж конфликтует с персонажем, обозначающим президента, что имплицитно подразумевает критику позиции власти, негативную оценку принимаемых ей решений.

Другой пример:

The Brexit Knight

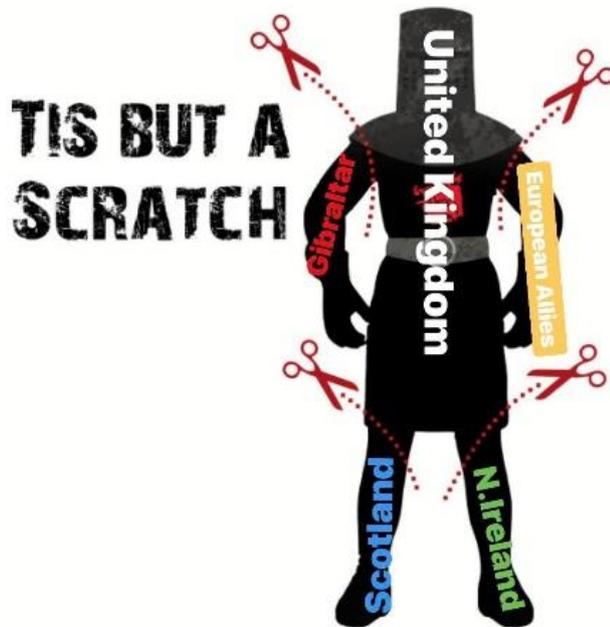

Рис. 12. Креолизованный текст с изображением рыцаря Брекзита.

[https://www.reddit.com/r/brexit/comments/c6kn2t/the_brexit_knight/ – дата обращения 30.06.2019]

Изображение рыцаря в доспехах и фраза *tis but a scratch* являются аллюзией на британский комедийный художественный фильм «Монти Пайтон и Священный Грааль». Персонаж черного рыцаря в сражении с королем Артуром теряет по очереди все свои конечности, но заявляет, что это всего лишь царапины (*tis but a scratch*). Изображенный рыцарь Brexit также теряет жизненно важные части своего тела в виде Гибралтара, европейских союзников, Шотландии и Северной Ирландии, однако надпись на изображении говорит, что это всего лишь царапины. Согласно изображению, государственные чиновники Великобритании придают потерям страны после брекзита слишком мало значения, хотя потерянные объекты являются необходимыми для полноценного функционирования государства. Автор креолизованного текста имплицитно выражает негативное оценочное суждение об уместности процедуры выхода

Великобритании из ЕС. Кроме того, благодаря этому мы идентифицируем автора как принадлежащего к числу сторонников интеграции страны с Европой.

3.3.4. ИмPLICITная реализация ценностных установок с помощью бессубъектных предикатов и вводных конструкций

О ценностях деятельности человека в Интернете Л.А. Закс пишет следующее: «Интернет <...> ценностно детерминирован и маркирован обществом, в котором работает, его потребностями и интересами, ценностными эталонами и нормами, а потому воплощает ценностную логику и феноменологию своего социокультурного мира <...> И в то же время Интернет обладает особой аксиологической логикой и феноменологией, особой содержательностью рождаемых самодовлеющей спецификой Интернета ценностей» [Закс 2016: 14-15]. Л.А. Закс выделяет две основные группы ценностей, которых придерживаются пользователи Интернета: **утилитарные** ценности и **неутилитарные**, или духовные, ценности. К утилитарным ценностям исследователь относит, например, деловые, экономические, социально-организационные, психоутилитарные. К неутилитарным относятся экзистенциальные ценности, такие как ценности общения, свободы, творчества, самоидентификации, самоутверждения. Кроме того, к неутилитарным ценностям относятся мировоззренческие, этические и эстетические ценности [Закс 2016: 16-23].

Аксиология различных групп пользователей Интернета (профессиональных сообществ и субкультур) была описана и проанализирована Н.С. Данковой и Т.В. Дубровской на примере профессиональных онлайн сообществ [Данкова, Дубровская 2019], а также на примере субкультуры байкеров [Данкова, Дубровская 2018] и молодежной криминальной субкультуры [Дубровская 2019]. В каждом случае авторами было доказано, что для представителей конкретного онлайн сообщества характерен определенный набор ценностей, транслируемый и разделяемый большинством членов группы.

Аксиологические авторские установки Т.В. Дубровская считает неотъемлемыми компонентами образа автора: «Указание на важные жизненные ценности в контексте личного или опосредованного нарратива лежит в основе самопрезентации автора. Его жизненный опыт категоризируется в аксиологических терминах» [Дубровская 2016: 135]. Создание автором общей с адресатом аксиологической системы, а также типизация жизненного опыта, по мнению Т.В. Дубровской, являются инструментами дискурсивного конструирования образа адресата [Дубровская 2016: 129-135].

Политические блоги являются средством актуализации ряда ценностей их авторов. Для обозначения этих ценностей мы будем опираться на терминологию Л.А. Закса. Блогеры транслируют и утилитарные, и неутилитарные ценности. Среди неутилитарных ценностей пользователи транслируют ценности свободы, самоидентификации, мировоззренческие и эстетические ценности. Среди утилитарных преобладают деловые ценности, когда пользователи, особенно известные медийные личности используют политический блог для продвижения своего интеллектуального продукта. Все перечисленные ценности, актуализируемые в политических блогах, приобретают свои собственные средства имплицитного выражения. Так, неутилитарные ценности имплицитно выражаются посредством средств синтаксиса (вводных конструкций, бесубъектных предикатов), а также графических средств (хэштегов) и визуальных элементов. Утилитарные ценности имплицитно транслируются посредством визуального оформления блога. Проанализируем всё по порядку.

Под неутилитарными ценностями мы понимаем ценности свободы, жизни, самоутверждения, самореализации, этические ценности, а также мировоззренческие ценности, обусловленные идеологическим влиянием (консервативные, либеральные, либертарные и т.д.). В блоге автор конструирует виртуальную копию своего «Я», транслирует во внешний мир свои установки и ценности. Имплицитная форма трансляции себя в виртуальное пространство способствует приданию своему опыту и взглядам универсального характера, характера широко распространенного мнения, что способствует объединению

сочувствующей аудитории вокруг автора и может привести ему новых единомышленников.

Говоря о языковых средствах имплицитной реализации ценностных установок автора, мы отмечаем вводные конструкции, направленные на оценку пропозитивного содержания предложения, и безличные предложения. Формальная бессубъектность данных синтаксических конструкций способствует универсализации точки зрения автора, экстраполяции своей системы ценностей на потенциально широкий круг людей.

Рассмотрим несколько примеров. Следующая запись была сделана американским политическим деятелем Берни Сандерсом в период предвыборной кампании 2020 года в США:

*Trump has now concluded that wearing masks is a good idea. That's great. **Tragically**, for thousands who unnecessarily died, it's three months too late.*
[<https://twitter.com/BernieSanders/status/1285653913660796935>]

Приведенный пример раскрывает автора как человека, осознающего большую ценность человеческой жизни. Эта ценностная установка с помощью безличной вводной конструкции перестает принадлежать только автору, а становится общим мнением. Также тот факт, что Берни Сандерс в 2020 году был политическим конкурентом действующего на тот момент президента Дональда Трампа, позволяет предположить, что данный прием может быть и средством политической борьбы.

Пример ниже мы взяли из блога мэра Москвы С.С. Собянина:

*Ребята долго не отпускали - делились креативными идеями по развитию спорта. Показали мне новые виды, набирающие популярность. **Здорово**, когда молодежь реально живет спортом, а город возвращается к своей привычной жизни.*

[<https://twitter.com/MosSobyanin/status/1276539943410688007>]

Вводная конструкция имплицитно транслирует ценности самореализации, которой занимаются молодые люди, вовлекаясь в спорт, возвращаясь к привычной жизни после коронавирусного локдауна. Благодаря формальной

безличности вводной конструкции автор распространяет эти ценностные установки на широкий круг людей, представляет эти ценности так, как будто их разделяют многие.

Теперь приведем пример функционирования безличных предложений. Следующее высказывание было сделано британским политиком Найджелом Фаражем после беспорядков в Лондоне в рамках движения «Black Lives Matter»:

It's a good thing that this man has been charged, but where are the arrests for defacing the Churchill statue and The Cenotaph?

[https://twitter.com/Nigel_Farage/status/1272476888167002113]

Социальный контекст, в котором было сделано высказывание, идентифицирует мировоззренческую аксиологию автора: он выступает в оппозиции прогрессивному движению против социальной несправедливости и одобряет юридическое преследование его участников. Собственное удовлетворение от осуждения человека за участие в беспорядках автор выражает в безличной форме, экстраполируя его на многих других людей, будто бы это общественно одобряемая позиция.

Другой пример мы взяли из записи, в которой автор рассуждает о нестабильности социальной и политической ситуации в период пандемии коронавируса. По мнению автора записи, действующая власть не справляется с возложенной на нее обязанностями, поскольку многие полномочия переданы главам регионов, что чревато нагнетанием социальной напряженности:

*Именно по причине того, что ресурс конечен, есть некоторый дедлайн, до достижения которого ситуацию двоевластия **нужно прекращать**. Иначе победа одной стихийно возникшей власти над другой теряет смысл.*

[<https://sozero.livejournal.com/6061568.html>]

Автор имплицитно транслирует свои мировоззренческие ценности, а именно ценность централизации власти. Автор убежден, что власть в стране должна быть сконцентрирована в одних руках. Бессубъектная форма выражения уверенности придает убеждениям автора универсальный характер, необходимость в действиях предстаёт объективно обусловленной.

3.3.5. Имплицитная идентификация ценностей через хэштеги и визуальные элементы

Неутилитарные ценности имплицитно выражаются также с помощью хэштегов. Словарь Мэрриам-Вебстер определяет хэштег так: «Хэштег – это слово или фраза, которой предшествует символ #. Он классифицирует или категоризирует сопутствующий ему текст (например, твит)» [URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/hashtag>]. Е.В. Пожидаева и О.А. Карамалак отмечают, что «внедрение хэштегов <...> существенно увеличило скорость и изменило форму коммуницирования в сети, ускорило способы поиска информации и стало новой формой самовыражения» [Пожидаева, Карамалак 2018: 109]. На связь хэштега с личностью употребляющего его человека указывает Дж. Ла Рокка: «Культурные объекты повседневной жизни – если мы считаем хэштеги таковыми – должны рассматриваться как чувственные образования. Смысл следует искать в выражении <...>; он не может быть отделен от человека и от его/ее опыта» [La Rocca 2020: 7].

Как средство имплицитной реализации аскиологических установок мы рассматриваем только те хэштеги, которые имеют форму лозунга или призыва. Мы считаем, что они служат средством выражения собственных ценностей и требований, которые напрямую связаны с опытом и переживаниями автора. Мы выделили несколько типов неутилитарных ценностей, выражаемых посредством хэштегов: ценности свободы, жизни, единения, патриотизма. Таблица 7 систематизирует полученные нами результаты:

Таблица 7. Классификация хэштегов в зависимости от типа транслируемой ценности

№ п/п	Транслируемые ценности	Примеры хэштегов
1	ценность свободы	<i>#СвободуМиле, #СвободуПолинеСимоненко, #СвободуЮлеЦветковой</i>
2	ценность единения	<i>#ЯМыИванГолунов, #ОдинЗаВсехИВсеЗаОдного, #WeAreEurope, #WeAreBritish</i>
3	ценность жизни	<i>#SaveNigerianMuslims,</i>

		#StayAlert, #BlackLivesMatter, #AllLivesMatter, #StopExecutionsInIran,
4	ценность патриотизма	#ЭтоМояРоссия, #WeAreBritish

Рассмотрим несколько примеров, демонстрирующих функционирование хэштегов.

Журналисты никогда не будут выписывать себя из гражданского общества. Они его первая линия защиты. Если вместо общества они борются за своих и сословные привилегии, то перед вами царская обслуга, а не журналисты.

#СвободуМиле

#СвободуМилеЗемцовой

[<https://twitter.com/msvetov/status/1284901862278389762>]

Отметим, что винительный падеж существительного «свободу» предполагает опущение перед ним глагола управления, вероятнее всего, «*требую*» / «*дайте*». Так автор выражает свои политические требования и ценностные установки, касающиеся борьбы с незаконными, по его мнению, задержаниями и отставанием свободы личности.

Следующее высказывание принадлежит бывшему президенту США Дональду Трампу:

Three individuals were sentenced to death in Iran for participating in protests. The execution is expected momentarily. Executing these three people sends a terrible signal to the world and should not be done! #StopExecutionsInIran

[<https://twitter.com/realDonaldTrump/status/1283434482322808837>]

Автор высказывания – действующий президент США Дональд Трамп. Употребленный хэштег позволяет увидеть в высказывании политического актора с конкретным политическим требованием. Требование остановить казни в Иране свидетельствует о транслируемой автором ценности человеческой жизни.

Автор может имплицитно транслировать неутилитарные ценности с помощью визуального оформления блога. Отметим, что больше всего инструментов для трансляции деловых ценностей предоставляет платформа

микроблогов twitter.com, так как на этой платформе существует возможность разместить изображение в шапке профиля.

Приведем примеры:

Рис. 13. Шапка блога Анатолия Шария.

Автор блога на Рис. 13, будучи гражданином Украины, имеет статус политического беженца в Европейском Союзе. Свою деятельность он направляет на критику действий украинских властей. Креолизованный текст, помещенный автором на фон, представляет собой официальный девиз штата Нью-Гэмпшир, который в полном виде выглядит так: «Live free or die: death is not the worst of evils». Эти слова принадлежат генералу Дж. Старку, одному из самых видных участников Войны за независимость в США. Ценность личной свободы была одной из ключевых ценностей всех, кто в ту эпоху сражался за свободу от Британской метрополии. Данное прецедентное высказывание, помещенное в форме креолизованного текста на фон блога, имплицитно авторскую ценность безусловного приоритета свободы человека над прочими аспектами его существования.

Рис. 14. Шапка блога Ивана Остапчука.

На Рис. 14 фоновое изображение представляет собой измененную прецедентную картину «Иван Царевич на Сером Волке», представленную в виде коллажа фотографии и самой картины. Полагаем, что изображение имплицитно выражает авторское стремление защитить слабых от полицейского произвола. Данный вывод подкрепляется тем, что автора блога, как и героя картины, зовут Иван. На наш взгляд, автор выражает ценность свободы личности в условиях государственного давления. Автор также актуализирует собственную идеологическую убежденность в силовом произволе государства.

Что касается утилитарных ценностей, то с помощью визуального оформления блога авторы транслируют деловые ценности, продвигая продукт своего интеллектуального труда (книгу, телепередачу, видеоролики в интернете), что побуждает их аудиторию потреблять эти медиапродукты. Через свои медиапродукты автор может реализовывать неутилитарные ценности, оценочные убеждения, политическую позицию.

Рассмотрим несколько примеров:

Рис. 15. Шапка блога Кэндис Оуэнс.

Рис. 16. Шапка блога Владимира Милова.

Как видим, продвижение собственного товара (в данных случаях книги и передачи в Интернете) осуществляется авторами не только эксплицитно – через раздел «о себе», но и имплицитно – через фоновые изображения. Информация на фоновых изображениях эксплицитно не призывает реципиента потребить продукт авторов. Мы считаем, что оформление фоновых изображений в яркой цветовой палитре, а также размещение основной информации и порядке доступа к продукту потенциально может заинтересовать в этом продукте аудиторию блогеров.

3.4. Реализация имплицитной информации об адресате

3.4.1. Инклюзивное «мы» и местоименные прилагательные

Категория адресата является общепринятой в исследованиях в рамках лингвистической прагматики. Образ адресата как жанрообразующий признак выделила Т.В. Шмелева в модели речевого жанра [Шмелева 1997: 93]. Категория адресата является одним из параметров при исследовании коммуникации. Наше исследование затрагивает отдельный вид коммуникации – массовую, происходящую в сети Интернет. В связи с этим мы опираемся на толкование понятия «образ адресата», предложенное в работе Т.Л. Каминской. В рамках массовой коммуникации адресат понимается как «семантико-прагматическая категория, представляющая собой мысленно конструируемый автором образ адресата, для которого предназначен данный текст» [Каминская 2009: 19-20].

Как утверждает И.И. Бакланова, образ адресата любого нехудожественного текста является имплицитным компонентом содержания текста. Передача каких-либо сведений о предполагаемом адресате текста не входит в коммуникативные намерения адресанта, а потому не имеет прямого, эксплицитного выражения [Бакланова 2016: 299].

Стоит отметить, что адресат жанра политического блога – это не конкретный человек, которому адресовано послание блоговой заметки. Всё, что пишет автор блога, адресовано гипотетическому адресату, однако мы полагаем, что характерные черты этого гипотетического адресата можно обнаружить в тексте заметки. Характеристики гипотетического адресата в значительной степени совпадают с характеристиками самого автора, с его идеологическими установками и ценностными ориентирами, с его жизненным опытом. Всё это автор экстраполирует на тех, кто, по его представлению, будет читать записи в блоге.

С функциональной точки зрения, по мнению Т.Л. Каминской, образ адресата может служить как средство интеграции читателей, как инструмент манипуляции сознанием читателей, а также как средство интерпретации событий и фактов реальности в соответствии с картиной мира адресата [Каминская 2009:

23]. Как пишет исследовательница, «стремление к интеграции целевой аудитории особенно ярко выражено в текстах политической коммуникации, где существует стремление “захватить” свою целевую аудиторию, а затем, по возможности, удержать ее» [Каминская 2009: 23]. Мы разделяем эту точку зрения. Мы полагаем, что в тексте политического блога характеристики гипотетического адресата позволяют автору реализовывать тактику интеграции целевой аудитории на основе общей картины мира. Реализация тактики достигается за счет речевых приемов, которые автор намеренно подстраивает под гипотетические ожидания адресата. О конструировании автором образа потенциального адресата, удовлетворении его пресуппозиций посредством специфического выбора речевых приемов писали Н.Д. Арутюнова [Арутюнова 1981: 358], Т.В. Дубровская [Дубровская 2016 : 129], Т.Л. Каминская [Каминская 2009: 20], Н.В. Соловьева и Е.А. Медведева [Соловьева, Медведева 2012: 109]. По нашим наблюдениям, в тексте политических блогов автор не только подбирает специфические языковые средства, но также создает аксиологическое и идеологическое пространство, в которое должен вписываться гипотетический адресат.

Языковые средства реализации тактики интеграции потенциальных адресатов включают в себя лексические средства (инклюзивное «мы», местоименные прилагательные) и синтаксические средства (обобщенно-личные предложения, риторические вопросы). Рассмотрим каждый тип средств по порядку.

Функционирование лексических средств строится на стремлении автора придать своему опыту и взглядам, политическим убеждениям универсальный характер. Автор ссылается на общий опыт, присущий, по его мнению, большинству. Именно такого человека, с таким же набором дискурсивных характеристик, аксиологией, идеологическими убеждениями автор желает видеть в качестве своего читателя. Инклюзивное «мы» конструирует идеологическое пространство, в котором существуют только «свои»: автор и адресаты со схожей гражданской позицией, политическими убеждениями. Рассмотрим примеры:

Знаете

Сейчас очень сложно писать что-то осмысленное

*Ради таких как Полина **мы** все выходили в сб*

*И именно она, т*девушка, сильнее всех пострадала*

Сейчас ей грозит смертельная опасность в мужском спецприёмнике

[https://twitter.com/inari_hiroyuki/status/1285294689881665536]

Здесь «мы» – автор и его гипотетический адресат – это люди, поддерживающие гражданскую протестную активность. Кроме того, упоминание объекта записи по имени подразумевает, что автор пишет для своих, для тех, кто знает ситуативный контекст, осведомлен о произошедшем митинге, а также для тех, кто разделяет его, автора, ценности. Автор пишет о трансгендерной девушке, которая во время задержания попала в мужской спецприемник. Опасаясь проявлений нетолерантности в мужском спецприемнике по отношению к данной девушке, автор пишет о том, что в таких условиях ей грозит смертельная опасность. Это отражает ценности автора и гипотетического адресата: ценности свободы и важности самоидентификации.

Другой пример:

Today we remember all those who lost their lives in the London bombings, 15 years ago.

My heart goes out to all those who were there that day, living still with the memory of those horrific events, and all those grieving loved ones.

[<https://twitter.com/BorisJohnson/status/1280428643550969856>]

Автор – профессиональный политик, премьер-министр Великобритании Борис Джонсон – с помощью личного местоимения *we* создает общий с адресатом культурный и социологический контекст. Полагаем, что целевая аудитория данной заметки, на которую ориентировался автор, – это жители Великобритании, которые понимают, о каких событиях идет речь. Гипотетический адресат – гражданин Соединенного Королевства, который скорбит в день памяти жертв теракта. Таким образом, адресат идентифицируется не только как гуманист, но и как патриот своей страны.

Местоименные прилагательные как инструмент реализации тактики интеграции потенциальных адресатов функционируют схожим образом. Они отсылают к общему опыту, который разделяют автор и адресат, конструируют общее ценностное, идеологическое пространство, в котором они существуют. Например:

*Думаю, что большинство россиян примут предложенные Президентом РФ поправки, проголосуют за них 22 апреля, начиная новую жизнь нашей страны. Тем более, что в этот день, как помнят **многие из нас**, родился великий революционер Владимир Ленин.*

[https://zen.yandex.ru/media/prose_of_existence/bog-i-konstituciia-rossii-5e5e2545618046487a5200fc]

Адресат, которого конструирует автор, находится с адресантом в одной аксиологической системе: родился и вырос в СССР, впитав в себя идеологические установки того времени. Кроме того, адресат, как и автор, выступает за принятие предложенных поправок в Конституцию России. Словосочетание «помнят многие из нас» объединяет автора и его гипотетического адресата. Так автор имплицитно приписывает своей аудитории собственные положительные оценки советской истории и В.И. Ленина.

Перлокутивный эффект употребления лексических средств имплицитного конструирования адресата, который наблюдается в комментариях под записью, зависит от нескольких факторов. Во-первых, имеет значение институциональный статус автора. Во-вторых, если автор – системный политик, то фактором становится уровень доверия, которым он пользуется в обществе. Сразу оговоримся, что в жанре политического блога определить перлокутивный эффект бывает затруднительно из-за того, что комментаторы, даже гипотетически разделяющие ценности и взгляды автора, зачастую не касаются темы блоговой записи и уходят в посторонние размышления. Кроме того, мы не сбрасываем со счетов фактор так называемых троллей, то есть пользователей, которые приходят в комментарии к совершенно случайным записям и оставляют нелицеприятные, оскорбительные высказывания, не связанные с объектом инициального поста.

Однако нам удалось составить общую картину, отражающую перлокутивный эффект.

Если автор является системным политическим лицом, то перлокутивный эффект определяется уровнем поддержки и доверия, которым он пользуется среди граждан страны. Если автор является непопулярным политическим лицом, то в комментариях будут собираться пользователи, обладающие отличными от автора дискурсивными характеристиками. Они выражают прямое несогласие с позицией политика, субъективные оценочные суждения, направленные на него самого и на его деятельность. Мы полагаем, что это обусловлено анонимностью общения в жанре блога: те высказывания, которые граждане не могут позволить себе озвучить политику напрямую в очном формате (из-за соображений цензуры или из-за физической недоступности политика), они свободно вербализируют в комментариях. В качестве примера приведем блоги двух американских политиков, конкурентов в период предвыборной кампании 2020 года в США: Дональда Трампа и Джо Байдена. На момент проведения предвыборной кампании тогда еще действующий президент Дональд Трамп пользовался минимальной поддержкой электората. Перлокутивный эффект его высказываний в личном блоге это подтверждал:

So we catch Obama & Biden, not to even mention the rest of their crew, SPYING on my campaign, AND NOTHING HAPPENS? I hope not! If it were the other way around, 50 years for treason. NEVER FORGET!!!!

[<https://twitter.com/realDonaldTrump/status/1284899438591451137>]

Под инклюзивным «we» автор подразумевает свой предвыборный штаб, а также своих сторонников, которые возмущены шпионажем со стороны оппонентов. В комментариях политик сталкивается с критикой в свой адрес, например:

(1) *Make America Great Again, on tax payers dime.*

(2) *Nothing happened because your definition of “spying,” is everyone else’s definition of “criminal investigation.” There was ample probable cause.*

(3) *“How DARE Obama and Biden commit the imaginary crimes that I made up!”*

(4) *How many YEARS for a president who BETRAYS his Country, and REFUSES to protect our Brave Soldiers?*

(5) *You've Destroyed our Country & our Standing in the World in 3.5 years. You've caused us to become the MOST COVID-19 Infected country in the World. And you've ALLOWED all these Americans to DIE due to your DENIAL of & LACK of LEADERSHIP on the Pandemic. Talk about SAD.*

(6) *Real Americans are against Trump*

Таким образом, мы видим, что потенциальный адресат – единомышленник и политический сторонник Трампа – не совпадает с фактическими адресатами, что объясняется низким уровнем доверия кандидату в президенты.

Напротив, представитель противоположного политического лагеря демократ Джо Байден в период предвыборной кампании пользовался большой поддержкой электората, что отразилось на перлюкутивном эффекте постов в его блоге:

Every day it becomes clearer: We are in a battle for the soul of this nation. Who we are. What we believe. Who we want to be. It's all at stake.

We have to vote Donald Trump out this November.

[<https://twitter.com/JoeBiden/status/1285277040153776128>]

В комментариях пользователи выражают открытую поддержку своему кандидату:

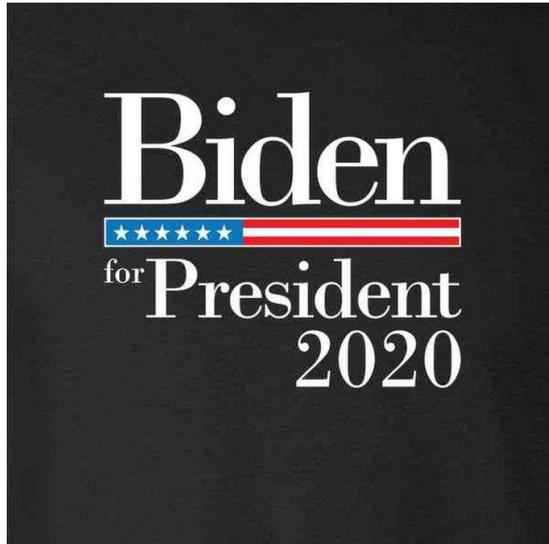
(1) **SCIENCE IS REAL GUN VIOLENCE MUST END HATE IS NOT MY PLATFORM**
VETERANS DESERVE RESPECT COVID-19 THREATENS LIVES AND LIVELIHOODS
WOMEN'S RIGHTS ARE HUMAN RIGHTS AMERICA IS WORTH FIGHTING FOR
I'M VOTING FOR JOE BECAUSE
AMERICAN WORKERS DESERVE STRONG UNIONS HEALTH CARE IS A RIGHT
CLEAN ENERGY MEANS MORE JOBS WE'RE STRONGER WITH OUR ALLIES
IMMIGRANTS AREN'T ENEMIES BLACK LIVES MATTER LOVE IS LOVE

#BIDEN2020

(2) *You people have to vote Donald Trump in this November.*

(3) *Be gone, Don!*

(4)

(5) *I'm a single issue voter, get rid of Trump.*

(6) *I pray yall vote him out*

Что касается авторов иных категорий, отличных от системных политиков, то достижение перлокутивного эффекта происходит не всегда. Мы объясняем это плюрализмом мнений и свободой слова, которой пользователи широко пользуются в анонимной интернет-коммуникации. Под любую блогговую запись, где не ограничена возможность комментирования, может прийти любой пользователь со своими собственными убеждениями и свободно их выразить, даже если картины мира комментатора и автора не совпадают.

Приведем несколько примеров. Следующее высказывание – это выдержка из блогговой записи об аресте Ивана Голунова, в которой автор выражает сомнение в невиновности журналиста и в том, была ли справедлива реакция общественности:

И я уверен, что у всех адекватных вменяемых людей примерно аналогичные мысли и чувства, глядя на всё это, возникают.

[<https://3-shurupa.livejournal.com/93079.html>]

В качестве потенциального адресата автор видит такого же критически настроенного гражданина, более того, только такого адресата автор наделяет положительной оценочной характеристикой – «адекватный», «вменяемый». Данную запись не прокомментировало много пользователей. Но даже в таком узком кругу перлокутивный эффект не был достигнут:

Не надо лохматить бабушку.

<...>

*Реакция стала массовой сразу после того, как **полиция признала, что фотки из квартиры голунова вовсе не из его квартиры.***

*К моменту, когда началась реакция новостных агентств, **объективной информации, позволявшей сделать выводы о невиновности было более чем достаточно.***

<...>

Не надо искать конспирологическую подоплеку там, где ее нет. <...>

3.4.2. Обобщенно-личные предложения и риторические вопросы

Средства синтаксиса, участвующие в имплицитном конструировании адресата, также служат обращению к общему опыту, идеям, мировоззрению, переживаниям, которые объединяют автора и того, для кого он пишет свои посты. Отметим, что обобщенно-личные предложения и риторические вопросы не характерны для постов системных политиков. Мы объясняем это тем, что системные политики предпочитают более декларативную манеру речи риторическим вопросам, которые оставляют адресатам свободу интерпретации. Кроме того, политические лица предпочитают актуализировать своего адресата местоимением I лица множественного числа. Это объясняется самим значением местоимения «мы», которое идентифицирует «группу лиц, среди которых находится и говорящий» [Русская грамматика 1980: 532]. Помещая себя в окружение других людей, политическое лицо стремится стать «своим» для этой группы лиц. Это позволяет политику решить ряд задач, в том числе повысить имидж и получить поддержку электората.

Риторические вопросы и обобщенно-личные предложения востребованы в блогах несистемных политиков и обывателей. Риторические вопросы позволяют автору избежать декларативного тона высказывания и в то же время сообщить о своих убеждениях. Риторические вопросы являются приглашением адресатов со схожей позицией в дискурсивное пространство автора.

Рассмотрим несколько примеров функционирования риторических вопросов:

Михаила Дегтярёва, которого Путин хочет сделать губернатором Хабаровского края, я знаю. Знаю потому, что Дегтярев был моим конкурентом на выборах мэра Москвы (2,86% получил).

Зачем в Хабаровске губернатор, который хотел быть мэром Москвы и видел Хабаровск только по телевизору?

[<https://twitter.com/navalny/status/1285184178452140033>]

В форме риторического вопроса автор выражает недоумение, по его мнению, нелепым назначением губернатора и некомпетентностью его в делах региона. Риторический вопрос не предполагает ответов, дискуссии, он в нетривиальной форме декларирует оценочное отношение автора к кандидату на пост губернатора. Вопрос призван объединить всех, кто разделяет негодование автора от данного политического решения.

Следующий пример взят из поста, в котором автор ставит под сомнение опасения общества относительно слежки со стороны государства:

What makes the average person think they're interesting enough to be watched?

I'd hate to be the guy flipping on cameraphones all day only to see people scratching their butts and picking their noses. Oh no... He's gonna eat it... Eww! And there's one scratching his nose and picking his butt! Oh, the humanity!!!

[https://www.reddit.com/r/Libertarian/comments/hvs9bz/about_that_surveillance_state/]

Автор относится к большинству граждан как к совершенно заурядным личностям, не представляющим интереса для правительственной слежки. Он убежден, что по этой причине государство не может следить за своими гражданами. Риторический вопрос экстраполирует эту убежденность и на потенциального адресата.

Обобщенно-личные предложения характерны в большей степени для блогов обывателей. Мы полагаем, что это обусловлено отсутствием необходимости у обывателей конструировать свою принадлежность к электорату, к «своим», у

обывателей нет такой политической цели. В своих блогах они пишут о своем опыте, а обобщенно-личные предложения служат приглашением адресата к сочувствию.

Приведем несколько примеров:

С демонстрации приходили без ног, и эта усталость, это было отдельное удовольствие. А потом был праздничный вечер. Телевизоров тогда не было, и если ты хотел послушать музыку и пение и посмотреть танцы, то должен был сам сыграть, спеть и сплясать.

[<https://tareeva.livejournal.com/218893.html?media>]

В посте автор ностальгирует по временам своей молодости, которые выпали на эпоху СССР, по развлечениям, которые люди устраивали сами себе в праздничные дни.

Следующая запись была сделана в период проведения процедуры брекзита в Великобритании:

Being in the UK right now is how I imagine it would be if you found yourself in a high level scientology meeting.

All the people in charge are talking utter bollocks and they appear to actually believe what they are saying.

Surreal.

[<https://twitter.com/Lindz2000/status/1143246682815127554>]

Соотнесенность переживаний о политической обстановке с личностью автора можно установить из использования личного местоимения I лица единственного числа. Последующей обобщенно-личной конструкцией автор экстраполирует свои соображения на своего потенциального адресата, который также озабочен судьбой страны и тем, кто уполномочен принимать политические решения.

3.5. Специфика имплицитности политического блога

Феномен имплицитности изучается учеными на материале текстов различных типов, от художественных до рекламных. В каждом случае

исследователями отмечается специфика функционирования имплицитности и реализации имплицитных смыслов. Подобная специфика имплицитности наблюдается и в текстах жанра политического блога. Прежде чем мы ее подробно опишем, мы суммируем результаты исследований имплицитности в других типах текстов.

Имплицитность художественного текста изучалась Е.В. Ермаковой [Ермакова 2010а], [Ермакова 2010б]. Специфика материала обуславливает разграничение между имплицитными смыслами и подтекстом, которое проводит исследовательница. Как отмечает Е.В. Ермакова, хотя имплицитные смыслы и подтекст – это не взаимозаменяемые понятия, между ними существует взаимосвязь. Имплицитные знания читателя, сталкиваясь с ситуацией, изображенной в тексте, приводят к возникновению имплицитных смыслов и позволяют судить о подтексте произведения [Ермакова 2010б: 16-17].

Имплицитность в рекламном дискурсе стала предметом исследования И.А. Кудиновой [Кудинова 2009]. По мнению исследовательницы, имплицитность в рекламных текстах выражает модальность побудительности для того, чтобы подтолкнуть адресата к совершению действий, выгодных рекламодателю. В этом свете основным языковым средством представления имплицитности И.А. Кудинова называет модальные глаголы [Кудинова 2009: 6-18].

Специфика имплицитности публицистических текстов изучалась А.И. Барышевой [Барышева 2016]. Основной функцией имплицитности исследовательница называет манипулятивную функцию, функцию влияния на общественное мнение. Исследовательницей также описаны и проанализированы актуализаторы имплицитности на различных уровнях языковой системы, от фонетических до текстовых, а также мультимодальные актуализаторы [Барышева 2016].

Манипулятивный характер функционирования имплицитности описан О.Л. Михалевой на примере политического дискурса [Михалева 2009]. Исследовательница пишет: «Прием речевой демагогии, опирающийся на

использование неконвенциональных импликатур, состоит в том, что внушаемое утверждение прямо не содержится в тексте, но вытекает из содержащихся в нем утверждений как речевая импликатура» [Михалева 2009: 117-118].

О скрытых смыслах в политической коммуникации пишет и Т.В. Нестерова [Нестерова 2020]. Как отмечает исследовательница, цель коммуникации в политическом дискурсе – сохранение и перераспределение власти [Нестерова 2020: 113]. Способами выражения скрытых смыслов в политической коммуникации, согласно Т.В. Нестеровой, выступают метафорические номинации с агрессивным потенциалом (для дискредитации политического оппонента), ирония, юмор и шутки (для гармонизации общения, снятию напряжения), невербальная коммуникация, а также эвфемизмы, цель которых заключается в фальсификации реальности и введении общества в заблуждение [Нестерова 2020: 119-123].

Роль эвфемизации в социально-политической коммуникации изучает М.Л. Ковшова [Ковшова 2007]. Исследовательница выделяет два вида социально-политических эвфемизмов: власти и народа. Социально-политические эвфемизмы власти направлены на манипуляцию сознанием людей, а социально-политические эвфемизмы народа, по словам автора, представляются средством словесной самообороны [Ковшова 2007: 264-273].

Имплицитность в текстах коммерческих писем изучал О.С. Сыщиков [Сыщиков 2000]. Исследователь выделил разные типы имплицитности (диалогическую, социокультурную, манипулятивную и парольную). Отдельно автор отмечает, что средствами выражения имплицитности являются манипуляции и использование пароля: в первом случае адресант воздействует на своего адресата, а во втором исключает третьих лиц из чтения коммерческой переписки [Сыщиков 2000: 21-22].

Таким образом, в известных нам исследованиях основная специфическая функция имплицитности сводится к манипуляции либо общественным мнением, либо поведением реципиента. Специфика имплицитности в политических блогах обусловлена, в первую очередь, прагматическими факторами, такими как

ориентация жанра блога на личность адресанта, потенциальность адресата жанра, политической ориентацией коммуникации, а также цифровой средой существования блогов.

Для достижения коммуникативной цели по объединению лояльной аудитории вокруг своего блога (для системных политиков – для привлечения и удержания электората) автору блога необходимо создать приемлемый для потенциальной аудитории дискурсивный конструкт, сочетающий в себе параметры самого адресанта: его идеологические и политические предпочтения, ценностные установки, групповую принадлежность. ИмPLICITная актуализация этого конструкта способствует формированию у аудитории убеждения в добровольности решения присоединиться к данному кругу единомышленников. Автор напрямую не заявляет о своих потенциально приемлемых для аудитории убеждениях и взглядах. С помощью средств выражения имPLICITных смыслов он позволяет адресатам «считать» их самостоятельно, таким образом манипулируя их решениями быть в кругу лояльной блогеру аудитории.

На проявление имPLICITности в жанре оказывает влияние и политическая ориентация коммуникации, что ведет к затрагиванию нередко весьма противоречивых тем. ИмPLICITная форма выражения смыслов (в частности, оценок) представляется способом избежать юридической ответственности за высказывание. Некоторые средства выражения имPLICITных оценок (ирония, визуальные метафоры, креолизованные тексты) способствуют карикатуризации высказывания, снижению категоричности тона оценки.

Специфика имPLICITности в политическом блоге также обусловлена цифровым характером существования жанра. Политическая ориентация блогерской платформы – сайта, на котором автор публикует заметки, – имPLICITирует его собственные политические убеждения.

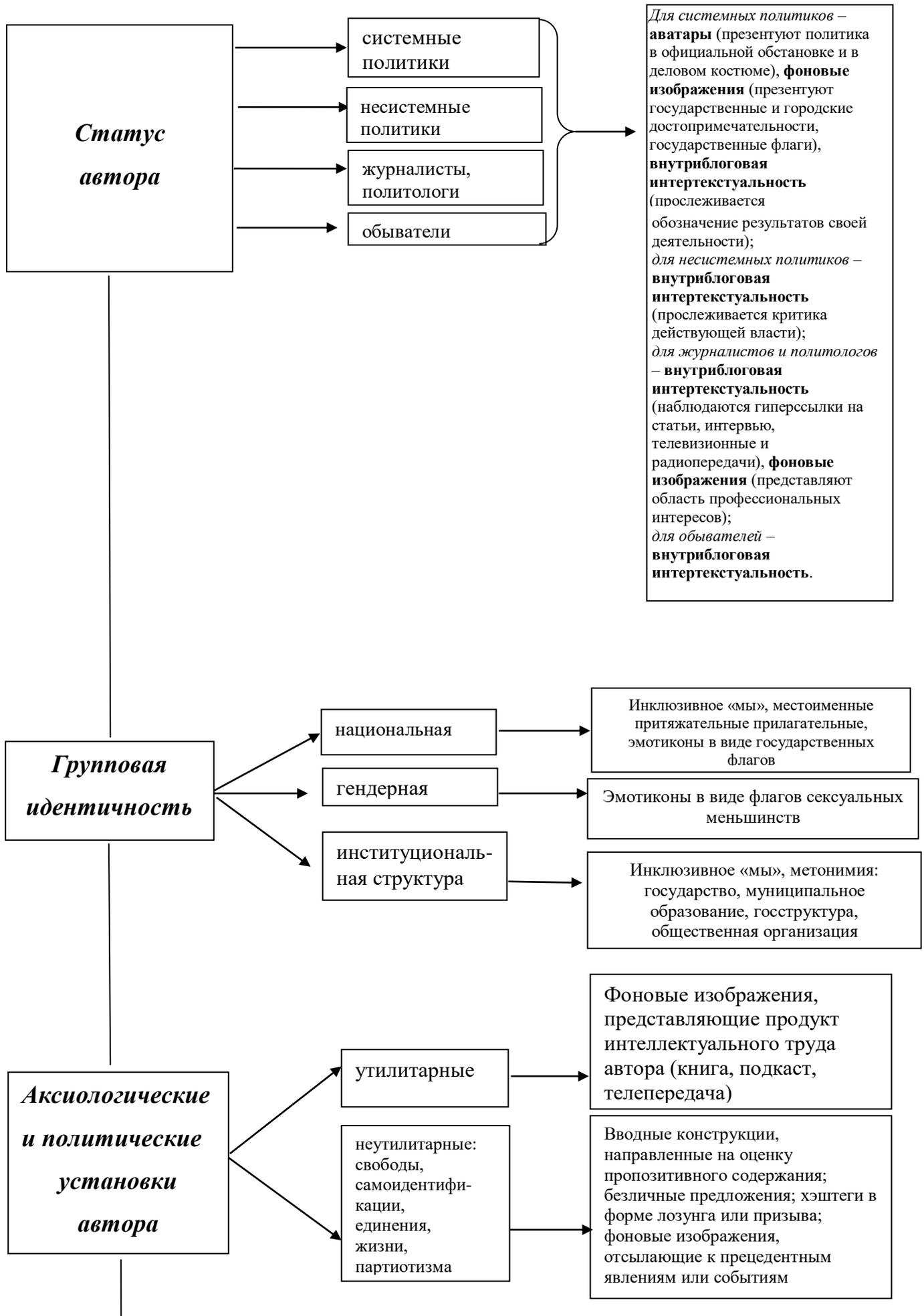
На имPLICITность в политическом блоге оказывает влияние и техническая опосредованность коммуникации. Техническая опосредованность общения затрудняет процесс восприятия невербальных элементов коммуникации (проксимических, кинесических, мимических, паралингвистических), которые

при непосредственном контакте коммуникантов облегчают дешифровку имплицитных смыслов. Однако технический прогресс позволяет пользователям с определенной долей успешности передавать некоторые аспекты невербальной коммуникации в графической и иконической форме (мимические – с помощью эмотиконов, паралингвистические – с помощью графических особенностей интернет-письма). Такие мультимодальные средства позволяют автору транслировать имплицитные смыслы и предоставляют адресату ключ к их дешифровке. Так, для дешифровки имплицитного смысла, выраженного эмотиконом, адресату приходится устанавливать конвенциональное значение эмотикона и соотносить его с контекстом общения. Это объясняет механизм, по которому иконические средства, присущие коммуникации в блогговом пространстве, реализуют имплицитность.

Выводы по Главе 3

Описанные в главе результаты позволяют нам сформировать модель имплицитности в жанре политического блога, представленную в схематическом виде ниже (Рисунок 17). Данная модель отражает систему элементов коммуникации с их взаимосвязями. Модель является аналогом имплицитной коммуникации, осуществляемой в политических блогах. Она отражает принципы взаимодействия прагматических параметров жанра, имплицитных смыслов, которые реализуют прагматические параметры, а также средств языкового и мультимодального выражения имплицитных смыслов, поверхностных структуры представления имплицитности:

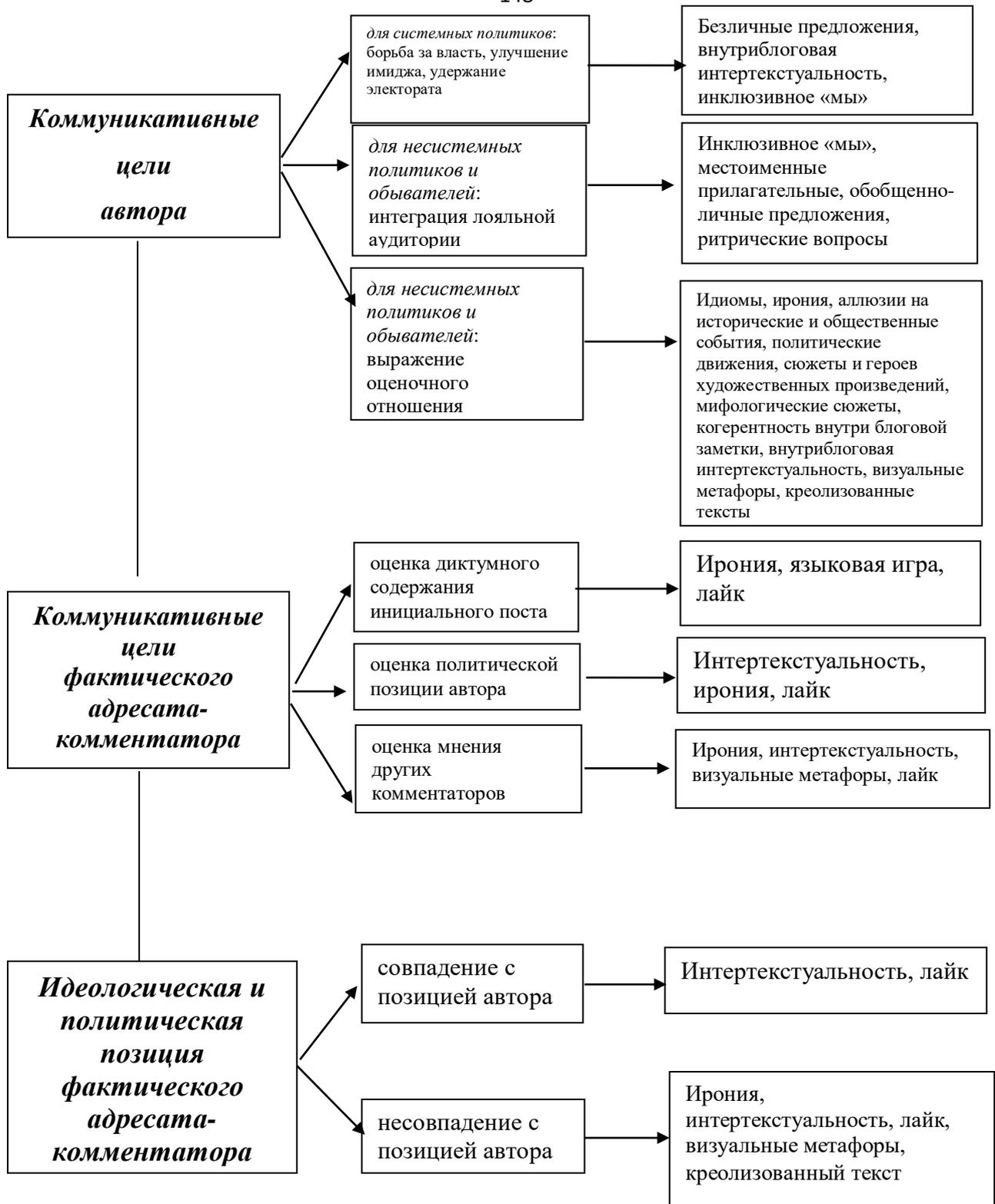

Рис. 17. Модель имплицитности в жанре политического блога.

Для обеспечения большей репрезентативности модели мы провели количественный подсчет употребления контекстов, транслирующих имплицитные смыслы. Отметим, что подсчет проводился в отношении контекстов, позволяющих сделать определенные выводы о закономерностях передачи информации в имплицитной форме. В число таких контекстов мы включили

контексты, в которых авторы и комментаторы имплицитно манифестируют свои политические убеждения, групповую идентичность, ценности и коммуникативные цели. Также заметим, что один и тот же контекст мог быть учтен как реализующий имплицитность по нескольким прагматическим параметрам одновременно (например, как одновременно реализующий оценочное отношение и политическую позицию). Результаты количественного анализа с нашими интерпретациями представлены далее в виде гистограмм. Мы полагаем, что они позволят наглядно представить некоторые тенденции реализации имплицитных смыслов в собранном нами корпусе текстов.

Что касается имплицитной трансляции политической позиции, то подсчет контекстов выявил следующую закономерность, отраженную в Рисунке 18:

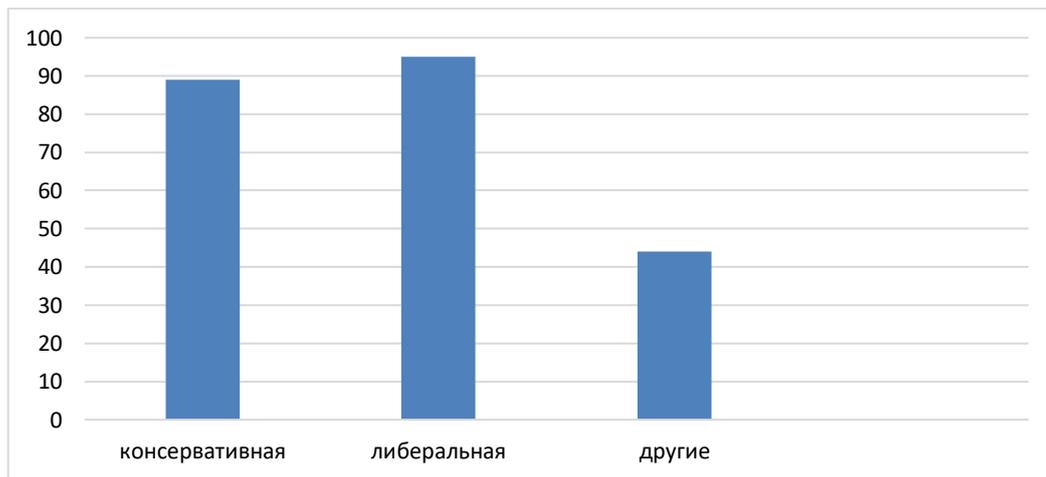

Рис. 18. Имплицитная трансляция политической позиции.

В собранном нами корпусе политических блогов представители консервативных убеждений в целом равны по численности представителям либеральных политических взглядов, и они практически в равной степени заявляют о своих взглядах в имплицитной форме. В категорию другие попали представители социалистического, коммунистического, либертарианского движений.

Рассмотрим тенденции имплицитного выражения групповой идентичности в политических блогах, представленную на Рисунке 19:

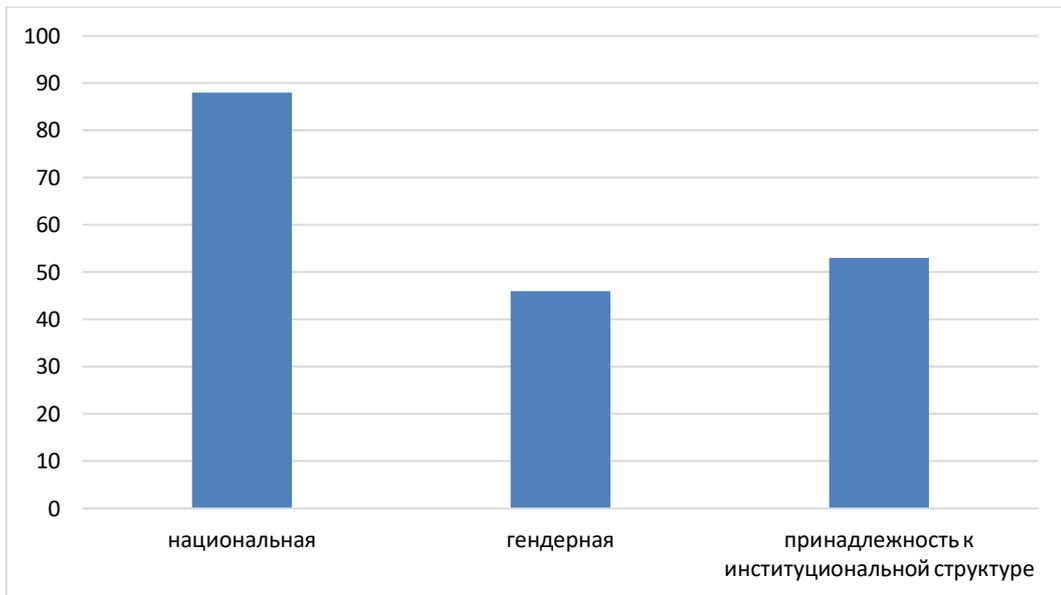

Рис. 19. ИмPLICITное выражение групповой идентичности.

Чаще всего пользователи имPLICITно заявляют о своей национальной принадлежности. Мы объясняем это коммуникативной целью авторов объединить вокруг себя единомышленников, а национальная общность представляется наиболее обширной группой людей, которая может принести больше всего лояльной аудитории.

Что касается имPLICITного представления аксиологических установок, как утилитарных, так и неутилитарных, то мы получили следующие результаты (Рисунок 20):

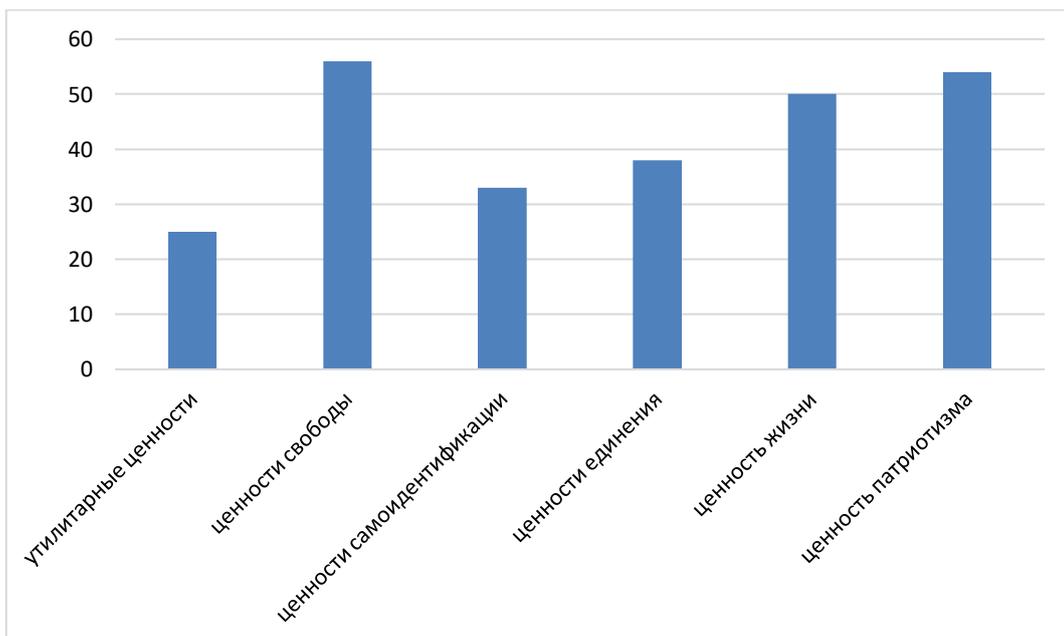

Рис. 20. ИмPLICITная трансляция аксиологических установок.

По нашим наблюдениям, чаще всего пользователи в имплицитной форме транслируют ценности свободы, патриотизма и жизни. Мы полагаем, это обусловлено тем, что эти ценности носят базовый, общечеловеческий характер и могут найти отклик у многих пользователей. Утилитарные ценности транслируются в имплицитной форме реже остальных, и, на наш взгляд, это объясняется политическим характером блогов. Транслировать утилитарные ценности, в частности, продвигать продукт интеллектуального труда может быть эффективнее в открытой, эксплицитной форме.

Что касается коммуникативных намерений авторов, то здесь для подсчетов мы брали блоги авторов, не являющихся системными политиками и имеющих отличные от них цели. Дело в том, что в блогах системных политиков в одном контексте может наблюдаться диффузность намерений, что затрудняет подсчет. Для блогов несистемных политиков, журналистов и обывателей Рисунок 21 отражает общую картину:

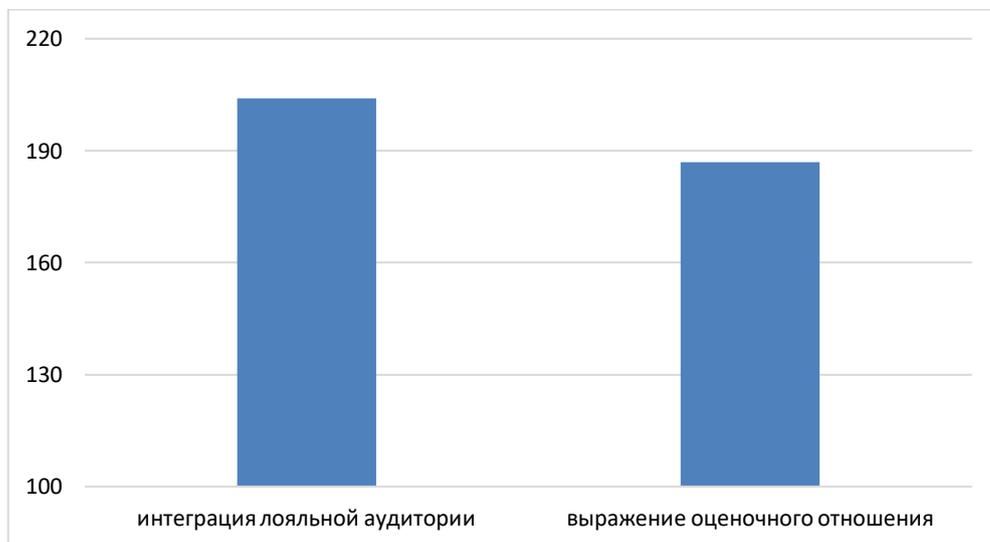

Рис. 21. Имплицитное выражение коммуникативных намерений автора.

В собранном нами корпусе чаще блогеры в имплицитной форме стремятся объединить вокруг себя лояльную аудиторию единомышленников, чем выразить оценочное отношение. Тот факт, что блогеры отдают предпочтение достижению именно этой цели, можно объяснить стремлением автора развивать блог, создать

информационный пузырь, в котором автор сможет чувствовать себя хозяином положения и транслировать свою позицию без опасения быть непонятым.

Наконец, при количественном анализе контекстов, имплицитно выражающих коммуникативные намерения комментаторов, мы получили следующие результаты (Рисунок 22):

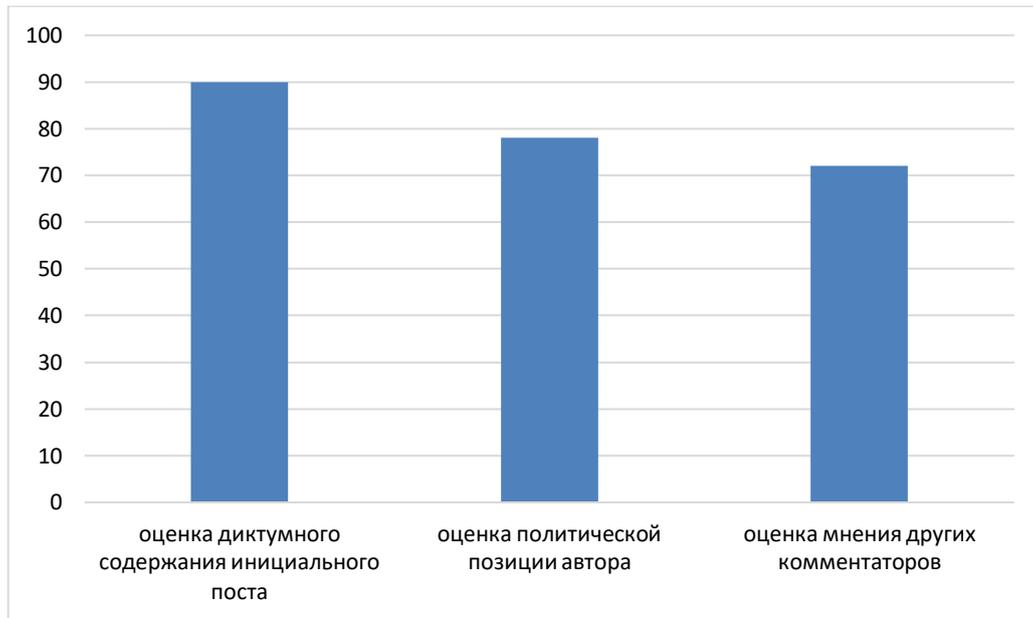

Рис. 22. Имплицитная трансляция коммуникативных целей комментаторов.

Как показывают наши наблюдения, пользователей незначительно больше интересует содержательная сторона написанного в блоге, чем позиция, которой придерживается его автор. Характер коммуникации в комментариях, приближенный к устному диалогическому, обуславливает переход комментаторов на имплицитные оценки позиций друг друга.

Представленные нами результаты количественного анализа контекстов имплицитности намечают лишь основные общие тенденции, которые, как мы полагаем, могут быть учтены при дальнейшем изучении имплицитности в политически ориентированной интернет-коммуникации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Имплицитность в политической интернет-коммуникации и языковые способы ее реализации представляют исследовательский интерес в современной лингвистической науке. В настоящем исследовании мы представили модель имплицитности в жанре политического блога. Основными компонентами данной модели, определяющими специфику имплицитности в жанре, являются фигура автора блога и фигура комментатора. В своем блоге автор имплицитно манифестирует свою политическую позицию, групповую идентичность, субъективно-оценочное отношение к деятелям или событиям, аксиологические установки, коммуникативные намерения.

О политической позиции автора имплицитно сообщает выбор платформы для размещения блоговых записей. Мы можем сделать вывод о политических взглядах блогера, если обладаем информацией об идеологической ориентации выбранной им блоговой платформы.

Что касается групповой идентичности, в политических блогах авторы имплицитно транслируют свою принадлежность к национальной группе, гендерной группе, а также принадлежность к системной политической структуре. Для имплицитной манифестации принадлежности к национальной группе авторы используют инклюзивное «мы», притяжательные местоименные прилагательные, а также эмодзи в виде государственных флагов. Для имплицитной манифестации принадлежности к гендерной группе авторы прибегают к использованию эмодзи в виде флагов гендерных или сексуальных меньшинств. Для того, чтобы имплицитно обозначить свою принадлежность к системной политической структуре авторы употребляют инклюзивное «мы», а также стилистическим прием метонимии.

Авторы имплицитно выражают субъективное эмоционально-оценочное отношение к политическим акторам, к социально-политическим событиям. Для имплицитного выражения оценок авторы используют идиоматические выражения, иронию, стилистический прием аллюзии, креолизованные тексты.

Аксиологические установки авторы имплицитно транслируют с помощью средств синтаксиса (вводных конструкций, безличных предложений), а также с помощью хэштегов и визуального оформления блога.

В жанре блога отсутствует реальный адресат, поэтому мы рассматриваем адресата как дискурсивный конструкт, чьи характеристики во многом совпадают с характеристиками автора, который экстраполирует свой опыт на потенциальную, гипотетическую аудиторию. Для конструирования адресата авторы используют лексические средства (инклюзивное «мы», местоименные прилагательные), а также средства синтаксиса (обобщенно-личные предложения, риторические вопросы). На достижение перлокутивного эффекта оказывает влияние свобода самовыражения, присущая интернет-коммуникации, а также техническая возможность для любого пользователя комментировать любую запись в Интернете. Однако если речь идет об авторе-системном политике, то на достижение перлокутивного эффекта напрямую влияет его популярность и степень доверия, которой он пользуется у граждан.

Реальный адресат блога – его комментатор – благодаря диффузности ролей сам выступает в роли автора. Он имеет собственные коммуникативные цели и идеологическую позицию. Коммуникативные цели комментаторов политического блога сводятся к оценке диктумного содержания инициального поста, политической позиции автора, а также к оценке мнений других комментаторов.

Отметим, что имплицитность представляет собой комплексное явление, требующее повышенного исследовательского внимания. Всестороннее изучение феномена имплицитности необходимо для более глубокого и детального понимания происходящих социальных и политических процессов.

Однако надо заметить, что явление имплицитности представляется неоднозначным с исследовательской точки зрения, на что указывает многообразие направлений ее изучения. Имплицитные смыслы, идентифицированные исследователем в рамках текста или высказывания, могут быть поставлены под сомнение и даже отвергнуты как не присущие данному высказыванию. В этом заключается одна из особенностей имплицитности,

которая затрудняет ее понимание: автор всегда может заявить, что имел в виду нечто другое, может отказаться от пропозиций высказывания. В этом кроется причина того, что нередко общение на политически острые, неоднозначные темы ведется в имплицитной форме. Такое общение позволяет коммуникантам избежать ответственности за сказанное.

Демократизация общения, присущая интернет-коммуникации в целом, не способствует полной экспликации высказываний. Пользователи с осторожностью высказываются на политические темы, чтобы не провоцировать конфликт сторон. В некоторых случаях, однако, имплицитная форма выражения смыслов призвана в том числе карикатуризировать коммуникацию, развлечь реципиента, как в случаях использования языковой игры, иронии, визуальных метафор, креолизованных текстов. Это сближает интернет-коммуникацию с бытовой устной коммуникацией. Негативные оценки, выраженные имплицитно в комментах, например, в ироничной форме, могут показаться их объекту еще более оскорбительными, чем эксплицитные.

Другие характеристики интернет-коммуникации, такие как асинхрония и техническая опосредованность общения, поликодовость коммуникации также откладывают отпечаток на проявление и понимание имплицитности в политических блогах.

Асинхрония общения затрудняет процесс дешифровки имплицитных смыслов, поскольку адресат зачастую бывает лишен возможности в режиме реального времени уточнить у собеседника правильность своей инференции.

Техническая опосредованность коммуникации сказывается на специфике появления имплицитности в политических блогах и на процессе ее понимания. Передача невербальных элементов коммуникации стала возможна при помощи иконических средств – эмодзи, лайков.

Поликодовость коммуникации позволяет авторам прибегать к компрессии пропозиции высказывания до формы мема, креолизованного текста, видеоролика, что способствует проявлению имплицитности. Для понимания имплицитного смысла, передаваемого в такой форме, адресату необходимо обладать

значительным багажом фоновых знаний не только о явлениях реального мира, но также о явлениях и правилах мира виртуального.

Имплицитность в политических блогах способствует достижению коммуникантами своих целей, а также трансляции убеждений в завуалированном виде. Мы считаем, что оценка эффективности использования имплицитности в достижении коммуникативных целей официальных политических акторов может стать объектом дальнейших исследований имплицитности, проводимых на стыке лингвистики и политических наук. Кроме этого, перспективу исследования имплицитности в политических блогах мы видим в более детальном изучении перлокутивных эффектов блоговых записей как официальных политических деятелей, так и блогеров-обывателей с привлечением методологического инструментария психолингвистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпатов, В.М. Факторы, противостоящие пониманию [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://clck.ru/dYEGz> (дата обращения: 26.02.2022).
2. Арнольд, И.В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения / И.В. Арнольд // Вопросы языкознания. – 1982. – № 4. – С. 83—91.
3. Арутюнова, Н.Д. Фактор адресата / Н.Д. Арутюнова// Известия академии наук СССР. Серия литературы и языка. – 1981. – Т. 40. №4. – С.356-367.
4. Ахманова, О.С. Фоновое знание / Словарь лингвистических терминов. – Москва: Советская энциклопедия, 1966. – С. 489.
5. Баженова, Е.А., Иванова, И.А. Блог как Интернет-жанр / Е.А. Баженова, И.А. Иванова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2012. – № 4(20). – С.125-131.
6. Бакланова, И.И. Образ автора и образ адресата как имплицитный компонент содержания нехудожественных текстов / И.И. Бакланова // Jezyk i metoda. – 2016. –№3. – С. 299-306.
7. Баранов, А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика : учебное пособие / А.Н. Баранов – М.: Флинта: Наука, 2007. – 592 с.
8. Барышева, А.И. Имплицитность в тексте и аспекты ее анализа / А.И. Барышева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 8(50). – С. 18-20.
9. Барышева, А.И. Имплицитность как свойство публицистического текста (на материале языка газеты): дис. ... кан.филол.наук : 10.02.01 / Барышева Алена Ивановна – Уфа, 2016. – 204 с.
10. Бахтин, М.М. Собрание сочинений. Т. 5 / М.М. Бахтин. – М.: Русские словари, 1997. – 731 с.
11. Белянин, В.П., Бутенко И.А. На голубом глазу / Живая речь. Словарь разговорных выражений. – 1994. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/live-speech/fc/slovar-205.htm#zag-1021> (дата обращения: 16.04.2020).

12. Бирюкова, Е.А. Интернет-коммуникация как средство межкультурного общения: жанровые и языковые особенности / Е.А. Бирюкова // Язык. Словесность. Культура. – 2014. – №6. – С. 75-98.

13. Бондарко, А.В. Эксплицитность/имплицитность выражения смыслов в общей системе категоризации семантики / А.В. Бондарко // Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность/имплицитность выражения смыслов: Материалы междунар. науч. конф. (г. Калининград – Светлогорск, сентябрь 2005 г.). – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006. – С. 22-33.

14. Борисова, Е.Г. Имплицитная информация на морфологическом уровне / Е.Г. Борисова // Имплицитность в языке и речи; под общей редакцией Е.Г. Борисовой, Ю.С. Мартемьянова. – Москва: «Языки русской культуры», 1999а. – С. 15-29.

15. Борисова, Е.Г. Имплицитная информация в лексике / Е.Г. Борисова // Имплицитность в языке и речи; под общей редакцией Е.Г. Борисовой, Ю.С. Мартемьянова. – Москва: «Языки русской культуры», 1999б. – С. 30-42.

16. Борисова, Е.Г. Средства экспликации связи предложений (бессоюзные предложения, частицы, союзы) / Е.Г. Борисова // Имплицитность в языке и речи; под общей редакцией Е.Г. Борисовой, Ю.С. Мартемьянова. – Москва: «Языки русской культуры», 1999в. – С. 76-80.

17. Борисова, Е.Г. Общественные ценности в языке современных медиа: способы выявления / Е.Г. Борисова // Язык, право и общество в координатах массмедиа: сб. мат. III Междунар. науч. конф. (г. Москва, сентябрь 2019 г.). – М.: ИЗИСП, ИД Юриспруденция, 2020. – С. 55-58.

18. Борисова, Е.Г. Не(до)понимание как движитель языкового развития [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://clck.ru/dYЕК5> (дата обращения: 26.02.2022).

19. Брагина, Н.Г. Имплицитная информация и стереотипы дискурса / Н.Г. Брагина // Имплицитность в языке и речи; под общей редакцией Е.Г. Борисовой, Ю.С. Мартемьянова. – Москва: «Языки русской культуры», 1999. – С. 43-57.

20. Брызгалова, Е.Н., Иванова, И.Е. Интернет-мемы как инструмент мониторинга социально-политических настроений аудитории / Е.Н. Брызгалова, И.Е. Иванова // Современный дискурс-анализ. – 2018. Т.2. №3 (20). – С. 135–143.
21. Валгина, Н.С. Современный русский язык: Синтаксис: Учебник. / Н.С. Валгина. – М.: Высшая школа, 2003 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://yanko.lib.ru/books/language/ru/yanko.valgina_2003_416p_rasp_sl.htm (дата обращения: 25.07.2020).
22. ван Дейк, Т.А., Кинч, В. Стратегии понимания связного текста / Т.А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. – М.: 1988. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.philologos.narod.ru/ling/dijk.htm> (дата обращения: 26.02.2022).
23. Викторова, Е.Ю. Лингвокреативный потенциал интернет-коммуникации (на материале жанра социальных сетей) / Е.Ю. Викторова // Жанры речи. – 2018. – №4(20). – С. 294–303. – DOI: 10.18500/2311-0740-2018-4-20-294-303.
24. Виноградов, В.А. Инклюзив / Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://taremark.narod.ru/les/193a.html> (дата обращения: 12.02.2022).
25. Виноградов, В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В.В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С. 140-161 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://philology.ru/linguistics2/vinogradov-77d.htm> (дата обращения: 23.07.2019).
26. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки. Изд. 2-е, доп. / Е.М. Вольф. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
27. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / Гальперин И.Р. – М.: КомКнига, 2007. – 144 с.
28. Горошко, Е.И. Жигалина, Е.А. Виртуальное жанроведение: устоявшееся и спорное / Е.И. Горошко, Е.А. Жигалина // Вопросы психолингвистики. – 2010. – №12. – С. 105-123.

29. Горошко, Е.И. Интернет-коммуникация: проблема жанра / Е.И. Горошко // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 4 – Орел: ОГИИК, 2006. – С. 223-237.

30. Горошко, Е.И. Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы / Е.И. Горошко // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 5 – Орел: ОГИИК, ПФ «Картуш», 2007. – С. 223-237.

31. Горошко, Е.И., Полякова, Т.Л. Интернет-жанр твиттинг как предмет исследования нового направления интернет-лингвистики – виртуального жанроведения / Е.И. Горошко, Т.Л. Полякова // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. – Орел: ОГИК, 2014. – С. 238-249.

32. Горошко, Е.И. Полякова, Т.Л. К построению типологии жанров социальных медий / Е.И. Горошко, Т.Л. Полякова // Жанры речи. – 2015. – № 2 (12). – С.119-127.

33. Гуляйкина, С.О. Имплицитность высказываний как атрибут вербальной манипуляции / С.О. Гуляйкина // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. – 2011. – №23. – С. 128-131.

34. Данкова, Н.С., Дубровская, Т.В. Групповая идентичность байкеров в аксиологическом аспекте (на материале интернет-коммуникации) / Н.С. Данкова, Т.В. Дубровская // Научный диалог. – 2018. – №7. – С.53-65. – DOI: 10.24224/2227-1295-2018-7-53-65.

35. Данкова, Н.С., Дубровская, Т.В. Жанры профессиональных интернет-сообществ в аксиологическом аспекте / Н.С. Данкова, Т.В. Дубровская // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – №4. – С. 551-561. – DOI: 10.18413/2075-4574-2019-38-4-551-561.

36. Дементьев, В.В. Непрямая коммуникация и ее жанры / В.В. Дементьев. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. – 248 с.

37. Дементьев, В.В. Теория речевых жанров. / В.В. Дементьев. – М.: Знак, 2010. – 600 с.

38. Дементьев, В.В., Седов, К.Ф. Социопрагматический аспект теории речевых жанров: Уч. пособие / В.В. Дементьев, К.Ф. Седов. – Саратов: Издательство Саратовского педагогического института, 1998. – 107 с.
39. Демьянков, В.З. О техниках понимания имплицитности речи / В.З. Демьянков // Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность/имплицитность выражения смыслов: Материалы междунар. науч. конф. (г. Калининград – Светлогорск, сентябрь 2005 г.). – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006. – С. 24-52.
40. Долинин, К.А. Имплицитное содержание высказывания / К.А. Долинин // Вопросы языкознания. – 1983. – №6. – С.37-47.
41. Дубровская, Т.В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков) / Т.В. Дубровская. – М.: Изд-во «Академия МНЭПУ», 2010. – 351 с.
42. Дубровская, Т.В. Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» в русской и английской лингвокультурах : моногр. / Т.В. Дубровская. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2014. – 272 с.
43. Дубровская, Т.В. Жанр «письмо из упаковки»: дискурсивное конструирование автора и адресата / Т.В. Дубровская // Жанры речи. – 2016. – №1. – С. 128-136. – DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-128-136.
44. Дубровская, Т.В. Жанр онлайн-петиции в контексте феминистского дискурса / Т.В. Дубровская // Жанры речи. – 2017. – №1(15). – С. 111-117. – DOI: 10.18500/2311-0740-2017-1-15-111-117.
45. Дубровская, Т.В. «Любви достойна только мать и Гелендваген 5.5»: пацанская лирика как жанр молодёжного интернет-дискурса / Т.В. Дубровская // Жанры речи. – 2019. – №1(21). – С. 56-65. – DOI: 10.18500/2311-0740-2019-1-21-56-65.
46. Дубровская, Т.В. Типы диктумного и модусного имплицитного содержания в политической Интернет-коммуникации / Т.В. Дубровская // Политическая лингвистика. – 2020а. – № 4(82). – С. 22-31. – DOI: 10.26170/pl20-04-02.

47. Дубровская, Т.В. «Студенты оставляют за собой право отстаивать свои права в правовой плоскости»: к вопросу об обыденной метаюридической коммуникации (на материале социальной сети «ВКонтакте») / Т.В. Дубровская // Язык. Право. Общество: сб. ст. VI Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, ноябрь 2020 г.). – Пенза. – Пензенский государственный университет, 2020б. – С. 330-334.

48. Ермакова, Е.В. Многоаспектность проблемы имплицитности: имплицитность в языке и речи / Е.В. Ермакова // Известия Саратовского университета. Сер. Социология. Политология. – 2009. – №1. – С. 58-61.

49. Ермакова, Е.В. Имплицитность в художественном тексте (на материале русскоязычной и англоязычной прозы психологического и фантастического реализма) / Е.В. Ермакова. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2010а. – 200 с.

50. Ермакова, Е.В. Имплицитность и подтекст: термины и понятия, стоящие за ними / Е.В. Ермакова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2010б. – №49(5). – С.15-19.

51. Закс, Л.А. К исследованию аксиологии Интернета / Л.А. Закс // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. – 2016. – №155. – С.11-24.

52. Иванова, Л.В. К вопросу о кризисе критического мышления в дискурсе политической блогосферы / Л.В. Иванова // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2020. – №1 (35). – С. 102-111.

53. Каменева, А.В., Потапова Н.В. Стратегия самопрезентации политика (на материале личного и официального блога в Twitter вице-президента США Камалы Харрис) / А.В. Каменева, Н.В. Потапова // Научный диалог. – 2021. – №11. – С. 82-105. – DOI: 10.24224/2227-1295-2021-11-82-105.

54. Каминская, Т.Л. Образ адресата в текстах массовой коммуникации: семантико-прагматическое исследование: автореф. ... д. филол. наук : 10.01.10 / Каминская Татьяна Леонидовна. – Санкт-Петербург, 2009. – 46 с.

55. Канашина, С.В. Семантические особенности интернет-мема как полимодального дискурса / С.В. Канашина // Вестник Московского

государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2018. – №811. – С. 74–80.

56. Карасик, В. И. Жанры сетевого дискурса / В.И. Карасик // Жанры речи. – 2019. – № 1 (21). – С. 49–55. – DOI: 10.18500/2311-0740-2019-1-21-49-55.

57. Кириллов, А.Г. Дискурс блогосферы: ключевые понятия и категории блогов как гипержанра компьютерно-опосредованной коммуникации / А.Г. Кириллов // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : Межвуз. сб. науч. трудов. – Вып. 12. – Орёл: Орловский государственный институт культуры, 2014. – С. 260-270.

58. Кириллов, А.Г. Трансформация жанра блога в программах обмена мгновенными сообщениями / А.Г. Кириллов // Жанры речи. 2017. – № 2 (16). – С. 260–267. – DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-260-267.

59. Кириллов, А.Г. Телеграм-каналы как новейшая трансформация социальных медиа в условиях авторитарных режимов / А.Г. Кириллов // Современный дискурс-анализ. – 2018. – №3 (20). Т.1. – С. 160-165.

60. Ковшова, М.Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий теоретический словарь современных русских эвфемизмов / М.Л. Ковшова. – М.: Гнозис, 2007. – 320 с.

61. Кожемякин, Е.А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования / Е.А. Кожемякин // Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – № 12(83). Вып. 6. – С. 13-21.

62. Колокольцева, Т.Н. Диалогичность в жанрах интернет-коммуникации (чат, форум, блог) / Т.Н. Колокольцева // Жанры речи. – 2016. – №2. – С. 97–105. – DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-97-105.

63. Кочеткова, М.О. Трансформация «образа автора» в блоге как отражение социокультурно обусловленной жанровой динамики блогосферы (на примере блогов, реализующих политическую тематику) / М.О. Кочеткова // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – №407. – С. 17-27. – DOI:10.17223/15617793/407/3.

64. Кравченко, А.В. Что такое коммуникация? (очерк биокогнитивной философии языка) / А.В. Кравченко // Прямая и непрямая коммуникация: Сб. науч. статей. – Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 2003. – С. 27-38.

65. Кудимова, О.С. К истории блога как типа масс-медиа: зарождение политических блогов в России / О.С. Кудимова // Казанская наука. – 2018а. – № 11. – С. 42-44.

66. Кудимова, О.С. Речевые манипуляции в политическом блоге / О.С. Кудимова // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва – Пенза, март 2018 г.) – Пенза: Пензенский государственный технологический университет, 2018б. – С. 410-422.

67. Кудинова, И.А. Категория имплицитности в рекламном дискурсе : автореф. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Кудинова Ирина Андреевна. – Белгород, 2009. – 23 с.

68. Ласкова, М.В., Резникова, Е.В. Личные местоимения в политическом дискурсе / М.В. Ласкова, Е.В. Резникова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: филология и искусствоведение. – 2011. – №4. – С.131-134.

69. Лукьянова, Г.В. Особенности поведения комментаторов политизированных сообществ / Г.В. Лукьянова // Управляемость и дискурс виртуальных сообществ в условиях политики постправды; под ред. Д.С. Мартьянова. – СПб.: ЭлекСис, 2019. – 312 с.

70. Лутовинова, О.В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. / О.В. Лутовинова. – Волгоград: ВГПУ «Перемена», 2009. – 477 с.

71. Макаров, М.Л. Жанры в электронной коммуникации: quo vadis? / М.Л. Макаров // Жанры речи. – 2005. – №4. – Режим доступа: <https://goo.su/1Kku> (дата обращения: 04.07.2019).

72. Маклюэн, М. Понимание медиа: внешние расширения человека / Маклюэн М.; [перевод с английского В. Николаева]. – Москва; Жуковский : КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. – 464 с.

73. Мартемьянов, Ю.С. Метаязык предложения-высказывания: от эксплицитной глубины к имплицитной поверхности / Ю.С. Мартемьянов // Имплицитность в языке и речи; под общей редакцией Е.Г. Борисовой, Ю.С. Мартемьянова. – Москва: «Языки русской культуры», 1999а. – С. 58-75.

74. Мартемьянов, Ю.С. Афоризм: проблема построения имплицитного текста / Ю.С. Мартемьянов // Имплицитность в языке и речи; под общей редакцией Е.Г. Борисовой, Ю.С. Мартемьянова. – Москва: «Языки русской культуры», 1999б. – С. 115-123.

75. Меликян, С.В. Современные тенденции интерактивного взаимодействия с аудиторией в сети Интернет / С.В. Меликян // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: социально-гуманитарные науки. – 2013. – №2. – С. 130-136.

76. Милованова, М.В., Терентьева Е.В. Русскоязычные политические блоги как актуальная практика протестной коммуникации: системно-коммуникативные измерения / М.В. Милованова, Е.В. Терентьева // Научный диалог. – 2020. – №6. – С. 101-116. – DOI: 10.24224/2227-1295-2020-6-101-116.

77. Милосердова, Е.В. Имплицитность как лингвопрагматическая категория и ее роль в разных типах дискурса / Е.В. Милосердова // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – №12 (104). – С. 727-732.

78. Митягина, В.А., Сидорова, И.Г. Жанры персонального интернет-дискурса: коммуникативные экспликации личности / В.А. Митягина, И.Г. Сидорова // Жанры речи. – 2016. – №2. – С. 105-115. – DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-105-115.

79. Михалева, О.Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия. / О.Л. Михалева. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.

80. Муханов, И.Л. ИмPLICITные смыслы как составная часть семантико-прагматического потенциала высказывания / И.Л. Муханов // ИмPLICITность в языке и речи; под общей редакцией Е.Г. Борисовой, Ю.С. Мартемьянова. – Москва: «Языки русской культуры», 1999а. – С. 81-87.

81. Муханов, И.Л. О текстообразующей функции имPLICITных смыслов высказывания (диалог) / И.Л. Муханов // ИмPLICITность в языке и речи; под общей редакцией Е.Г. Борисовой, Ю.С. Мартемьянова. – Москва: «Языки русской культуры», 1999б. – С. 88-94.

82. Мухин, Н.Ю. Вводные компоненты как средство выражения и установления авторства текста : автореф. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Мухин Николай Юрьевич. – Екатеринбург, 2002. – 24 с.

83. Нестерова, Т.В. Скрытые смыслы в дискурсе российской социальной рекламы / Т.В. Нестерова // Гуманитарные технологии в современном мире: Материалы VI-й Междунар. науч.-практ. конф. (г. Калининград, май 2018 г.) – Калининград: Западный филиал РАНХиГС, 2018а. – С. 74-77.

84. Нестерова, Т.В. Поликодовый текст как способ коммуникации / Т.В. Нестерова // Человек в информационном пространстве: сб. науч. ст. XVI Всероссийской с международным участием междисциплинарной науч.-практ. конф. (г. Ярославль, ноябрь 2018 г.) – Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2018б. – С. 213-219.

85. Нестерова, Т.В. Скрытые смыслы в коммуникации: лекции и практические задания. Учебное пособие / Т.В. Нестерова. – М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2020. – 192 с.: ил.

86. Олешков, М.Ю. Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект: учеб. пособие для студентов фак. рус. яз. и лит. / М.Ю. Олешков: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия. – Нижний Тагил, 2006. – 146 с.

87. Падучева, Е.В. Динамические модели в семантике лексики / Е.В. Падучева. — М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.

88. Петросян, Г.О. Коммуникативные импликатуры русского языка (на примере коммуникации в социальных сетях и блогах) / Г.О. Петросян // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: гуманитарные науки. – 2021. – №1-2. – С.83-94. – DOI: 10.37882/2223-2982.2021.01-2.12.

89. Пир во время чумы / Карта слов и выражений русского языка [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://kartaslov.ru/значение-слова/пир+во+время+чумы> (дата обращения: 16.02.2022).

90. Пожидаева, Е.В., Карамалак, О.А. Хэштеги в социальных сетях: интенции и аффордансы (на примере группы сообщений на английском языке по теме «Food» («Пища/Еда»)) / Е.В. Пожидаева, О.А. Карамалак // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2018. – №55. – С. 106-118. – DOI: 10.17223/19986645/55/8.

91. Привалова, И.В. Деиндивидуализация сообщений в блогосфере / И.В. Привалова // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2020. Т. 39. – №1. – С.25-35. – DOI: 10.18413/2712-7451-2020-39-1-25-35.

92. Привалова, И.В., Купцова, Н.В. Электронная коммуникация молодежи / И.В. Привалова, Н.В. Купцова. – Саратов: Издательство Саратовского государственного медицинского университета, 2016. – 138 с.

93. Приходько, А.И. Имплицитность как способ скрытого оценивания / А.И. Приходько // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2012. – №14. – С. 48-54.

94. Ребрина, Л.Н. Немецкоязычные политические блоги как актуальная протестная практика в контексте медиатизации и постулатов конфликтологии / Л.Н. Ребрина // Научный диалог. – 2020. – №6. – С. 129-146. – DOI: 10.24224/2227-1295-2020-6-129-146.

95. Русская грамматика. Том I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. / Под ред. Шведовой Н.Ю. – М.: Наука, 1980. – 788 с.

96. Сергеева, Л.А. Имплицитность как объект полипарадигмального анализа / Л.А. Сергеева // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: Материалы XVI-й Междунар. науч. конф. (г. Орехово-Зуево, май 2016 г.) – Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический институт, 2016. – С. 61-65.

97. Сковородников, А.П. Языковая игра / Эффективное речевое общение (базовые компетенции). Словарь-справочник. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2014. – 852 с.

98. Соловьева, Н.В., Медведева, Е.А. Современные медиатексты в аспекте стилеобразующих категорий «автор» и «адресат» / Н.В. Соловьева, Е.А. Медведева // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2012. – №32 (286). – С. 107-111.

99. Сон, Л.П. Лексико-семантические особенности интернет-коммуникации / Л.П. Сон // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2009. – №1. – С. 194-197.

100. Супоницкая, Н.С. Способы языкового маркирования имплицитного «присутствия» автора в научном тексте / Н.С. Супоницкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – №7-1(61). – С. 133-138.

101. Сыщиков, О.С. Имплицитность в деловом дискурсе (на материале текстов коммерческих писем) : автореф. дис. ... канд. филол. н. : 10.02.19 / Сыщиков Олег Серафимович. – Волгоград, 2000. – 24 с.

102. Темникова, Л.Б. К вопросу о типологии медиадискурса / Л.Б. Темникова // Научный журнал КубГАУ. – 2016. – №119(05). – С.984-996.

103. Титлова, А.С. Типообразующие признаки текста микроблога и их влияние на процессы понимания / А.С. Титлова // Вестник Башкирского университета. – 2017. Т.22. – №2. – С. 501-505.

104. Федосюк, М.Ю. Синтаксис современного русского языка: Учеб. пособие / М.Ю. Федосюк. – М.: ИНФРА, 2012. – 245 с.

105. Хаджихаллилович, С.С. Стилистические особенности интернет-коммуникации / С.С. Хаджихаллилович // Коммуникативные исследования. – 2014. – № 1(1). – С.58-62.

106. Чернявская, В.Е., Горшкова, Н.Э. Визуальная метафора в персуазивной коммуникации / В.Е. Чернявская, Н.Э. Горшкова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2021. – №202. – С. 175-182. – DOI: 10.33910/1992-6464-2021-202-175-182.

107. Шалудько, И.А. Имплицитность как принцип текстообразования и анализа литературного текста (на материале испанских литературных памятников XII-XVII вв.) : автореф. дис. ... д.филол.н. : 10.02.05 / Шалудько Инна Александровна. – Санкт-Петербург, 2017. – 45 с.

108. Шаронов, И.А. Имплицитная информация и типы речевых актов (речевой акт признание) / И.А. Шаронов // Имплицитность в языке и речи; под общей редакцией Е.Г. Борисовой, Ю.С. Мартемьянова. – Москва: «Языки русской культуры», 1999. – С. 95-107.

109. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д. филол. наук : 10.02.01, 10.02.19 / Шейгал Елена Иосифовна. – Волгоград, 2000. – 431 с.

110. Шилихина, К.М. Семантика и прагматика вербальной иронии ; серия монографий «Аспекты языка и коммуникации», Вып. 8 / Шилихина К.М. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. – 304 с.

111. Шилихина, К.М. Лексические маркеры жанров интернет-коммуникации / К.М. Шилихина // Жанры речи. – 2018. – № 3 (19). – С. 218–225. – DOI: 10.18500/2311-0740-2018-3-19-218-225.

112. Шмелева, Т.В. Модель речевого жанра / Т.В. Шмелева // Жанры речи. – 1997. – Вып. 1. – С. 88-98.

113. Щипицина, Л.Ю. Комплексная лингвистическая характеристика компьютерно-опосредованной коммуникации (на материале немецкого языка) : автореф. ... дис. д. филол. наук : 10.02.04 / Щипицина Лариса Юрьевна. – Воронеж, 2011. – 40 с.

114. Щурина, Ю.В. Интернет-мемы в структуре комических речевых жанров / Ю.В. Щурина // *Жанры речи*. – 2014. – №1-2 (9-10). – С. 147–153.
115. Щурина, Ю.В. Комические креолизованные тексты в интернет-коммуникации / Ю.В. Щурина // *Вестник Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого*. – 2010. – №57. – С. 82–86.
116. Яковлева, Е.А. Креолизованный текст как объект юрислингвистики (стратегии и тактики исследования) / Е.А. Яковлева // *Юрислингвистика*. – 2012. – №1 (12). – С. 140–153.
117. Arseneault, M. An Implicature Account of Idioms / M. Arsenault // *International Review of Pragmatics*. – 2014. – № 6.1. p. 59-77. – DOI:10.1163/18773109-00601004.
118. Ayto, J. Idioms / Brown K. *Encyclopedia of Language and Linguistics*. Second Edition. – Elsevier Science, 2005. – p. 518-521.
119. Bauman, M.L. The Evolution of Internet Genres / M.L. Bauman // *Computers and Composition*. – 1999. – №16. – p. 269-282. – DOI: 10.1016/S8755-4615(99)00007-9.
120. Biber, D., Conrad, S., Leech, G. *Student grammar of spoken and written English* / D. Biber, S. Conrad, G. Leech. Harlow: Pearson Education, 2003. – 487 p.
121. Blommaert, J. Political discourse in post-digital societies / J. Blommaert // *Trabalhos em Linguística Aplicada*. – 2020. – № 59(1). – p. 390-403. – DOI: doi.org/10.1590/01031813684701620200408
122. Boyd, D. A blogger's blog: exploring the definition of a medium / D. Boyd // *Reconstruction*. – 2006. – №6(4) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.danah.org/papers/ABloggersBlog.pdf> (дата обращения: 20.07.2020).
123. Campbell, J. *The Liar's Tale: A History of Falsehood* / J. Campbell. – New York: W.W. Norton & Company, 2001. – 362 p.
124. Chu, D. Blogs and Bloggers // *The International Encyclopedia of Journalism Studies*, 2019. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/332748562_Blogs_and_Bloggers (дата обращения: 20.07.2019). – DOI: 10.1002/9781118841570.iejs0196.

125. Coherence / Foster L., Kazzazi K., Newton S., Thompson E., Trauth G. Routledge Dictionary of Language and Linguistics. – Routledge: London, 2006. – p. 198.
126. Cohesion / Foster L., Kazzazi K., Newton S., Thompson E., Trauth G. Routledge Dictionary of Language and Linguistics. – Routledge: London, 2006. – p. 199.
127. Crystal, D. Language and the Internet. 2nd Edition / D. Crystal. – Cambridge University Press, 2006. – 305 p.
128. Cuddon, J. Dictionary of Literary Terms and Literary Theory / J. Cuddon. – Chichester: Wiley-Blackwell, 2013. – 784 p.
129. Dresner, E., Herring, S. Emoticons and illocutionary force / E. Dresner, S. Herring // Philosophical dialogue: Writings in honor of Marcelo Dascal. – London: College Publication, 2012. – p. 59-70. – DOI:10.1007/978-94-007-7131-4_8.
130. Elega, A.A. Digital conversation on the blogosphere / A.A. Elega // Online Journal of Communication and Media Technologies. – 2018. – Vol. 8. № 2. – p. 39-54.
131. Gal, N. Internet Memes / The SAGE Encyclopedia of the Internet. – Kansas: SAGE Publications Ltd, 2018. – p. 528–530.
132. Grasping at straws / Cambridge Dictionary [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/grasping-at-straws> (дата обращения: 10.07.2019).
133. Grice, P. Studies in the way of words / P. Grice. – Harvard: Harvard University Press, 1989. – 406 p.
134. Hashtag / Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/hashtag> (дата обращения: 12.08.2020).
135. Herring, S.C., Scheidt, L.A., Wright, E., Bonus, S. Weblogs as a bridging genre / S.C. Herring, L.A. Scheidt, E. Wright, S. Bonus // Information Technology and People. – 2005. – Vol. 18. № 2. – p. 142-171 [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/220436990_Weblogs_as_a_bridging_genre (дата обращения: 20.07.2019).

136. Herring, S.C. A faceted classification scheme for computer-mediated discourse / S.C. Herring // *Language@Internet*. – 2007 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.languageatinternet.org/articles/2007/761> (дата обращения: 20.07.2019).

137. Herring, S., Dainas, A.R. «Nice picture comment!». Graphics in Facebook comment threads / S. Herring, A.R. Dainas // *Proceedings of the Fiftieth Hawai'i International Conference on System Sciences (HICSS-50)*. – 2017. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://ella.sice.indiana.edu/~herring/hicss.graphics.pdf> (дата обращения: 12.08.2020).

138. Hodges, A. Intertextuality in discourse / Tannen D., Hamilton H., Schiffrin D. *The Handbook of discourse analysis. Second Edition. Volume 1*. – Chichester: Wiley Blackwell, 2015. – p. 42-60.

139. Horn, L.R., Ward G. *The Handbook of Pragmatics* / L.R. Horn, G. Ward. – Oxford: Blackwell Publishing, 2006. – 820 p.

140. Jewitt, C. Different approaches to multimodality / *The Routledge Handbook of Multimodal Analysis*. – Routledge: London and New York, 2011. – 339 p.

141. La Rocca, G. Possible selves of a hashtag: moving from the theory of speech acts to cultural objects to interpret hashtags / G. La Rocca // *International Journal of Sociology and Anthropology*. – 2020. – №12(1). – p. 1-9. – DOI: 10.5897/IJSA2019.0833.

142. Lenkova, T. Three Steps to Understanding the Creolized Text / T. Lenkova // *PCSF 2019 – 9th PCSF Professional Culture of the Specialist of the Future EpSBS* (Saint Petersburg, November 2019). – p. 517-523.

143. Lyons, J. *Semantics. Volume II* / J. Lyons. – Cambridge: Cambridge University Press, 1977. – 897 p.

144. Nardi, B.A., Schiano, D.J., Gumbrecht, M., Swartz, L. Why we blog / B.A. Nardi, D.J. Schiano, M. Gumbrecht, L. Swartz // *Communication of the ACM*. – №47 – p.41-46.

145. Nerlich, B. Metonymy / *Encyclopedia of Language and Linguistics. Second edition*. – Elsevier Science, 2005. – p. 109-113.

146. Riabtseva, N.K. Internet communication: a linguistic and cognitive perspective // *Russian linguistic bulletin*. – 2016. – №4(8). – p. 70-73. – DOI: 10.18454/RULB.8.13.
147. Sanches-Villar, J., Bigne, E., Aldas-Manzano, J. Blog influence and political activism: an emerging and integrative model / J. Sanches-Villar, E. Bigne, J. Aldas-Manzano // *Spanish Journal of Marketing*. – 2017. – № 2. – p. 102-116. – DOI: 10.1016/j.sjme.2017.02.002.
148. Shepherd, M., Watters, C. The Evolution of Cybergenres / M. Shepherd, C. Watters // *Proceedings of the 31st Annual Hawaii International Conference on System Science*. – 1998. – p. 97-109. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/221182703_The_Evolution_of_Cybergenres (дата обращения: 18.07.2019).
149. Stati, S. Implicit Propositions in an Argumentative Approach / S. Stati // *Perspectives in Pragmatics, Philosophy and Psychology*. – 2013. – №2. – p. 433-441. – DOI: 10.1007/978-3-319-01014-4_17.
150. Szumska, D. Импликатура: последнее искушение лингвиста / D. Szumska // *Język i metoda*. – 2012. – №1. – С. 361-365.
151. Terkourafi, M. Indirectness in the age of globalization: a social network analysis // *Russian Journal of Linguistics*. – 2019. – № 23(4). – p.930-949. – DOI:10.22363/2687-0088-2019-23-4-930-949.
152. Walther, J.B., D’Addario, K.P. The impacts of emoticons on message interpretation in computer-mediated communication / J.B. Walther, K.P. D’Addario // *Social Science Computer Review*. – 2001. – №19. – p. 324-347. – DOI:10.1177/089443930101900307.
153. Way out of a paper bag / *The Free Dictionary* [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://idioms.thefreedictionary.com/way+out+of+a+paper+bag> (дата обращения: 16.02.2022).
154. Xiaohui, M., Li, L. Why do people blog? Exploration of motivations for blogging / M. Xiaohui, L. Li // *2010 IEEE 2nd Symposium on Web Society (Beijing, 2010)* – pp. 119-122. – DOI: doi: 10.1109/SWS.2010.5607468.

155. Yule, G. *Pragmatics.* / G. Yule. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – 138 p.

СПИСОК ИССЛЕДОВАННЫХ МАТЕРИАЛОВ

1. Блог Д. Медведева (twitter.com/MedvedevRussia)
2. Блог С. Собянина (twitter.com/MosSobyanin)
3. Блог А. Кудрина (twitter.com/Aleksei_Kudrin)
4. Блог А. Навального (twitter.com/navalny; некоммерческий фонд «Фонд борьбы с коррупцией», созданный А. Навальным, решением суда был признан экстремистской организацией, и его деятельность была запрещена на территории РФ)
5. Блог М. Светова (twitter.com/msvetov)
6. Блог Е. Шульман (twitter.com/eschulmann; признана Минюстом РФ иностранным агентом)
7. Блог М. Ходорковского (twitter.com/mich261213; признан Минюстом РФ иностранным агентом)
8. Блог Ю. Галяминой (twitter.com/galiamina)
9. Блог Д. Гудкова (twitter.com/gudkovd)
10. Блог М. Каца (maxkatz.livejournal.com)
11. Блог И. Варламова (varlamovru.livejournal.com)
12. Блог В. Милова (twitter.com/v_milov)
13. Блог А. Шария (twitter.com/anatoliisharii)
14. Блог И. Остапчука (twitter.com/ivaost)
15. Блог В. Дубовского (twitter.com/Dubovsky_V)
16. Блог Д. Байдена (twitter.com/POTUS)
17. Блог Д. Трампа (twitter.com/realDonaldTrump)
18. Блог Б. Джонсона (twitter.com/BorisJohnson)
19. Блог Б. Сандерса (twitter.com/BernieSanders)
20. Блог Н. Фаража (twitter.com/Nigel_Farage)
21. Блог Дж. Фишера (twitter.com/JFNYC1)
22. Блог Т. Дакворт (twitter.com/SenDuckworth)
23. Блог Р. Панахи (twitter.com/RitaPanahi)
24. Блог Дж. Харриса мл. (twitter.com/DavidJHarrisJr)

25. Блог К. Оуэнс (twitter.com/RealCandaceO)
26. Блоговые записи в сабреддитах [r/brexit](https://reddit.com/r/brexit) (reddit.com/r/brexit), [r/uspolitics](https://reddit.com/r/uspolitics) (reddit.com/r/uspolitics), [r/centrist](https://reddit.com/r/centrist) (reddit.com/r/centrist), [r/Libertarian](https://reddit.com/r/Libertarian) (reddit.com/r/Libertarian), [r/politota](https://reddit.com/r/politota) (reddit.com/r/politota)
27. Блоги на сайтах tvrain.ru, tsargrad.tv, snob.ru
28. Блог Azkomin_7 (akozmin-7.livejournal.com)
29. Блог sozero (sozero.livejournal.com)
30. Блог 3 Шурупа (3-shurupa.livejournal.com)
31. Блог DomBusin (dombusin.livejournal.com)
32. Блог Визуальных осколков (nasedkin.livejournal.com)
33. Блог orangerful (orangerful.livejournal.com)
34. Блог Склад свидомых перемог (peremogi.livejournal.com)
35. Блог Интеллигентная штучка (tareeva.livejournal.com)
36. Блог Владимира Акимова (vakimov.livejournal.com)
37. Блог Not a blog (grrm.livejournal.com)
38. Блог Синяя ворона (blau-kraehe.livejournal.com)
39. Блог Владимира Холодова (vlad-dolohov.livejournal.com)
40. Блог Эль Мюрид (el-murid.livejournal.com)
41. Блог Альманах непредвзятого аналитика (a-nalgin.livejournal.com)
42. Блог Валерия Савельева (vg-saveliev.livejournal.com)
43. Блог Colonel Cassad (in English) (cassad-eng.livejournal.com)
44. Блог Your Neighbour Cat (lifebotan.tumblr.com)
45. Блог Современная политика (klarku701-blog.tumblr.com)
46. Блог That One Person (crystalfeather06.tumblr.com)
47. Блог gregladen (scienceblogs.com/gregladen)
48. Блог William M. Connolley (scienceblogs.com/stoat)
49. Блог Guido Fawkes (order-order.com)
50. Блог Дениса Ерофеева (zen.yandex.ru/id/5bf2bc5eba9c9f00abaab853)
51. Блог Сергея Шангина (zen.yandex.ru/prose_of_existence)
52. Блог Linds2000 (twitter.com/Lindz2000)

53. Блог Sturdy Alex (twitter.com/sturdyAlex)
54. Блог Beno197 (twitter.com/Beno197)
55. Блог InariHiroyuki (twitter.com/inari_hiroyuki)